

**Николай
Рыжков**

**Главный
свидетель**

В ТУСЛАХ

Николай Рыжков

Главный свидетель

Предисловие

В декабре 1991-го окончательно распался СССР. За прошедшие годы появилось новое поколение россиян, для которого эти события отодвинулись в прошлое так же далеко, как революция в 1917-м или даже польская интервенция в начале XVII века. Оно, это поколение, наполовину поредевшее в сравнении с предшествующими годами, вступило в жизнь в обкорнанной, отягощенной невиданными лихоимством, страданиями и неправдой стране. Сегодняшняя межпартийная борьба за власть сделала их игрушкой в руках политиков и выводит на улицы. С обозначением на одеждах и транспарантах: «наши» — ибо есть еще и «не наши». Резвясь и дурачась в колоннах, школьники и студенты обучаются таким образом активной гражданской позиции. Фарс, да и только.

Глядя на них, невольно вспоминается более чем стотысячное шествие на Манежную площадь в разгар «перестройки» взрослых и образованных сторонников Ельцина из подмосковных научных городков. Образованных выше некуда, умных, казалось бы, тоже. Но, как ополоумевшие, в общем психозе рвали и топтали они на Манежной розданный им в изобилии номер газеты «Правда» с перепечатанной там статьей итальянского журналиста о пьяных выходках Ельцина в Америке. Их кумир в тоге отца демократии, их знамя, безупречное

сладкое имя только что обретенного вождя затмило им все, и никакой другой образ, никакую иную правду они не в состоянии были принять. Редактора газеты через несколько дней уволили. Выкрики выступающих и утробный гул наэлектризованного академического волеизъявления до сих пор стоят у меня в ушах, как нечто совсем уж непотребное, хотя и до того, и после в Кремлевском Дворце съездов и на улицах и площадях насмотрелся и наслушался я вдоволь. Мы — Василий Белов, Владимир Крупин и я — пришли на Манежную в сопровождении нескольких крепких ребят, взявших на себя нашу охрану на случай, если будем узнаны и зачислены во враги. Мы пытались отказаться от сопровождения, считая такую предосторожность излишней, но... на всякий случай, решительно сказано было нам.

Позже, в сентябре 1991-го, когда Съезд народных депутатов распустил сам себя, и я с облегчением, что кремлевское мое сидение, слава богу, закончилось, выходил из Кремля через Спасские ворота, на меня и моего спутника набросилась толпа разъяренных женщин, и сбили бы с ног, да подоспела помощь.

Вспоминаю об этих случаях, чтобы показать атмосферу и психоз тех «окаянных дней». Воистину: кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум.

Николай Иванович Рыжков осторожно обмолвился в книге о негативной роли Съезда народных депутатов в событиях тех лет. Как депутат этого «органа народовластия», не пропустивший ни одного съезда и даже ни одного заседания, могу сказать больше: дьявольский ум запустил это «изобретение» на и без того раскаленную почву. Но раскалена она была только в

больших городах и по национальным окраинам — трансляция Первого же Съезда, продолжавшегося в мае — июне 1989 года две недели, разнесла науку махровой ненависти везде и всюду. «Революционеры» подготовились к нему прекрасно и роли свои распределили с выверенной точностью. Не исключено, что и тбилисские события за полтора месяца до съезда были спровоцированы и приурочены к нему же, уж очень они пришлись кстати для оголтелого наступления на союзную власть. И видно стало на всю страну, что власть слаба и идет на уступки. До Съезда — тбилисские события, и сразу после него в июне — резня в Фергане, в январе 1990-го еще более страшная резня в Баку и уже вдогонку самостийщикам, побежавшим из «тюрьмы народов», — провокация у телебашни в Вильнюсе с применением оружия и жертвами. Или случаен этот кровавый опояс России? Если бы... На крови, как известно, замес гуще.

Неописуемое дикарство творилось и на заседаниях Съезда. Неправое дело для победы своей требует не просто безнравственности и бесстыдства, но и безумия. Какая там демократия, какое цивилизованное обсуждение! Объединившись в межрегиональную группу, как в боевую организацию, опьяненные первыми успехами и не получающие серьезного отпора, поддержанные явными и тайными врагами России за рубежом, они приступом брали микрофон, оскорбляли зал и обращались не столько к нему, залу, сколько к телекамерам, не давали говорить другим. На тех, в ком они видели опасную для себя силу и кто противостоял их разрушительному энтузиазму — на того же Н.И. Рыжкова, на Е.К. Лигачева, генерала армии Родионова — набрасывались, ако псы бешеные, с надуманными

обвинениями, лжесвидетельствовали во всю мощь своего бесстыдства, устраивали сцену за сценой, напоминающие психатаку.

И все это моментально подхватывалось в провинции и лезло таким же макаром во власть.

Взяли ее в конце концов, стали хозяевами России. Как находивничали — известно, до сих пор не опомнимся.

Когда в 1993-м после расстрела Белого дома собрались они, новые хозяева, в Кремле, чтобы отпраздновать очередную победу на выборах, а победы не случилось, один из них, самых оголтелых, писатель Ю. Карякин, закричал в камеру:

— Ты сдурела, Россия!

А нищая, полуживая Россия только-только начала приходить в себя от навязанной ей в государственном масштабе дури.

Н.И. Рыжков не был защитником старого порядка и системы, которые уже с видимым трудом передвигали свои износившиеся маховики, он стоял за постепенный и безболезненный переход на современное хозяйничанье. Если бы была принята программа правительства Н.И. Рыжкова о переключении экономики на рынок в течение шести-восьми лет, а не за 500 дней, на которых настояли авантюристы, не обрушилось бы оставшееся без подпорок огромное и тяжеловесное здание государственности и не погребло бы под собой десятки миллионов жизней.

Как никто имел Николай Иванович право на эту книгу скорбных воспоминаний. Не только имел право, а должен был жить с чувством обязанности написать ее. Ему не в чем себя упрекать за случившееся. Горбачев

лавировал, стараясь быть добреньким для тех и других в непримиримом противостоянии, Шеварднадзе тайно, Яковлев явно сочувствовали и помогали взломщикам, Лигачев вынужден был защищаться от фальшивых и бесстыдных обвинений и на время оказался исключенным из активной роли, и только Н.И. Рыжков снова и снова поднимался на трибуну и взывал к разуму, пока еще не поздно, остановить разрушение.

В межэтнических конфликтах (да и не конфликтах уже, а побоищах!) он был там, в самом пекле, в Фергане выхватывая из рук смерти сотни и тысячи турок-месхетинцев и на самолетах отправляя их в Россию, а из Баку в срочном порядке снаряжая воздушные и наземные транспорты со спасенными армянами и русскими. В книге трагические события конца 80-х — начала 90-х годов доведены до их логической законченности. Никто не выиграл от развала союзного государства, нет мира и благополучия ни на Кавказе, ни в Прибалтике, ни на Украине, ни в азиатском «подбрюшье». У одних гонор, бахвальство и сопутствующее подобным качествам бессилие, другие пали на колени перед Западом, сделавшись мелкими вассалами, и им еще предстоит испытать, что это такое, третьи никак не найдут себе подходящее лицо.

Валентин Распутин

Введение

Как известно, нет лучшего учителя на свете, чем сама жизнь. А она показала, к чему на деле привели так называемые демократические перемены, в первую очередь — в социально-экономическом положении десятков миллионов людей. Неудивительно, что все чаще

и чаще многие задаются вопросами: а нужна ли была перестройка, была ли она исторически необходимой и неизбежной? И немудрено, что многие с уважением вспоминают советское прошлое — не очень богатое, но с твердыми гарантиями прав на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание, обеспечение необходимыми социальными льготами и т. д.

Люди наконец-то убедились, что их цинично обманули «демократы», и их розовые обещания скорой райской жизни рассеялись, как утренний туман. Другие же, составляющие значительно меньшую часть населения, получили все, о чем даже и не мечтали. Но произошло это фактически за счет прямого ограбления большинства людей.

О трагедии «перестройки» и «перестройщиков» — а я был в гуще событий тех лет, — о величайшей трагедии нашего народа мне и хотелось бы рассказать читателям предлагаемой книги. Но сначала вкратце о том, что и как в действительности происходило тогда в основных сферах жизни и было использовано деструктивными силами для достижения их целей, как стремительно росло напряжение в обществе.

Экономика

Нужно сказать прямо, что, начиная реформирование страны, ее руководство не просчитало должным образом все необходимые для этого взаимосвязанные шаги и их долговременные последствия. Думаю, что те, кто упрекает реформаторов 80-х годов в отсутствии четкой программы действий, к сожалению, правы. Конечно, они не учитывают конкретную политическую обстановку, в которой приходилось принимать те или иные решения,

но это не устраняет справедливости их обвинения по существу. Но вот что в тот момент было реально и верно, с моей точки зрения, — так это решение начать с реформирования экономики. Собственно говоря, горбачевская перестройка в своем первоначальном виде вообще задумывалась как реформирование именно ее, экономики страны.

Жесткая плановая система, созданная в 30-е годы, успешно справилась с индустриализацией, обеспечила ей победу над сильнейшим врагом — гитлеровской Германией, позволила в немыслимо короткое время восстановить народное хозяйство, а в годы «холодной войны» создать военный паритет с Западом. Но жизнь не стояла на месте, и постепенно мы стали ощущать, что наше народное хозяйство не может в полной мере удовлетворять возросшие социально-экономические запросы населения, да и решать ряд других важнейших задач развития страны.

Нужно было найти более эффективные методы функционирования народного хозяйства. В середине 60-х годов Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин начал свою экономическую реформу. Она не затрагивала базовых устоев социалистической системы, но давала предприятиям определенную свободу. В то время я был главным инженером, а затем генеральным директором Уралмаша, и мы были весьма удовлетворены тем, что жестко регламентированная система управления была смягчена, в частности, предоставлением заводам довольно-таки существенной самостоятельности в создании различных фондов и использовании их по собственному решению коллектива.

В целом реформа привела к тому, что восьмая пятилетка (1966–1970 годы) имела самые высокие экономические показатели. Увы, после чехословацких событий 1968 года косыгинскую реформу постепенно свели к нулю. Дальнейшие, при Л.И. Брежнев, попытки в какой-то степени реанимировать и усовершенствовать ее практического успеха уже не имели.

Но вот в 1983 году новый Генеральный секретарь ЦК Ю.В. Андропов всенародно поставил задачу: разобраться, в каком же обществе мы живем? Вопрос этот был крайне серьезным — необходимо было заново определить сущность созданного в стране строя и его место в истории человечества. В связи с этим Ю. Андропов поручил члену Политбюро М. Горбачеву, кандидату в члены Политбюро В. Долгих и Секретарю ЦК по экономике Н. Рыжкову тщательно изучить сложившееся в экономике положение и подготовить предложения по ее реформированию. Наши наработки по этому вопросу выполнялись с привлечением огромнейшего числа ученых, специалистов и производственников на протяжении двух лет и легли в основу апрельского (1985 года) доклада Горбачева на Пленуме ЦК КПСС. А далее в течение всей второй половины 80-х годов в Правительстве СССР шла постоянная и напряженная работа по выработке конкретных путей и методов реформирования экономики.

Для того чтобы придать «второе дыхание» экономике, было необходимо решить ряд принципиальных проблем. Если смотреть в корень вещей, в первую очередь предстояло преодолеть все более очевидное отчуждение человека от средств производства и результатов его труда. В силу этого у работника была явно недостаточной мотивация к труду

ответственному, эффективному и высококачественному. В связи с этим перед нами встал вопрос о собственности в нашем обществе и перспективах ее развития. Как известно, основной ее формой являлась государственная, общенародная. К тому же и колхозно-кооперативная собственность постепенно тоже приобрела признаки государственной. С учетом мнения ученых, опыта зарубежных стран мы считали, что в руках государства целесообразно сохранить примерно 50–60 процентов собственности — имелись в виду базовые отрасли народного хозяйства и предприятия оборонного комплекса. Соответственно остальные 50–40 процентов могли находиться в акционерной и частной форме, но не на землю, кроме приусадебных, дачных и садово-огородных участков. Особый упор в своих разработках мы делали на так называемые «народные предприятия», владельцами которых являлись бы только их коллективы.

Этой точке зрения противостояли взгляды либеральных экономистов, а также политиков во главе с А.Н. Яковлевым, воспевавших лишь частную собственность. Они утверждали, что только она автоматически решит все социально-экономические проблемы страны. Не о подобных ли проповедях и делах писал в свое время, как бы предвидя будущее, мудрый М.Е. Салтыков-Щедрин: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность (речь шла о частной! — Н.Р.) священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»? А ведь так и получилось.

Либеральные экономисты призывали нас сразу, без подготовки, броситься с головой в омут рынка и приводили в пример историю стран Европы и США,

вышедших из Второй мировой войны с фактически централизованной плановой экономикой и тут же безоглядно и смело нырнувших в него. Да, но они имели долгий рыночный опыт, в определенной степени прерванный на пять-шесть лет из-за войны. Им было куда нырять. К тому же, замечу, они и в послевоенный период отнюдь не чурались и не чураются элементов государственного планирования, от которых ныне бегут, как от чумы, наши новоявленные рыночные оракулы, а на поверку — теперешние слепые поводыри отечественной экономики.

Наши предложения по переходу страны на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым государственным регулированием и при минимальных трудностях для населения встретили в штыки и либеральные экономисты, и политические и прочие общественные деятели, ближайшая цель которых состояла в том, чтобы до основания уничтожить существовавшую экономическую систему. Вместе с определенной частью тогдашней номенклатуры они вполне успешно достигли своей цели. Характерная для этой циничной публики деталь: в то время ни один из них не говорил о тяжелейших испытаниях, которые обрушат на население «либеральные реформы», а в середине 90-х годов, когда они уверовали в их необратимость, откровенно глумливо стали утверждать, что прекрасно знали, к каким последствиям для большинства народа и для государства приведет развитие событий по их сценарию.

Время показало абсурдность и гибельность действий сторонников радикальных экономических реформ. После «пинка под зад матушке России», как выражался один из лидеров либералов, народ протрезвел, и уже сегодня

вряд ли встретил бы аплодисментами и восторгом так называемую программу «500 дней». Ее авторы: Г. Явлинский, Г. Бурбулис, Б. Федоров, М. Задорнов и другие — помнят ее, конечно, но стремятся, чтобы народ о ней забыл. Григорий Алексеевич после разрушения страны создал даже партию «Яблоко». Десять лет он проповедовал свои идеи, но при этом ни разу не вспомнил свое детище «500 дней». Наконец-то люди раскусили, что яблоко оказалось червивым! Сейчас же нас учат жить из своего института последователь радикализма в экономике Е. Гайдар и его соратники.

Эти люди, сделав свое подлое дело, ушли в сторону, а народ и государство остались со своими невзгодами и бедственным положением.

Итак, этими сверхкраткими заметками я хотел обратить внимание читателей на переплетение экономических факторов, способствовавших созданию в обществе атмосферы неудовлетворенности условиями существования и надежд на скорое изменение их к лучшему. Этими факторами, на мой взгляд, было неосуществление на протяжении четверти века развития основных идей так называемой косыгинской реформы, постоянное снижение эффективности народного хозяйства, а также неудовлетворение возросших потребностей советского народа вследствие значительного ухудшения развития потребительского рынка. Все это отразилось на материальном положении людей и их общественных настроениях. Но весьма опасным общественным явлением был разрыв, в том числе чрезмерный во времени, между декларациями, решениями, программами и обещаниями политического

руководства улучшить материальное положение людей и реальным состоянием дел в этой сфере.

Конечно, ситуация «разогревалась» и другими экономическими, да и не только экономическими факторами...

Внутренняя политика

О событиях в этой сфере мне придется рассказать несколько подробнее, ибо именно в ней развернулись основные «бои» между теми, кто стремился сохранить реформированный Советский Союз, и теми, кто жаждал его уничтожения.

К концу 1987 года у Горбачева и его ближайших соратников окрепло убеждение, что прогрессивные изменения в экономике не произойдут, если они не будут сопровождаться политической реформой. В первую очередь, по его образному выражению, необходимо было «встряхнуть КПСС».

Говоря объективно, в самой партии уже давно назрела необходимость перемен. Она сыграла свою действительно великую историческую роль. В напряженнейшие 30-е годы, когда все дышало Второй мировой войной, во время Великой Отечественной, в послевоенный период с его «холодной войной» именно КПСС держала в своих руках всю жизнь страны. Вряд ли можно было в те годы осуществить гигантские свершения при другой политической системе.

Но наступили иные времена и, конечно, в деятельности партии должны были произойти серьезные, даже кардинальные изменения. Учитывая, что за социально-экономическое развитие страны отвечало в основном Правительство, я считал, что партия должна

отойти от прямого управления экономикой, передав эти функции законодательной и исполнительной власти. На мой взгляд, идеологию и выработку стратегии развития было целесообразно оставить за КПСС, освободив ее при этом от устоявшегося десятилетиями догматизма в теории и практике партийной работы.

Да и ранний Горбачев был такого же мнения. Например, на пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 года он говорил: «Мы подошли теперь к необходимости перестройки нашей политической системы. Речь идет, разумеется, не о замене действующей системы, а о том, чтобы внести в нее качественно новые структуры и элементы, придать ей новое содержание и динамизм... Коренной вопрос реформы политической системы касается разграничения функций партийных и государственных органов. И здесь также в основу должны быть положены ленинские идеи. Направляющая и руководящая роль партии — неременное условие функционирования и развития социалистического общества».

Учитывая его дальнейшие поступки и, уже после отставки, откровенно отрицательные высказывания в отношении партии, невольно засомневаешься в его искренности и убежденности, да и в порядочности тоже.

23 августа 1991 года на «трибуне позора» в Верховном Совете России униженный президент СССР, только что привезенный из форосского 72-часового «сидения», еще заявлял о своей приверженности идеям социализма и вере в реформированную партию. А на следующий же день... сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС! В заявлении по этому поводу он путано говорил о своей обязанности защитить

коммунистов как граждан страны от необоснованных обвинений, и в этой связи — о самороспуске партии.

Круг замкнулся. Рано или поздно это должно было произойти — пути Горбачева и партии разошлись. Но до сих пор остается загадкой, почему его рекомендации Центральному Комитету о самороспуске КПСС многие восприняли как уже свершившийся факт? Думаю, что подсознательно сработала воспитанная десятилетиями вера в безусловную правильность действий ее лидера — Генерального секретаря.

Это были дни пьянящей эйфории у победителей и у тех, кто всегда стремительно примазывается к ним, к власти — какой бы она ни являлась. Собственные убеждения у приспособленцев всегда начисто отсутствуют. Казалось бы, прорвавшиеся к власти и называвшие себя единственными в стране демократами, будь они действительно ими, должны были поручить столь же «демократической» прокуратуре начать следствие против тех, кто, как они считали, за семьдесят лет привел страну к унижительному и нищенскому существованию. Ведь именно «демократы» стали представлять себя в качестве благороднейших борцов за построение в стране истинно правового общества!

Но ведь тогда неизбежно возник бы вопрос и о вчерашних коммунистах, далеко не последних в партийной иерархии, их роли и ответственности. И не поэтому ли взамен родился абсолютно незаконный и антидемократический Указ о роспуске КПСС? Пятнадцать миллионов коммунистов оказались вне закона. Пожалуй, редкая из газет в то время удержалась, чтобы не назвать этот Указ подарком Ельцина поверженным коммунистам к их празднику. Они, правда, «забыли», что в течение

многих десятилетий это был самый главный праздник государства, всего народа.

Как же могло произойти, что КПСС, став инициатором преобразований в стране — перестройки, через пять лет сошла с политической арены, а из многомиллионных членов партии никто не вышел на ее защиту?

Дело в том, что в 1989 году политическая обстановка в стране резко изменилась. В начале лета состоялся Первый Съезд народных депутатов СССР, образованный в соответствии с измененной Конституцией. В разгоряченной атмосфере Съезда было забыто все великое, связанное с деятельностью КПСС, но зато в ее адрес звучало много претензий, тяжелых обвинений и призывов к возмездию. В выступлениях чувствовалась гражданская и политическая незрелость ораторов, выразивших надежду помочь стране, освободив ее от «гнета КПСС». Несли они в себе и справедливую критику, обнажающую реальные проблемы деятельности партии в обществе, но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по ее дискредитации. В результате исторического развития КПСС стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры. Именно поэтому было крайне опасно разрушать ее авторитет в интересах деструктивных сил. Но тот, кто дирижировал всем этим, знал, что для смены власти и общественного строя необходимо было сломать именно партийно-государственный стержень, на котором держалась страна.

Существовали и объективные причины явно разраставшегося политического кризиса. После XIX

партконференции (1988 года) и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно, опережающими темпами по сравнению с остальным обществом перестроиться, кардинально реформироваться, чтобы успешно работать в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные обстоятельства вызвали тревогу многих партийных организаций, от них поступали предложения о немедленном созыве Пленума ЦК, на котором нужно было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, об изменениях в ней самой. Было очевидно, что если не выработать новую стратегическую линию ее деятельности, то вся перестройка может обернуться для народа небывалой бедой.

Вместо Пленума в ЦК КПСС 18 июля 1989 года состоялось совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, членов Правительства СССР, руководителей Верховного Совета СССР. Обеспокоенный складывавшейся ситуацией в партии и стране, я решил выступить на нем. Комментарий моего выступления наиболее объективно дал бывший работник аппарата ЦК В.М. Легостаев в своей книге:

«На этом совещании внимание всей партии вызвали обширные комментарии в партийной среде выступление Н.И. Рыжкова, члена Политбюро ЦК, Председателя Совета Министров СССР. Оно было воспринято как наиболее смелое, принципиальное, наиболее партийное

из всех, звучавших на совещании. В нем содержался точный анализ нарастания негативных явлений в КПСС, откровенно говорилось о том, к чему это может привести все общество. Косвенным, но достаточно ясным образом ответственность за подобное состояние партии возлагалось, наряду с Политбюро и уже не существовавшим тогда Секретариатом, и на Генерального секретаря: «Особо хотел сказать, что мы должны всячески содействовать, чтобы Генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачев больше внимания уделял своим партийным обязанностям». В общем, Генсеку предлагалось заняться партией, доверив хозяйственные дела правительству.

Заканчивая свое выступление, Н.И. Рыжков сказал: «Дело еще не дошло до того, чтобы правомерным стал лозунг: «Партия в опасности». Но, глядя правде в глаза, мы должны ясно видеть: такая возможность существует...». Слова эти, несмотря на смягчающую оговорку «дело еще не дошло», звучали из уст главы правительства как очень серьезное предостережение».

Многочисленные отклики на это выступление, да и автор цитируемой книги делают вполне прозрачный намек, что на этом совещании появился новый Рыжков. Не забуду, что, когда я еще не сошел с трибуны, один из членов ЦК вскочил со своего места и закричал: «Почему товарищ Рыжков не говорит об экономике?». Я вынужден был ответить ему, что действительно часто с этой трибуны говорю о проблемах народного хозяйства, но сейчас наступил тот момент в нашей жизни, когда необходимо говорить о партии. И я как член Политбюро сделал это.

Мной тогда не ставилась цель анализировать деятельность КПСС в тяжелейшие для страны и народа «перестроечные» годы. Я лишь хотел показать парадоксальную ситуацию, которая заключалась в том, что мощнейшая в нашей истории партия не только возглавила проведение необходимых реформ, как это, например, делали и делают китайцы, но одновременно и хоронила себя, фактически создав условия, при которых ничтожным по сравнению с ней силам удалось сбросить ее с политической арены.

Увы, мое выступление не нашло позитивного отклика у Генсека и его окружения.

Впоследствии мне стало известно, что после моего выступления А. Яковлев пригласил некоторых региональных партийных лидеров и задал им вопрос: «Вы видите, кто готовит нож в спину перестройки?».

К своей трагедии КПСС подошла потому, что на протяжении десятилетий, имея монополию на власть, она утратила способность к реальной, повседневной политической борьбе. В результате партия, как единый организм, потеряла свои лучшие качества — боевитость, самопожертвование, бескорыстие... Произошло ее одряхление.

По мере того, как КПСС в силу этих и других причин теряла влияние на народные массы, в стране стали возникать оппозиционные общественные движения, сыгравшие существенную роль в процессе разрушения государства и общественного строя. Их следует условно разбить на три группы: диссиденты, неформалы и демократы. Можно обозначить и три волны их деятельности.

Диссидентское движение, возникшее в начале 60-х годов, в основном занималось правозащитной деятельностью, не шло на сотрудничество с властями и отказывалось от применения силы. Оно было малочисленным, раздробленным и слабо организованным, но привлекало внимание Запада и пользовалось поддержкой небольшой части отечественной интеллигенции. Для них важен был сам факт, что в Советском Союзе существуют оппозиционные круги, которые могут при определенных условиях приобрести какой-то политический вес.

Старшее поколение помнит судебные процессы над диссидентами. Сведения о таких процессах доходили до части населения (в основном — интеллигенции, особенно так называемой творческой), главным образом из радиопередач всевозможных зарубежных «голосов» с характерной для них смесью правды и небылиц.

Но вот в декабре 1986 года было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования оппозиции. Из лагерей и тюрем начали выходить бывшие диссиденты. Однако их движение практически не восстановилось. Многие устали от «борьбы за права человека», а другие, получив известность на Западе, предпочли спокойную жизнь за рубежом. Парадоксально, но факт, что точку в истории диссидентского движения поставило именно тогда, в 1986 году, прекращение их преследования.

В это время в стране начали быстро возникать многочисленные общественные структуры, членов которых стали называть неформалами. Общих принципов у этих организаций практически не было. В их среде оказались демократы и патриоты, анархисты и

монархисты, коммунисты, социал-демократы, либерал-консерваторы и т. п. Многие группы формировались не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — экология, защита памятников и т. д. В отличие от диссидентов, неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и другие официальные структуры (профсоюз, комсомол и т. д.). Но вскоре деятельность многих неформалов стала приобретать все более политизированный, а затем и просто политический характер. Участники неформальных объединений своеобразно «играли в большую политику», набирались опыта и вскоре научились выводить на улицу многочисленные толпы народа.

Внутренние дискуссии оттачивали мастерство оппозиционных деятелей и воспитали будущих политиков, журналистов, общественных активистов. В 90-е годы некоторые из них стали руководителями общественных организаций, свежее испеченных политических институтов, средств массовой информации. Этих людей и сегодня можно видеть на экранах телевизоров, на различных политических «тусовках». Они и сейчас учат народ, как ему жить в условиях демократических перемен, за которые они, во многом наивно, ратовали двадцать лет назад. В те далекие годы они называли себя основой будущего гражданского общества, а сейчас со скорбными лицами заявляют, что мы от него стали еще дальше, чем в дни их юности.

Чтобы показать картину происходившего в этой сфере общественной жизни, приведу два-три примера.

В феврале 1987 года на базе Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) был

создан клуб «Перестройка». В его работе приняли участие сотрудники ЦЭМИ, в том числе экономист (тогда еще коммунист) Е. Гайдар и др. Сначала дискуссии в «Перестройке» были публичным продолжением академических споров. Но, как и следовало ожидать, в этих рамках они не удержались. Не случайно, что ЦЭМИ с его клубом в дальнейшем стал одним из инициаторов радикальных экономических реформ, а активный его член — Е. Гайдар принимал участие в разрушении страны вместе с Ельциным в Беловежской Пуще и впоследствии исполнял обязанности главы Правительства России. С января 1992 года он, с благословения того же Ельцина, начал радикальные экономические реформы, которые на много лет отбросили страну назад, а большую часть населения — в бедность и просто в нищету.

В августе 1987 года возникла группа «Мемориал». Основной ее целью было увековечение памяти жертв сталинских репрессий. Одна часть группы считала необходимым выходить на улицы со своими лозунгами, вторая же предпочитала сбор подписей на мероприятиях определенной части интеллигенции. Подписантами обращений стали известные деятели — Б. Окуджава, Е. Евтушенко, А. Приставкин и др. На деятельность «Мемориала» обратили благосклонное внимание «архитекторы» и идеологи перестройки — А. Яковлев и др.

«Мемориал» принимал активное участие в выборах 1989 года, в организации митингов и других мероприятий демократического движения. Многие вышеупомянутые лица пришли затем в демократические движения различного толка.

В 1983 году было организовано историко-литературное патриотическое объединение «Память». Эта организация вызывала отторжение со стороны других неформалов своими ксенофобскими лозунгами — борьба с «сионско-масонским заговором» в КПСС и во всем мире. После прихода в конце 1985 года к руководству объединения Д. Васильева эта организация стала сильно радикализироваться. Опираясь на пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», Васильев рисовал картину мировой борьбы между сионизмом и патриотическими силами. Перестройку он трактовал как очищение партии и государства от «сионистской агентуры», поддерживал борьбу с «алкоголизацией» страны.

В мае 1987 года «Память» провела в Москве первую несанкционированную демонстрацию, приобретя при этом всесоюзную известность. Поводом для ее проведения стало разрушение одного из символов Москвы — Поклонной горы, где в то время развернулись работы по созданию памятника Победы. Колонны демонстрантов в несколько сотен человек с Манежной площади двинулись по улице Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. В демонстрации принял участие Первый секретарь компартии в Москве Б. Ельцин. Он заверял собравшихся, что скоро положение изменится и больше не будет разрушения памятников истории и культуры.

Полагаю, что организация Д. Васильева принесла не меньше вреда нашей стране, чем другие политические и общественные неформалы того времени. Если те подтачивали основы общественного строя и государства, то «Память», делая заявления, будто поддерживает

перестройку, своими лозунгами и действиями фактически отталкивала от нее часть народа.

Как уже говорилось, неформалы не были идеологически едиными. В их среде были сильны, в частности, социалистические тенденции. Но победили и возглавили третью волну общественного движения те, кто присвоил себе наименование «демократы». Эти быстро избавились от некоторых «предрассудков» неформалов, особенно от ненасильственного характера деятельности, использовали любые, вплоть до самых грязных, средства в политической борьбе с целью разрушения СССР и его общественного строя и закончили тем, что значительной своей частью поддержали расстрел Верховного Совета Российской Федерации в 1993 году. Впрочем, к тому времени, уже после уничтожения СССР, «демократы» перекрасились в «либералов» и навязали обществу ту программу его развития, а точнее — всесторонней деградации, которую в народе справедливо связывают с именами Ельцина, Гайдара и КО.

Итак, неспособность КПСС осуществить реформы в необходимом направлении и в кратчайший, отпущенный историей срок, привела к рождению оппозиционных политических движений, часть которых вольно или невольно способствовала разрушению Советского Союза и ликвидации существовавшего общественного строя.

Внешняя политика

В отличие от своих предшественников, Хрущева и Брежнева, которые только во второй половине своего правления окунулись во внешнеполитическую

деятельность, Горбачев сразу с большим удовольствием стал заниматься этим направлением.

Начало сотрудничества Горбачева с Западом было положено его, рядового члена Политбюро, встречей осенью 1984 года с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер. Эту встречу, как известно, организовал советский посол в Канаде А. Яковлев, с которым несколько ранее будущий Генсек познакомился и близко сошелся по своим идейным позициям. Обращает на себя внимание то, что встреча состоялась не в обычном правительственном особняке в Лондоне (Даунинг-стрит, 10), а в особой, загородной резиденции в Чеккерсе, предназначенной для приема лишь тех иностранных руководителей, находящихся в Великобритании с официальным государственным визитом, с которыми премьер-министр хотела провести особо важные доверительные беседы.

Практически это были смотрины будущего Генсека: руководители Запада прекрасно представляли себе состояние здоровья К. Черненко. После встречи Тэтчер обронила крылатую фразу: «С этим человеком можно иметь дело... Ему можно доверять». Это был сигнал «железной» леди своим коллегам в других странах. И она впоследствии с гордостью говорила: «Мы сделали Горбачева Генеральным секретарем».

Надо отдать должное западным аналитикам и политологам — они хорошо бегают на «длинные дистанции», на десятки лет вперед разрабатывая свою программу действий по разложению советского общества как изнутри, так и при помощи военно-политического давления извне. Правда, даже у самых больших оптимистов из их числа не хватило фантазии

предположить, что разрушение Советского Союза может произойти в такие короткие сроки. Ведь для этого у нас должен был появиться руководитель государства, который шаг за шагом, притом ускоренными темпами, будет сдавать Западу великую Державу. И он нашелся: им стал человек, с которым противникам СССР было «можно иметь дело».

Объективно говоря, внешнюю политику, конечно, нужно было проводить более активно и эффективно хотя бы потому, что у нас имелись серьезные проблемы с затратами на вооружение и содержание армии. Но, на мой взгляд, Горбачевым двигали другие устремления — стать фигурой мирового масштаба, новым «мессией», который спустился к нам, чтобы полностью изменить мир. Это льстило его непомерному самолюбию и амбициозности.

В этой связи я могу процитировать А. Яковлева о поведении Горбачева на вышеупомянутых «смотринах». Выдержка взята из его книги «Омут памяти»:

«Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил из своей папки карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удары и все остальное.

Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачева. По-моему, она не могла понять, разыгрывают ее или говорят всерьез. Пауза явно затягивалась. Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли

стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев:

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.

— Да, — ответила несколько растерянная Тэтчер.

Из Лондона уехали раньше срока, поскольку нам сообщили, что умер Устинов — министр обороны».

М. Горбачев своего добился: на Западе его «утвердили» раньше, чем это произошло в Кремле. Хотел бы я посмотреть, что стало бы с подобным руководителем в другой стране!

В октябре 1986 года, после двухмесячной паузы, Р. Рейган согласился на предложение Горбачева встретиться с ним в Рейкьявике. Там они с глазу на глаз провели многочасовые тайные переговоры. Президенту США нужно было знать, готов ли Горбачев поступиться интересами СССР и быть лояльным по отношению к США. Позднее, в 1993 году, находясь во Франции, Горбачев развязал язык и признался, что на встрече в Рейкьявике он «фактически отдал СССР на милость Соединенным Штатам», что «Рейкьявик на деле был драмой, большой драмой... Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошел бы... На этой встрече в верхах мы... зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя».

После Рейкьявика состоялись другие многочисленные контакты и переговоры. В конце 1989 года во время встречи Горбачева на Мальте с президентом Бушем-старшим была поставлена точка в процессе сдачи всех политико-оборонных позиций СССР. Как образно выразились тогда острословы и дипломаты,

холодную войну похоронили в теплых водах Средиземного моря.

За шесть лет пребывания на посту Генсека Горбачев одиннадцать раз встречался с Президентом США. В итоге политики во многом крайне односторонних уступок рухнула Берлинская стена, уничтожены Варшавский Договор, содружество социалистических стран и сам Советский Союз. Под звуки оркестра, которым дирижировал пьяный Ельцин, войска постыдно покидали свои военные базы и уходили в никуда — в чистое поле с походными палатками. Таков был позорный итог соглашения М. Горбачева с его другом Г. Кодем на государственной даче в Архызе.

Внешняя политика Горбачева-Шеварднадзе (его подручного в роли министра иностранных дел СССР) привела к падению международного авторитета нашего государства. В результате в течение нескольких лет мы потеряли статус супердержавы, а мир — двухполярную систему геополитического равновесия, позволявшую ему относительно благополучно просуществовать всю вторую половину XX века. Теперь человечество живет в мире однополярном, где господствует единственная супердержава, США, со своей экономической и военной мощью и маниакальным стремлением перестроить жизнь остальных стран по своему шаблону и в своих интересах.

Итак, было бы нелепым утверждать, что вся деятельность Генсека — Президента Горбачева на международной арене была ошибочной. Но то, что она удовлетворяла прежде всего интересы Запада и слишком часто за счет интересов СССР, — это бесспорно. Такая политика не только ослабляла его позиции на мировой арене, но и способствовала усилению влияния Запада на

население Союза ССР, активизации антисоветских, антисоциалистических сил внутри нашей страны и в конечном счете — к ее исчезновению с карты мира.

Идеология

Строго говоря, идеологические проблемы в той или иной мере уже затронуты в предыдущих разделах главы, и все же хотелось бы продолжить эту тему ввиду ее исключительной роли в жизни страны и в перестроечные, и в постперестроечные годы.

«Архитекторы», «прорабы» и прочие идеологи и организаторы перестройки прекрасно понимали, что коренные экономические и политические преобразования в стране возможны лишь при их поддержке большей или хотя бы значительной частью общества. Однако к восьмидесятым годам, уже в далеком героическом и славном прошлом осталось то время, когда партия напрямую действительно опиралась на рабочий класс и крестьянство и вместе с ними составляла, можно сказать, грозную силу. Постепенно эта связь становилась все более формальной и односторонней — сверху, от партии к массам и намного, намного слабее — снизу, от масс к партии. К тому же мощное воздействие на формирование духовной жизни общества стали оказывать бурно развивавшиеся средства массовой информации, в первую очередь телевидение и радио, а также ежедневные газеты и еженедельники, «тонкие» и «толстые» журналы. Ну, а кто там работал и определял их позиции? Естественно, люди интеллектуального труда. Так интеллигенция оказалась на авансцене политической жизни, и от нее в огромной, а вскоре и в решающей мере стал зависеть «климат» в духовной жизни народа,

общественное сознание и гражданское, политическое поведение широких кругов населения.

Получить поддержку перестройки со стороны интеллигенции можно было, только обеспечив в стране реальную свободу слова.

Руководство страны, в том числе и пишущий эти строки, были за такой поворот в жизни общества — в сторону его открытости как внутри государства, так и внешнему миру. Для многих из нас было очевидно, что с учетом нашей сложнейшей истории делать это нужно весьма осторожно и взвешенно, дабы не раскачать государственный корабль. Каким бы он ни был, но это был наш корабль, на котором мы все плыли со своими радостями и невзгодами, и подвергать опасности его даже во имя прекрасного будущего, отправив на дно вместе с пассажирами, было недопустимо.

Провозглашенная гласность, ослабление, а затем и полная отмена цензуры, «плюрализм мнений» немедленно сказались на всплеске прежде всего политико-идеологических публикаций. Резко выросли тиражи «толстых» журналов. К примеру, «Новый мир» достиг полутораmillionного тиража. К сведению, в нынешнее «демократическое» время, свободное от официальной цензуры, тираж этого журнала в 2005 году был всего 8 тыс. экземпляров.

Помню, как в те годы Правительство страны лихорадочно искало возможность увеличить объем бумаги для журналов и газет. Пришлось резко повысить поставки бумаги из Финляндии и других стран. Считая линию на свободу выражения мнений правильной, мы делали все, чтобы печатным органам было на чем публиковать свои, в том числе и антиправительственные

статьи. Сейчас, насколько я информирован, такой проблемы нет. Есть деньги — покупай бумагу и печатай, нет — закрывайся, но к правительству не смей даже обращаться: отношения-то рыночные...

В 1986 году произошла смена руководства ряда центральных изданий. Во главе их были поставлены либерально-коммунистические «шестидесятники». Особенно отличались в критике прошлого и «застойных чиновников» настоящего газета «Московские новости» во главе с Е. Яковлевым и журнал «Огонек» во главе с В. Коротичем.

Мне вспоминается история его назначения на пост главного редактора «Огонька». До того он работал и жил на Украине. Во время обсуждения этой кандидатуры некоторые товарищи, хорошо знавшие Коротича, возражали против его перевода в Москву. Но все решил Е. Лигачев, который со свойственным ему напором добился назначения своего протеже, считая, что тот будет хорошим «перестройщиком». Егора Кузьмича можно было понять. У меня в домашней библиотеке хранится книга «Лицо ненависти» будущего главного редактора журнала. Посвященная его поездке по США, она бичевала американский расизм. Впоследствии, в постсоветское время, он в течение многих лет там работал и жил (а по существу скрывался), но знали ли студенты и преподаватели учебного заведения, где он преподавал, что писал этот профессор об их стране раньше? Вряд ли! А вот Лигачев и другие его соратники читали этот опус и, безусловно, он повлиял на назначение Коротича главным редактором журнала. Ну, это так, к слову, просто один из примеров гибкости ума и совести многих из наших «интеллигентов».

Думаю, что это было время расцвета гласности. Появилось много новых «смелых» фильмов, пьес, книг и т. д. Но постепенное расширение сфер, доступных для публичного обсуждения, продвижение к свободе слова, получившее наименование «гласность» (это слово вошло во все словари мира без перевода), очень скоро превратилось в шквал информации, в том числе недостоверной и просто высосанной из пальца, все более откровенно направленной против существовавшего общественного и государственного строя. Для этого прежде всего использовались черные страницы нашей жизни, а их, к сожалению, было немало в сталинскую эпоху. Конечно, за десятки лет, прошедших с тех пор, многое изменилось в стране, она стала другой, но тем не менее прошлое стало орудием для разрушения ее настоящего и, как вскоре стало очевидно, и будущего тоже.

За несколько лет свобода слова, вместо того чтобы находить конструктивные подходы к лечению болезней общества, была использована для того, чтобы его уничтожить.

Однако политика поддержки гласности и других демократических процессов осталась неизменной. В мае 1987 года прекратилось глушение передач «Голоса Америки» и других антисоветских радиостанций, а в июле вошел в действие облегченный порядок выезда наших граждан за рубеж.

2 ноября 1987 года состоялось торжественное собрание, посвященное 70-летию Октября. С докладом выступил М. Горбачев. Он заявил: «КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя

альтернативы капитализму... Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда!»

Через четыре года после этих произнесенных под бурные овации слов не стало ни Советского Союза, ни социализма, и тем более — коммунизма, к чему призывал Генсек. Диву даешься его цинизму: через несколько лет он заявит, что всю свою сознательную жизнь мечтал коммунизм похоронить...

Увы, в своей беспринципности и продажности он не одинок. Вот лишь один эпизод чуть более позднего времени — встреча в апреле 1993 г. Ельцина с «лучшими представителями творческой интеллигенции» в Бетховенском зале Большого театра. Чего только ни насмотрелись и ни наслушались телезрители! Выкрики: «Крепче!», «Круче с ними!», «Канделябрами их!» были самыми безобидными в устах впавших в экстаз «ведущих мастеров культуры». Их бешеная злоба — с одной стороны, и неприкрытое холуйство — с другой, вызвали чувство омерзения (и я знаю это из многих встреч с самыми разными людьми) у миллионов телезрителей. А ведь это был момент, когда можно и надо было стать самим собой. И они стали! Такого неприкрытого «холуяжа», как сказал патриарх-драматург, ныне покойный Виктор Сергеевич Розов, наше поколение уже и не помнит. Они духовно ограбили всех, кто им верил. Но еще раньше ограбили самих себя. Не буду перечислять когда-то уважаемые и любимые имена, а скажу лишь, что своим убогим политическим и нравственным обликом, так неожиданно проявившимся не только в тот день, но и вообще в новых условиях, многие из них зачеркнули в душах людей и свои прошлые творческие достижения.

Конечно, дело каждого выбирать свой путь, но если ты — «соль общества», то не имеешь права быть глухим к боли народа, к тяжкому недугу своей Отчизны. Увы, в теперешнем голосе политически активной части творческой интеллигенции эта тема не звучит. Но подлинная интеллигенция не приемлет ни лжи, ни тем более лизоблюдства. Она призвана говорить правду своему народу, в том числе правду о нем самом, думать о его духовном благополучии. А ведь Иисус Христос, на авторитет которого теперь ссылаются и правые, и левые, говорил: «...бойтесь убивающих душу».

Пусть правильно поймут меня читатели: не все в те дни занимали такую позицию, и не все так мыслят сейчас. Но, к сожалению, их трезвые голоса тонут в хоре верноподданнических. Кстати, многие из нынешних носят звания «Народных... СССР». Вот такой парадокс: все старое топчется, Советского Союза нет, интересы народа преданы — а от таких почетных званий никто не отказался.

К счастью, и среди «творческой интеллигенции» были, есть и будут люди с высокоразвитым чувством гражданского достоинства, независимости от политической конъюнктуры, стойкости убеждений. Одним из них был безвременно ушедший из жизни выдающийся деятель искусства, Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Игорь Олегович Горбачев. С этим умнейшим человеком, патриотом до мозга костей у меня были продолжительные беседы. Он остро переживал возникший в стране нравственный раскол. По его, да и по мнению многих, многих других людей, сейчас у нас противостоят друг другу два способа существования: индивидуалистический, наиболее полно выразивший себя в капитализме, и выстраданный веками

наш соборный, коллективистский подход к жизни, стремление народа к социальной справедливости. Именно к этим принципам тяготели формы взаимоотношений людей, созданные в результате Великой Октябрьской социалистической революции, которая изменила экономические, политические, социальные и нравственные основы общества. На этой базе выросла новая общность людей — советский народ.

Подчеркну, что, на мой взгляд, именно идея социальной справедливости была и остается наиглавнейшей русской духовной традицией. Сегодня она, как и многие другие лучшие качества советского человека, не в чести у тех, кто формирует нравственный климат в обществе.

Я согласен с Игорем Олеговичем и в том, что нельзя терять веру в наше будущее: все наносное, чуждое национальному стереотипу не будет долговечным, а все то, что имеет глубокие исторические корни, в итоге обязательно победит. Если народам навязываются схемы, противоречащие национальному естеству, возможна только катастрофа.

Два десятилетия мы живем в вихре социальных потрясений. За эти годы не стало нашего единого государства, изменился общественный строй. Страна потеряла статус великой державы, занимавшей особое положение в мире. Заметно оскудела духовная жизнь народа, люди все больше и больше отходят от вековых традиций и отечественной корневой культуры, мы теряем присущее нам своеобразие в укладе жизни, во многом бездумно идя на поводу у современной идеологии и практики так называемой глобализации.

Решающее значение в проникновении в культуру России западных начал (языковых, жизненных стандартов, бытовых навыков и т. д.) в наше время имеют средства массовой информации. Возможно, мы еще недооцениваем их роль в условиях XXI века. Американцы же, стремясь к уничтожению самобытной русской, а точнее — российской цивилизации, не скрывают своих целей и методов их достижения. В одном из американских журналов в 90-х годах было прямо сказано: «Центральной задачей внешней политики США в век информации должна стать победа в борьбе за мировые потоки информации. Мы должны доминировать в них, как Великобритания некогда правила морями». И далее: «Лучшая культура — американская, потому что она представляет собой модель здорового отсутствия культурного багажа». Вот к чему нас ведут, пока мы, в отличие, скажем, от Франции и ряда других европейских стран, извините за грубоватость, хлопаем ушами и не контролируем, не противостоям должным образом американской агрессии в языке, в искусстве, во всех сферах национальной культуры...

Объявив переход к гласности, свободе слова, всесторонней демократизации, политически беспомощный Горбачев (или это было просто предательством с его стороны?) и ЦК партии практически ничего не противопоставили зачастую клеветнической кампании, широко развернутой «демократами» против КПСС, стоявшей во главе страны семь (и каких!) десятилетий. Идеологическая «машина» партии оказалась абсолютно неработоспособной в условиях реального наступления противников СССР и социализма.

Призывы к честной, открытой политике сопровождались всяческими виляниями и откровенной

ложью Горбачева (например, по поводу секретных протоколов к пакту «Риббентроп — Молотов» или «Катынского дела»), многочисленные лозунги и программы оказывались пустышками, не подкрепленными ресурсами и должной организационной работой. Горбачев был не способен понять, что в политике невыполненное обещание представляет собой только разрушительную силу.

Все это, вместе взятое, предопределило массовое разочарование в перестройке, партии, Горбачеве и, соответственно, усиление позиций их противников.

Межнациональные отношения

На протяжении большей части XX века мир с удивлением и восхищением взирал на то, как в СССР была решена проблема межнациональных отношений. Можно сказать, что наше многонациональное государство было эталоном, казалось, нерушимой дружбы народов. И вдруг здесь, на территории одной шестой части мира — то в Прибалтике, то в Украине, Грузии, Азербайджане, то в некоторых союзных республиках Средней Азии — вновь появилось звериное мурло национализма. В качестве массового и сколько-нибудь угрожающего безопасности страны это явление не существовало в сильном государстве, но как только Советский Союз стал ослабевать, оно превратилось в мощный таран для его разрушения.

Но что такое «национализм», каково содержание этого понятия? К сожалению, ученые, политики, общественные деятели, творческие работники единого мнения по данному вопросу не имеют.

Одни считают, что национализм — это негативные действия государства или одного народа, ущемляющие интересы других государств или народов. Нередко такие действия принимают грубую и дикую форму разгула беззакония. Национализм — это идеология разъединения и противостояния народов.

Вторая точка зрения практически диаметрально противоположна. По мнению приверженцев этой трактовки, национализм означает любовь к своей нации так же, как патриотизм — к своей Родине.

Различные толкования сущности этого деликатного и взрывоопасного явления часто вводят в заблуждение при оценке межнациональных отношений и событий, густо замешанных на националистической основе. Корень терминов «национальный» и «националистический» один и тот же — нация. Наиболее глубокие мысли о ней высказаны великим русским философом Н.А. Бердяевым в его книге «Философия неравенства». По его мнению, нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Нацию, считал он, определяет единство исторической судьбы.

В своей работе Бердяев пишет: «Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения... Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории».

Нет в мире народа, который не обладал бы национальным самосознанием, не ощущал бы свою индивидуальность. Но оно достойно уважения только в том случае, если признает естественным и правомерным

существование других наций. Между нацией и ее окружением должны быть нормальные взаимоотношения. В этом кроется смысл мира и спокойствия между народами.

И снова — слово Н.А. Бердяеву, прозорливо говорившему об этом более восьмидесяти лет тому назад: «В конкретном всеединстве не может быть противоположения между нацией и человечеством: во всеедином человечестве утверждаются все нации, в нем они достигают силы и цветения... Братство народов предполагает существование народов, национальных личностей, как братство людей предполагает существование людей человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности. И моя русская любовь к французу, англичанину или немцу не может быть любовью к отвлеченному человеку, человеку вообще, она может быть лишь любовью к французскому, английскому или немецкому человеку, к индивидуальному образу».

Думаю, все сказанное позволяет сделать некоторые выводы относительно национализма как явления, крайне опасного для мира между народами и их процветания.

Национализм — это игнорирование принципа равенства народов, языков, культур, заслуживающих одинакового взаимного уважения.

Национализм — это абсолютизация самобытности того или иного народа, стремление видеть в ней его исключительность в роде человеческом, якобы превосходство над всеми другими нациями. Эта позиция порождает национальный эгоизм и служит оправданием

для реализации интересов своей нации за счет ущемления интересов других народов.

Термин «национализм» выражает комплекс явлений, порождающих недоверие между народами и способных мобилизовать волю и чувства людей на унижение национального достоинства других наций, на участие в кровопролитных конфликтах и войнах.

Национализм, как правило, выступает под видом заботы о национальных интересах, национальной гордости и достоинстве. Существование национального самосознания, национальной чувствительности, гордости и достоинства используется различными политическими силами для привлечения населения на свою сторону. Националистической демагогии порой поддаются и светлые умы, даже у них притупляется нравственная бдительность. Национализм — мощный фактор мобилизации масс в политической борьбе.

В нашей стране всплеск национализма в 80-х годах начался вроде бы с благими намерениями: надо-де развивать самосознание народов, придать новый импульс развитию культуры... Никто и не возражал против таких хороших помыслов. Если считаете, что на Украине в школах и других учебных заведениях нужно обязательно изучать украинский язык — изучайте. Кстати, школу и техникум я заканчивал в Донбассе, на Украине, и должен был изучать второй язык — украинский. Ничего, не умер и до сих пор понимаю разговорную речь «щирых» украинцев. Считаю ошибкой, что в 70-х годах в учебных заведениях изучение «титульного» языка стало факультативным. Много бед принесло это потом.

Когда же разговоры о национальном самосознании в некоторых союзных республиках переросли в

национализм, мне стало ясно, что по существу происходит резкий поворот к сепаратизму. Впрочем, об этом будет рассказано в следующих главах.

Говоря о национализме, нельзя обойти стороной и проблему шовинизма. Если национализм — это гипертрофированное национальное самосознание, то шовинизм (от фамилии ветерана наполеоновских войн Н. Шовена, рьяного приверженца завоевательной политики Бонапарта) есть крайняя, самая, если хотите, отвратительная форма национализма, противопоставление интересов одной нации всем прочим, презрение и ненависть к другим расам и народам.

Особый разговор о русском, великорусском шовинизме. Люди старшего поколения помнят фразу В.И. Ленина, относящуюся к периоду образования СССР как союзного федеративного государства: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Вполне вероятно, что в тот момент она имела практически политический смысл, поскольку в ней подчеркивалось, что в создаваемом многонациональном государстве все, большие и малые по численности народы будут иметь абсолютно равные права. Смысл ее также был в том, что если царская Россия, как остро-полемически утверждал Ленин, была «тюрьмой народов», то в «союзном социалистическом государстве каждому из них гарантирована свобода всестороннего национального развития». Думаю, ни один здравомыслящий и объективный человек не станет утверждать, что эти постулаты, касающиеся СССР, не были осуществлены.

Но как быть не с тогдашним сиюминутным, так сказать, использованием понятия «великорусский шовинизм», а с самим этим явлением? Характерно ли оно для дореволюционной России и послереволюционного ее преемника — СССР? Чтобы разобраться в этом, обратимся к опыту истории.

Россия исторически складывалась как политический и экономический союз земель. В него входили народы со своей культурой, скрепленные общегосударственными интересами. Принятые в лоно России, они были призваны не соперничать, а сотрудничать в едином государстве. Огромные пространства, сложные географические и геополитические условия, этническое многообразие предопределили и общий национальный интерес — всемерное укрепление государства, всех его институтов. Они должны были обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность нашей страны, выработать приемлемые формы сосуществования различных национально-этнических, религиозных и культурных особенностей.

«Всякая нация стремится образовать государство и укрепиться в нем, — писал Н.А. Бердяев. — Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным. Русское государство было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни».

В нашей стране главную тяжесть держателя растущего государства, как самый многочисленный, нес русский народ, он был основным каркасом его строительства и укрепления. При этом никаких специальных «русских» привилегий не существовало. Ни одна из национальностей России не являлась ни господствующей, ни подчиненной. Вот почему я полагаю, что абсолютизировать упомянутые формулировки В.И. Ленина, вырывать из конкретного исторического контекста и механически повторять их по любому поводу и даже без него по меньшей мере неверно. Мне представляется, что ни в России, ни тем более в СССР «великорусского шовинизма» как государственного явления не существовало. Оно иногда могло быть на частном, личном, бытовом уровне, но это уже совсем другое дело: известно, что в семье — не без урода...

Однако история, как она порой любит делать это, преподнесла нам поразительный парадокс: при подготовке и после выхода союзных республик из СССР в некоторых из них махровым цветом расцвели национализм и даже местный шовинизм. Широко известно, например, какие изощренные методы применяют шовинисты в прибалтийских республиках для дискриминации и прямого выдавливания из них русской части населения, так много сделавшего для развития этих государств за время их пребывания в составе СССР.

Да и в самой России, к сожалению, после прихода к власти «либерал-демократов» стали возникать группы и группки шовинистов и, хуже того, фашиствующих маргиналов, прикрывающих свою убогость и дикость националистическими лозунгами, заботой об интересах русского народа. В большой мере это было следствием того, что рвавшиеся к власти и захватившие ее были или

прямыми приспешниками Запада, или, в лучшем случае, его идейными последователями, решившими сдать Россию ему на потребу. Такая психология и соответствующая практическая деятельность (вспомним хотя бы постыдно холуйствовавшего перед своими зарубежными партнерами ельцинского министра иностранных дел России Козырева) неизбежно имела свою обратную сторону — оголтелый, агрессивный национализм, по существу противоположный подлинному патриотизму. Более того, антипатриотизм в 90-е годы стал прямо-таки фирменным знаком ельцинской власти. Патриотизм и патриотов обливали грязью на каждом шагу и делали все возможное для того, чтобы сами эти понятия были полностью дискредитированы, особенно в глазах молодого поколения. Подонки при власти пытались стереть из памяти народа даже самые святые для него события и даты, вплоть до Дня Победы в Великой Отечественной войне. В значительной степени все это и вызвало реакцию — уродливую, конечно, — в виде появления националистических настроений и экстремистских организаций.

Грани между такими понятиями, как «национализм» и «шовинизм», с одной стороны, и «патриотизм» — с другой, не всегда отчетливы в сознании человека, тем более молодого. Поэтому приведу характеристику понятия «патриотизм», сложившуюся в литературе за последние годы.

Патриотизм — это высоконравственное свойство личности: сугубо положительное отношение к своим согражданам, своей стране, ее исторически сложившимся ценностям. Это гордость за свой народ, за свою страну, боль, огорчение за их неудачи — то есть глубокое

осознание человеком своего гражданского долга, своей собственной ответственности за судьбы родины.

Что такое всенародный патриотизм на деле, убедительнее всего показала Великая Отечественная война. Могли бы непатриотически настроенные люди перенести страшные потери, пережить тяжелейшие лишения и тяготы жизни и победить? Нет!

В последние годы положение в стране в этом отношении меняется к лучшему. Стали чтить ветеранов войны и тыла, уважительнее относиться к своей непростой Истории. Ну и, как всегда в таких случаях, в патриотическое движение стали приходить те, кто еще вчера топтал нашу историю и Великую Победу. Но уж поистине — Бог им судья.

И еще об одном понятии, в какой-то мере соприкасающемся с теми, о которых шла речь, — о так называемых общечеловеческих ценностях. В 1987 году Горбачев ввел в идеологический арсенал эту доктрину, чтобы несколько «разбавить» традиционные партийные идеологические постулаты. Вначале это понятие предназначалось для «внешнего употребления», поскольку включало в себя идеи поддержания мира, разоружения, предотвращения экологических катастроф. Затем в число «общечеловеческих ценностей» стали входить принципы правового государства, основные элементы западной демократии. Тогда-то, можно считать, и произошел поворот главы партии и государства в сторону «западных ценностей». Это сказывалось практически во всем — во внешней политике, в идеологии, экономике и т. д. Такая перемена во взглядах Генсека была встречена в руководстве страны и на региональном уровне неоднозначно.

«Архитектор» перестройки А. Яковлев — идеолог этого поворота Горбачева — всячески пропагандировал, особенно за рубежом, кардинальную смену «вех». Большая же часть партийно-хозяйственного актива встретила ее весьма настороженно.

Почему? Ведь общечеловеческие ценности действительно есть, в мире существуют определенные универсальные правила поведения человека. Они прописаны, например, и в Библии в виде известных 10 заповедей, а в наше время, в очень близком к ним варианте, были воспроизведены в Программе КПСС в виде Морального кодекса строителя коммунизма. Дело, однако, в том, что горбачевские «общечеловеческие ценности» означали не столько общепринятые нормы поведения отдельного человека, сколько безоговорочное принятие западной модели общественного устройства, вытесняющей традиционные российские, и тем более советские принципы и традиции.

Вместо присущего нам коллективизма в жизни страны стал утверждаться индивидуализм; общественная собственность на средства производства заменена частной; народ разделен на две враждебные друг другу части — богачей, присвоивших себе основные богатства, и обнищавшую большую часть населения; великая отечественная культура вытесняется дешевыми западными подделками, рассчитанными на примитивный вкус людей, высшим идеалом которых был и остается чистоган, и т. д., и т. п. Вот то, к чему привели нас за последние полтора десятка лет и что называется возвращением в лоно «мировой цивилизации». Но начался-то процесс еще при Горбачеве, и теперь наша

страна, бывшая для многих в мире духовным лидером, оказалась в положении отставшего ученика.

Бездумно-одностороннее, механическое перенесение на российскую почву «общечеловеческих ценностей», безусловно, выгодно для осуществления мировой глобализации под эгидой США. При этом национальные ценности народа и суверенитет государства уходят на второй план со всеми вытекающими отсюда политическими, социально-экономическими и культурными последствиями.

Наша трагедия в том, что мы потеряли «советские ценности», не взяли с собой в новое время из прошлого все положительное, что было в нем. Вместо этого в обществе насаждаются чуждые нам догмы, не поддерживаемые большей частью народа. В стране нет объединяющей идеи — есть разъединяющие, чужие идеи и ценности.

В этой части главы я попытался обозначить те основные сферы жизни и протекавшие в них процессы, которые в своей совокупности и взаимодействии подготовили почву для осуществления антисоветской, антисоциалистической, пышно названной «демократической» революции. И все же из всех факторов и условий я особенно выделяю, как самую зловещую и разрушительную силу, национализм. В разных формах и с разной степенью агрессивности он действует в ряде стран СНГ и сейчас, и именно рассмотрению истории его искусственного, можно сказать, пробуждения и использования ради уничтожения СССР и посвящен ряд глав этой книги.

Мир после разрушения советской Державы

Действия Горбачева в период «перестройки» во многом напоминали хрущевское правление: такая же непоследовательность, отсутствие стратегической линии преобразований, поспешность, непродуманность и импровизация практически во всех делах. Скульптор Э. Неизвестный талантливо выразил действия и характер Никиты Сергеевича в надгробном памятнике, четко разделив его (из белого и черного мрамора) на две части, подчеркнув тем самым противоречивость мыслей и действий этого человека.

Действительно, с одной стороны, он смягчил контроль за творчеством деятелей культуры, а с другой — разгромил выставку скульптур в Манеже, в том числе и работы Э. Неизвестного. Разрешил печатать антисталинские произведения — и нанес большой урон Русской Православной Церкви, обрушил мощный удар на Советскую Армию.

С учетом такой непоследовательности возникает вопрос, какой же была эта «оттепель»: теплой погодой, сопровождавшейся таянием снега, или «слякотью» — жидкой грязью, мокрелью, туманом? Ответ, на мой взгляд, будет таким же неоднозначным: все зависит от того, с каких позиций смотреть на это явление.

Горбачев в начале своей деятельности на высоком государственном посту уважительно относился к военным. Взойдя на «престол», он понимал, что на протяжении всей истории России армия всегда была уважаемой частью общества. Но вскоре и он начал наступление на армию, вплоть до подключения

«аналитиков», которые убеждали народ, что живется ему плохо, потому что много денег уходит на армию.

В этом Горбачеву активно помогал его подручный — министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, оставивший, как известно, зловещий след в истории СССР. Этот деятель между прочим заявил, что военные расходы нашей страны составляют 19 процентов от национального дохода. Впоследствии Горбачев взял и округлил эту цифру до 20 процентов, хотя оба прекрасно знали, что удельный вес оборонки у нас никогда не поднимался более чем на 12 процентов. Так что в этом отношении Горбачев четко повторял действия Хрущева по подрыву авторитета Советской армии.

Вот таким образом, целеустремленно и настойчиво, шаг за шагом в годы правления Горбачева сдавались военно-политические и оборонные позиции государства. Читатель может спросить, а где же были остальные члены руководства страны? В качестве ответа отошлю их в нынешнее время. Знают ли министры Правительства Российской Федерации о внешнеполитических переговорах и решениях Президента? Безусловно, нет. Так было и в СССР: министры обороны, иностранных дел, Председатель КГБ формально входили в состав Правительства, а на самом деле полностью «замыкались» на Генсека — Президента СССР.

С 1945 года, в послевоенный период, в мире сложилась двухполярная геополитическая система: с одной стороны — Советский Союз и с другой — Соединенные Штаты Америки. Эта система создавала серьезные предпосылки для сохранения мира от всеобщего вооруженного конфликта, несмотря на так называемую «холодную войну». Благодаря примерно

равному соотношению военной мощи двух ведущих мировых держав держалось относительное геополитическое равновесие, позволявшее в конечном итоге находить политические решения возникавших проблем. Так было во Вьетнаме, Афганистане и во многих других случаях.

Разрушение Советского Союза в 1991 году устранило все сдерживающие факторы агрессивности Запада, и в первую очередь США. Двухполярный мир рухнул. Создание же многополярного, о котором так много говорили после разрушения СССР политические деятели некоторых государств, осталось благим пожеланием, так как для оставшейся в одиночестве сверхдержавы — США такая раскладка политических сил была совершенно не приемлема. Они же десятилетиями мечтали о своей лидирующей роли в мире — и наконец-то добились своего, теперь руки у них развязаны.

Результаты не заставили себя долго ждать. Первый удар был нанесен дружественной нам стране — Югославии. В течение десяти лет единое, признанное во всем мире государство было расчленено на шесть частей, и сейчас на очереди седьмое «суверенное» государство — Косово.

Как и следовало ожидать, США нашли предлог, чтобы ввести свои и союзные войска в Афганистан, из которого во второй половине 80-х годов так настойчиво требовали вывода советских вооруженных сил.

Затем сколотили, не посчитавшись даже с ООН, коалицию для вторжения и оккупации Ирака и установили там «демократический» образ жизни и управления. В результате в этой стране льются реки

крови. На очереди Ливан, Иран, Северная Корея и другие суверенные государства, которые в той или иной мере не подходят под американский стандарт.

Сегодня, по существу, происходит то же, что свершилось в Европе в 1938 году, когда лидеры Великобритании и Франции подписали Мюнхенское соглашение, а точнее — сговор с Гитлером и Муссолини. Этим актом Запад включил зеленый свет фашистской Германии для порабощения ею европейских стран и развязывания войны с Советским Союзом. Ныне Западная Европа своей поддержкой агрессивной политики США собственными руками расчищает ей путь к мировому господству.

С этой целью миру навязывается представление о том, что существует якобы лишь одна цивилизация — американо-западноевропейская, являющаяся наследницей всех великих древних цивилизаций (не только европейских — греческой и римской, но и восточных — китайской, индийской и др.), что западная — «атлантическая», как ее еще называют, — система ценностей является единственной подлинно гуманной и демократической.

Но авторы теории единственной «атлантической» цивилизации просто поражают своим цинизмом. В этой основной и «бесспорной», по их мнению, цивилизации совершенно нет места для Китая, Ирана, Индии, России и других стран. Приверженность многих западных политиков этой теории нисколько не поколебали даже те мощные научные, культурные и экономические рывки, которые продемонстрировали Япония и Китай, а сегодня демонстрируют Индия и страны Индокитая. Такое явное нежелание видеть реальность весьма опасно для мира.

Между тем в мире нет единой, единообразной цивилизации, что, кстати, первым, еще в 1868 году, вполне убедительно доказал наш великий соотечественник Николай Данилевский. В мире было и есть, считал он, несколько культурно-исторических типов великих цивилизаций, каждая из которых развивалась или развивается в основном независимо от других, сохраняя и даже оберегая свои особенности. Именно существование различных культурно-исторических типов, или цивилизаций, является одним из важных условий развития мира, его взаимного обогащения.

Общечеловеческая цивилизация может быть только многоцветием, «симфонией» цивилизаций разных народов.

Проблема цивилизаций тесно связана с пониманием характера исторического процесса. Сейчас на Западе формально признают глобальный характер истории XX века. Однако подспудно при этом внедряется мысль о том, что история творится прежде всего в крупнейших странах Запада. Даже величайшая трагедия — развал Советского Союза подается как якобы проявление неудержимого стремления советского общества к «западным ценностям». Но еще полвека назад здравомыслящие ученые предупреждали, что абсолютизация содержания и роли западной либеральной демократии близорука и бесперспективна. Показательно, что современные зарубежные мыслители видят главный конфликт сегодняшнего мира в противостоянии между приверженцами американско-западноевропейской, «атлантической» цивилизации и остальным человечеством.

Запад пытается дать принципиально новое философское обоснование своему экспансионизму, стереть грань между такими фундаментальными категориями, как война и мир. В частности, для этого вводятся в обиход новые термины, например, «операция, не достигающая масштабов войны», или опасно расширяется толкование понятия «миротворчество», основным элементом которого теперь становится «принуждение к миру». Все это психологически лишь увеличивает вероятность войны, ибо снижает порог применения силы.

В современном, быстро меняющемся мире Россия со всеми ее сложностями и проблемами тем не менее активно утверждает себя на достойном нашей великой истории месте. Но этот процесс возрождения, к сожалению, таит в себе и определенную опасность — опасность растерять некоторые драгоценные черты своего менталитета, своего образа жизни, своей самобытной цивилизации.

Россия — это великая евразийская цивилизация, сложившаяся на основе многовекового сотрудничества славянских, тюркских и других многочисленных народов. Уникально ее геополитическое положение, она является сухопутным коридором между Европой и Азией.

Огромные просторы России, духовно-культурные и природно-климатическое разнообразие, длительное взаимодействие различных национальностей и религий требовали от общества, с одной стороны, перспективного мышления, умения бороться с надвигавшимися опасностями, и с другой — объединения народов, всех сил для решения государственных проблем. Отсюда склонность как к человеколюбию, так и к лидерству,

мессианству в духовной и культурной жизни. Эти качества национального самосознания не привнесены извне, а исторически обусловлены. Они органически включают в себя чувство патриотизма, государственности, державности, без чего невозможно было выживание огромной страны, сохранение общности народа.

В российской цивилизации прочно утвердились приоритеты духовного над материальным, нравственного над меркантильным. Не безудержное обогащение небольшой группы людей, а благополучие всего населения должно быть целью общественного развития. В этом и состояло отличие православной морали от идейных устоев других конфессий. Психология протестантов, где каждый сам за себя, возможно, и соответствует потребностям западного общества, где материальное явно довлеет над духовным. Но то, что в результате Запад погряз в бездуховности, — это его адепты признают сами.

Одной из важнейших основ русской цивилизации является Православие. Именно оно как державостроительная идея способствовало консолидации разрозненных сил российского общества много столетий назад, становлению нашей государственности. Идеальный конфликт между католической и православной ветвями христианства, уходящий корнями в далекую историю, определял суть борьбы между Востоком и Западом. Противостояние католицизму и протестантизму было одной из форм сдерживания западной идейной экспансии, за которой стояли прежде всего территориальные интересы. Далее в этой книге будет

рассказано о конфессиональной борьбе в Прибалтике и Украине со всеми вытекающими последствиями.

Наше государство, проводя в жизнь те или иные политические решения, всегда должно учитывать умонастроения собственного народа, его глубинные духовные истоки. Православие является национальной религией русского народа, наиболее полно отвечающей его миросозерцанию.

Вместе с тем в такой многонациональной стране, как Россия, от государства требуется, несмотря на то, что церковь отделена от него, не меньше внимания и уважения и ко всем другим конфессиям. Ведь определенная часть населения исповедует ислам, буддизм, иудаизм. Но, относясь с уважением к этим традиционным для нашей страны религиям, в этой главе я хотел бы сказать именно о Православии.

Сегодня все чаще можно слышать утверждение о том, что Православие как система ценностей не соответствует рыночной экономике. Идет скрытая атака на него через настоящий крестовый поход западных миссионеров, через широкую экспансию различных религиозных сект и культов. По сути, речь идет о попытках изменить облик всего нашего общества. В результате этой страшной операции на месте исторической России должно быть сконструировано государство — возможно, с тем же названием, но полностью деформированной психологией народа, в котором не будет места его традиционным ценностям.

В уничтожении российской цивилизации одну из ведущих ролей играло искоренение нашей самобытной, с вековыми традициями, многонациональной отечественной культуры. США, например, этих целей и

не скрывают. Россия в последние годы, по существу, стала объектом информационно-культурной агрессии Штатов, направленной на разрушение российских духовных ценностей и общественной морали. Значительная часть творческой интеллигенции, проклиная советскую цензуру, используя гласность — кто слепо, а кто и сознательно, — прямо-таки стала ярой поклонницей западной, и особенно американской культуры.

Как результат этого наступления, проходящего при поддержке отечественных «властителей дум», американцы через своих ставленников в нашей стране фактически определяют политику российского телевидения как наиболее массового средства информационного воздействия на население. Идет размывание традиционных ценностей, навязывание народу принципов и стиля «американского образа жизни». Попытки здравомыслящих людей и общественных деятелей противодействовать этому встречаются ожесточенным сопротивлением реальных хозяев российского телевидения.

Исполнительная и законодательная власть практически мирится с таким положением. Более того, отечественная культура нынче в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов. Поток мракобесия, который льется с телеэкранов, со страниц «желтой» прессы настолько густ, что в нем просто тонут крупницы здравого смысла, порядочности и нравственности.

После Второй мировой войны рубеж между цивилизациями вернулся на свое исторически естественное место, обозначив западную границу

расселения родственных нам славянских народов Польши, Чехии, Словакии, Югославии и Болгарии. Способствуя разрушению Советского Союза, Запад ставил своей задачей сдвинуть цивилизационный водораздел Европы на восток. Однако архитекторы «нового мирового порядка» не собираются на этом останавливаться. Речь идет об очередной попытке ликвидировать самобытную российскую, и прежде всего русскую цивилизацию как давнего стратегического соперника западного мира.

И, к сожалению, это произошло. Практически все славянские народы, растерявшиеся после разрушения Советского Союза, попали в жесткую зависимость от Запада, оказались привязанными к нему через НАТО и другие политические, экономические и военные механизмы. Исключением стала Югославия. И главная причина, по которой она была избрана объектом агрессии и разрушения, именно в том, что она осмелилась сохранить свою политическую независимость, а с ней — и свою самобытность в широком смысле этого слова.

Все, что происходило в Югославии, косвенно подтверждает предположение о том, что разлом цивилизаций будет происходить прежде всего по линии Запад — Россия. Сегодня стало ясно, что западная цивилизация, несмотря на все усилия извне и внутри нашей страны, пока не смогла поглотить и ассимилировать русскую, российскую цивилизацию. История показывает, что, воспринимая западные технологические и культурные достижения, наша страна никогда не вливалась в западноевропейскую

цивилизацию, а, наоборот, обретала новые возможности для проявления своей яркой самобытности.

Резкий рывок России в сторону Запада в 90-е годы свидетельствует о том, что некритическое отношение к западным идейным ценностям, их механическая пересадка на русскую почву без учета культурной индивидуальности России могут привести к разрушению отечественной цивилизации, а не к ее совершенствованию. Тем более что западная цивилизация, как выясняется, вообще не жаждет принять Россию в свои объятия.

По мнению некоторых ученых, близких к Ельцину, большевики прервали процесс европеизации нашей цивилизации, не дали возможности радикально изменить ее. Правда, эти ученые хотя бы говорят о российской цивилизации, другие же начисто отвергают даже само ее понятие.

И все-таки будущее человечества заключается не в противостоянии цивилизаций, а в их диалоге. Деятельность Организации Объединенных Наций, обеспечившая сохранение мира во второй половине XX века, во многом определяется именно идеей межкультурного обмена. Как известно, инициатором создания ООН был великий американский президент Франклин Рузвельт. То, что делает американское руководство сейчас, — это прямой отказ от идеалов знаменитого предшественника, попытка совершить стратегический поворот от диалога цивилизаций к их унификации на базе западных ценностей.

К сожалению, последнее десятилетие прошлого века (после развала СССР) подорвало доверие к

некоторым международным организациям, задача которых заключается в сохранении мира на Земле. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы сталкиваемся с глубочайшим кризисом мировой системы коллективной безопасности.

Бесцеремонное движение НАТО на восток, присвоенная им роль вершителя судеб народов и государств, практический выход членов этого военно-политического блока из-под контроля ООН и катастрофическая потеря последней своего авторитета дают основания для вывода, что эти международные организации в нынешнем своем виде не смогут больше объективно решать мировые проблемы. Все они попали под контроль США и в большей или меньшей степени являются их орудием.

Они уже не в состоянии быть гарантами мира.

Как и почему это историческое по масштабу и последствиям преступление произошло в столице России — крупнейшей республики, которая, являясь государствообразующей, хотя бы поэтому не совершала и не могла совершать никаких действий, направленных на решение своих задач за счет других регионов страны и их населения? Что за силы появились на волне перестройки, к каким методам прибегли их лидеры для достижения своих, зачастую сугубо личных целей, прикрываемых, как дымовой завесой, якобы народными интересами? Вот об этом мой рассказ и размышления как очевидца и участника тогдашних бурных событий.

Часть 1

В недрах Партии

В октябре 1987 года состоялся очередной пленум ЦК КПСС. Проходил он в Кремле, в специально выстроенном для таких мероприятий зале. Сейчас он называется Мраморным залом Кремля, здесь оглашаются ежегодные Послания Президента страны Федеральному Собранию РФ.

Пленум был рядовым, проводили его в соответствии с нормами устава партии, и каких-либо отклонений от традиционного хода заседания не ожидалось. Как всегда, открывая его, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев предложил для обсуждения повестку дня. Учитывая, что членов ЦК заранее информировали о ней, это было сугубо ритуальное действие. Когда же Горбачев — также по заведенной схеме — спросил, кто против или воздержался, с первого ряда (члены Политбюро на пленумах сидели за столом президиума, а кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК — в первом ряду зала) поднялся Б. Ельцин и предложил рассмотреть заявление о выводе его из кандидатов в члены Политбюро, коим он был.

Для всех членов ЦК, даже входивших в Политбюро, это было полной неожиданностью. Естественно, мы тут же спросили Горбачева, о чем идет речь. Из его невнятного ответа стало ясно, что, находясь в отпуске на юге, он действительно получил от Ельцина такое заявление. По установленному порядку Генеральный секретарь обязан был проинформировать об этом Политбюро, с тем чтобы выработать коллективное

мнение по данному вопросу, и в случае, если Ельцин свой документ не отзовет, поставить вопрос на обсуждение пленума. Только пленум ЦК КПСС имел право избирать и освобождать членов и кандидатов в члены Политбюро, а также секретарей ЦК. Горбачев этого не сделал, он скрыл от своих партийных товарищей факт существования такого заявления, что явилось, как показало время, первым звеном в длинной цепи тяжелейших событий не только в партии, но и в стране.

Ельцин с 1968 года был на партийной работе, сначала — в качестве заведующего отделом Свердловского обкома, а позднее — его Первого секретаря. Ко времени описываемых событий он уже почти два года проработал в должности первого секретаря Московского горкома КПСС, стал кандидатом в члены Политбюро. В столице о нем сложилось довольно противоречивое мнение. Многие обратили внимание на радикализм в его действиях, особенно в кадровых вопросах, на разухабистость заявлений, от которых за версту несло явной саморекламой или, как нынче говорят, популизмом, — о необходимости борьбы с привилегиями и пр. Вместе с тем настораживало явное отсутствие интереса к повседневной, будничной работе. Тем не менее Правительство страны, да и ЦК партии поддерживали его в стремлении решать жизненно важные для Москвы вопросы.

Выступление Ельцина на пленуме в дальнейшем обросло легендами, о которых не стоит даже упоминать. На самом деле это была путаная и невнятная речь, если ее вообще можно назвать таковой. Как он сам позднее сказал в своей книге-«исповеди», выступление было резким и не очень уместным. Горбачев же вместо того, чтобы предложить предварительно рассмотреть

возникший вопрос на Политбюро, а затем уже на следующем пленуме обсудить его, открыл дискуссию. Может быть, это было вполне демократично, но и крайне неосмотрительно.

Выступления, а точнее, отповеди на Пленуме посыпались, как из рога изобилия. Мне нет необходимости останавливаться на них. На второй день после пленума был опубликован список выступающих, а через несколько лет и стенограмма этих речей. Что же повлекло столь бурную реакцию верхушки партии, будь это московские или региональные руководители? Казалось бы, ведь сама партия в лице ее лидера и Политбюро продекларировала «гласность» и уже стояла на пороге «плюрализма» — и в то же время все так болезненно отнеслись к выступлению, далеко не программному, одного из своих коллег о его неудовлетворенности методами работы руководящих работников ЦК, и особенно секретаря Е.К. Лигачева.

Бурное обсуждение и абсолютно бессмысленное избиение «ослушника» дали обратный эффект: как водится на Руси, возник миф о народном герое — гонимом «защитнике угнетенных».

Естественно, возникает вопрос: как выступление Бориса Николаевича, неглубокое, имевшее явно личностный характер, могло вызвать такую реакцию? Этот феномен нельзя рассматривать в отрыве от реального положения, сложившегося в государстве и партии: в ней уже ощущалось серьезное глухое брожение, которое и подхватило рождавшегося диссидентствующего лидера.

На мой взгляд, проведение пленума в проработочном ключе было большой ошибкой, показало

незрелость высшего руководства страны, в первую очередь членов Политбюро и секретарей ЦК. Я прекрасно понимаю, что в то время большинство партийных лидеров всех уровней еще не отошли от существовавших норм партийной жизни и отношений. Но ведь верхушка партии, которая стала инициатором изменений, в том числе и в КПСС, не должна была допускать подобного «судилища».

По-видимому, руководство партии еще до конца не осознало, какой разрыв возник между партийными руководителями всех уровней и основной массой рядовых коммунистов. В полной мере этот разрыв обнаружился в 1991 году, когда после роспуска КПСС Горбачевым, по указующему персту Б. Ельцина, никто из миллионов коммунистов не вышел на ее защиту.

Вот таким образом в нашей Отчизне, благодаря бездарной позиции руководства партии, родился отечественный «Робин Гуд». Этот весьма посредственный политический деятель, которого я знал многие годы еще по Свердловску, стал знаменем разрушительных оппозиционных сил.

На следующий день собралось Политбюро, чтобы по традиции подвести итоги прошедшего пленума. После информации Горбачева А.А. Громыко, в то время Председатель Президиума Верховного Совета СССР, обратился к докладчику с вопросом о дальнейшей судьбе Ельцина. Генсек длинно и туманно высказался в том духе, что сейчас не то время, когда за подобные действия наказывают, и что нужно найти ему работу.

Андрей Андреевич Громыко был старше нас, да и жизненный опыт, особенно политический, у него за

плечами был гораздо больше, чем у других участников заседания.

— Смотрите, смотрите, Михаил Сергеевич, — сказал он. — Я думаю, его надо бы отправить послом подальше от нашей страны.

Увы, никто не внял голосу старейшины, увеличив тем самым еще на одно звено цепь будущих роковых событий.

Прошло примерно два года. В Кремлевском дворце съездов (ныне Государственном Кремлевском дворце) состоялось торжественное собрание, посвященное очередной годовщине одного из отмечаемых на государственном уровне праздников. Так получилось, что я прибыл туда несколько раньше. Поднялся в комнату президиума. За длинным столом уже сидели и пили чай Горбачев с Раисой Максимовной и секретарь ЦК Иван Васильевич Капитонов. Принесли и мне чашку чая. И вдруг Р. Горбачева задает мне вопрос:

— Николай Иванович! Что же это творит ваш земляк Ельцин?

Откровенно говоря, я был в большом затруднении с ответом. Видя мое состояние, Горбачев обратился к жене:

— Раиса! Ты не упрекай Николая. Он был единственным, кто нас с Егором (Е.К. Лигачевым. — Н.Р.) предупреждал, что Ельцина ни в коем случае нельзя назначать Первым секретарем Московской парторганизации.

При всех недостатках Горбачев обладал хорошей и цепкой памятью. Надо полагать, что он всегда помнил — думаю, помнит и сейчас — разговор, который состоялся

еще летом 1985 года в кабинете Генерального секретаря ЦК на Старой площади.

Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил меня срочно зайти, и через несколько минут я был у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о том, кто может сменить Гришина.

— Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру на пост Первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, — начал Горбачев.

— Я надеюсь, что у вас уже есть предложения?

— Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичом, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Откровенно говоря, я не очень задумывался над этим кадровым вопросом — у меня своих, экономических забот хватало. Но на такое заявление я не мог прореагировать положительно. Оно удивило и поразило меня.

— Да, я знаю Бориса Николаевича и считаю, что он абсолютно не годится для этой роли. Не забудьте, что речь идет об огромной столичной организации, где сосредоточена масса заводских рабочих, основная научная и творческая элита страны. Здесь должен быть умный, гибкий, интеллигентный руководитель. Ельцин же человек другого склада: он хотя и строитель, но по натуре своей — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы

сделали уже одну ошибку, переведя его в ЦК из Свердловска. Не делайте еще одну, роковую.

Мои доводы восприняты не были. Фактически они уже приняли решение. И мне оставалось только сказать:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете о таком шаге. Когда-нибудь будете локти кусать, но будет уже поздно!

Так и разошлись. Каждый остался при своем мнении. Я раньше не писал об этой беседе. Позднее, однако, сам Горбачев, надо отдать ему должное, по телевидению подтвердил то, что в свое время сказал своей супруге в Кремле: единственным человеком, который возражал против назначения Ельцина в МГК, был Рыжков. Но мы его не послушали.

История любит порой пошутить с людьми: как уже было сказано, именно Лигачев настоял на переходе в Москву своего будущего злейшего и непримиримого врага. Сейчас, вспоминая прошлое и оценивая принимавшиеся тогда решения в связи с Ельциным, начиная с перевода его в Московскую партийную организацию, невольно приходят на ум мудрые слова древних греков: кого Бог хочет наказать, того сначала лишает разума.

Общественные потрясения и государственные катаклизмы подталкивают многих на размышления о роли личности и случая в истории, и мы часто спрашиваем себя и других: а что было бы, если бы?.. Имела бы перестройка такие губительные последствия, если бы во главе партии встал не Горбачев? Что было бы с Советским Союзом, если бы Ельцин остался на Урале? О роли личности в истории имеется немало теоретических трудов, от древних философов, французских просветителей, основателей марксизма до великого

множества известных и неизвестных авторов. По-моему, весь XX век и, может быть, последние полтора-два десятка лет жизни нашей страны дали более чем выразительный материал для анализа и новых выводов философам, социологам, историкам...

Вернемся, однако, к конкретным фактам. Через восемь месяцев после октябрьского пленума, в июне 1988 года, в Кремле открылась XIX партийная конференция. На повестку дня было поставлено рассмотрение вопроса о ходе реализации решений XXVII Съезда КПСС и задач по углублению перестройки. В Кремлевском дворце съездов собралось 5 тысяч делегатов конференции.

С докладом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев. В его выступлении был и анализ достигнутого за годы перестройки, и раздел о радикальной экономической реформе, и многое другое. Но, пожалуй, главным было то, что впервые за три года был поставлен вопрос о реформе политической системы. Конференция образовала несколько комиссий по различным вопросам, в том числе по международным отношениям во главе с членом Политбюро Рыжковым.

Просматривая сейчас стенограмму конференции, я вижу, насколько сильно звучала на ней критика и самокритика всех ветвей власти, в том числе и партийной. Складывается впечатление, что была прорвана плотина и пошел неудержимый поток самобичевания. Здесь, по-видимому, нет ничего странного — многие годы все речи и выступления были четко регламентированы, произносились только по заранее написанным, строго выверенным текстам, а теперь вдруг вам сказали: говорите, что считаете

нужным. Конечно, выплеснулось все, что подспудно накапливалось многие годы. И выступления на партийной конференции были острые, хлесткие, даже в какой-то мере мазохистские.

Теперь я задаю себе вопрос: что же произошло в последние пятнадцать лет? Те люди, которые тогда громили все и вся, придя к власти, должны были сделать все, чтобы подобного в нашей политической, да и обыденной жизни, никогда не было. Но они не предприняли ничего, чтобы улучшить ситуацию. Разве Ельцин, на выступлении которого я остановлюсь ниже, в бытность свою Президентом России исправил хоть что-нибудь из того, что когда-то критиковал? Напротив, достижения прошлого были отброшены, а недостатки воспроизведены и выросли до невиданных ранее размеров. При этом чем хуже шли дела в стране, тем больше приходилось Ельцину и его команде уверять население в обратном. В доперестроечный же период, да и в годы перестройки, существовало неписаное правило для докладчиков и выступающих: минимум говорить о достижениях и максимально — о недостатках и задачах. По-видимому, это было связано с однопартийной системой. Не имея оппозиционных партий и движений, именно таким образом стремились вскрывать недостатки.

Теперь все поставлено с ног на голову: за одиннадцать лет работы в постсоветском парламенте — восемь лет в Государственной Думе и три года в Совете Федерации — я не раз слушал доклады и выступления членов правительства страны. Много и красочно говорили они о неких виртуальных «достижениях» и ничего — о недостатках. Это вызывало негативную реакцию со стороны депутатов, но, по мере того, как законодательная власть становилась все более

откровенно проправительственной, надежда услышать «от них» правду постепенно таяла, пока не исчезла окончательно...

Ну а на той, XIX партийной конференции, на мой взгляд, была допущена еще одна, роковая для КПСС и страны, ошибка. Именно там Ельцин окончательно был отброшен в стан стремительно формировавшейся оппозиции, где он вскоре стал лидером. Для того чтобы более понятна была ситуация, сложившаяся тогда, приведу довольно большие выдержки из выступлений на конференции Ельцина и его основного оппонента — члена Политбюро, Секретаря ЦК Лигачева.

По неписаным правилам Секретарь ЦК, который вел заседание секретариата Центрального Комитета, являлся неформальным вторым человеком в партии. Тогда им был Егор Кузьмич. Ельцин же к тому времени был освобожден от обязанностей Первого секретаря столичной парторганизации, но оставался членом ЦК, т. к. избирал его Съезд партии, и только он мог и освободить его.

На партконференции Ельцину была предоставлена возможность выступить. Если проанализировать его речь, отбросив эмоции и предвзятость, сложившиеся в последние десятилетия к этому человеку, она была весьма критичной и острой. Пусть выступление было не очень красноречиво — на этот раз, в отличие от знаменитого пленума, он выступал по существу.

«Главным вопросом конференции, — заявил Ельцин, — является демократизация в партии, имея в виду, что со временем она сильно деформировалась в худшую сторону. И, конечно, обсуждение сегодняшних горячих вопросов: перестройки в целом и

революционного обновления общества. Сам период подготовки конференции вызвал необычайный интерес и возродил надежды коммунистов и всех советских людей. Перестройка встряхнула народ. И, видимо, перестройку надо было начинать именно с партии. Затем она повела бы за собой, как и всегда, всех остальных. А партия, как раз с точки зрения перестройки, и отстала. То есть получается, что конференцию сегодняшнюю надо было проводить значительно раньше. Это моя личная точка зрения...»

Трудно было не согласиться с некоторыми положениями его речи, особенно по внутрипартийным вопросам. Но складывалось впечатление, что он, партийный функционер с двадцатилетним стажем, на все крупные недостатки в партии смотрел как бы со стороны, хотя в течение долгого времени был в числе тех, кто их сам порождал и пестовал. Поэтому невольно закрадывалась мысль о его неискренности, о весьма ловком использовании создавшейся ситуации в личных целях.

Все мои сомнения подтвердило время: судить человека можно только по его делам. А, рассматривая действия «позднего» Ельцина, можно сказать, что, как говорит библейская мудрость, «все возвращается на круги своя». Прочтите еще одну часть его выступления и сами сделайте выводы:

«Я, например, знаю, сколько перечисляется миллионов рублей в ЦК от Московской городской и Свердловской областной партийных организаций. Но куда они расходуются — не знаю. Только вижу, что кроме рациональных расходов строятся роскошные особняки, дачи, санатории такого размаха, что стыдно

становится, когда туда приезжают представители других партий. А надо бы за счет этого материально поддержать первичные партийные организации, в том числе и по зарплате их руководителей. А потом мы удивляемся, что некоторые крупные партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоту, скромность, партийное товарищество.

Разложение верхних слоев в брежневский период охватило многие регионы, и недооценивать, упрощать этого нельзя. Загнивание, видимо, глубже, чем некоторые предполагают, и мафия, знаю по Москве, существует определенно.

Вопросы социальной справедливости. Конечно, по-крупному, на социалистических принципах, они у нас решены. Но остались некоторые вопросы, которые не решаются, вызывают возмущение людей, снижают авторитет партии, пагубно действуют и на темпы перестройки.

Мое мнение — должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения...».

В последней фразе выступавший явно «перебрал», впал в демагогический раж. А может быть, он так испугался оказаться среди тех, кому действительно многого не хватало «в социалистическом обществе», что вскоре переметнулся в стан своих прежних оголтелых врагов, а затем и возглавил уничтожение нашего общественного строя и страны в целом, начал реставрацию в ней отторгнутого народом капитализма —

общества, в котором царят социальное неравенство и эксплуатация человека человеком.

Чего же добился сей «правдолюбец» и «борец» за счастье людское? Для себя и своего клана вплоть до седьмого колена — всего, что он так пламенно обличал в недалеком прошлом. Для страны и ее народа — разгрома промышленности и сельского хозяйства, превращения России в нищенствующую попрошайку на мировой арене, чудовищного социально-экономического расслоения населения, его вымирания, деградации науки и культуры.

Не зря говорят в США: первое, что необходимо сделать, выиграв выборы, — это забыть свои предвыборные обещания. По-видимому, нашего незабвенного Бориса Николаевича этому научили там, во время его «исторической» поездки.

В 90-е годы прошлого века, именно в период правления Ельцина в России, в небывалых масштабах расцвели коррупция, мздоимство, преступность, в том числе организованная. Он щедро унавозил почву, создал тепличные условия для воров и бандитов. Народное достояние разграбили приближенные к власти и лично к тогдашнему Президенту лица. Ну, а о его собственной «порядочности, нравственной чистоте, скромности» народ увидел, услышал, узнал за время пребывания Ельцина у высшей власти столько, что и упоминать об этом снова не хотелось бы.

Однако кое о чем в этом плане — для отходчивых и забывчивых — напомню. Быстро были забыты им и районная поликлиника, и демонстративные поездки в Кремль на дребезжащем «Москвиче»...

В его книге-«исповеди» большое внимание уделено фактам из жизни руководства партии. Говоря

откровенно, и мне многое не нравилось в тогдашних порядках, о чем я не раз говорил и писал. Но почему же, став во главе России, он все, подвергавшееся критике, не только сохранил, но и невероятно приумножил, причем в наглой, вызывающей по отношению к основной массе населения, к тому же в безвкусно-помпезной форме? В то время, когда старики умирали от голода, не получая по полгода пенсию — единственного средства к существованию, — он реконструировал кремлевские дворцы и свою резиденцию с такой роскошью, что у президентов Франции и США, увидевших все это, в буквальном смысле отвисли челюсти.

Надо полагать, наступит время, когда предадут огласке, во что обошлись нашему государству переделка зданий, загородной резиденции, дорогостоящая мебель, мощные ограды от собственного народа.

По всей стране в кабинетах «супердемократической» власти царят откровенное вымогательство, взяточничество, коррупция — куда там коммунистам! Раньше-то хотя бы парткомов боялись, да и собственной совести тоже. Нынешним все дозволено, тормоза отсутствуют...

При этом Президенте появились дачи-дворцы, бесчисленные кортежи самых дорогих машин новоявленных «хозяев жизни», персональные самолеты и яхты, оборудованные и отделанные по личному указанию Ельцина. Позже, будучи на «заслуженном отдыхе» после разрушения великой Державы, он летает на этих лайнерах в Париж, чтобы присутствовать на теннисном турнире... Находились средства (не последние, конечно), чтобы снять частную виллу где-нибудь в Италии, и т. д. и

т. п. Вот реальная цена «демократии», на которую «клюнул» наш доверчивый народ.

Все это было чуть позже, а вот летом 1988 года Ельцин попытался вернуться в верхний эшелон партийно-государственной власти, обратившись к XIX партконференции с заявлением:

«Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК. (*Шум в зале*). Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все».

Горбачев М.С.: «Борис Николаевич, говори, просят. (*Аплодисменты*). Я думаю, товарищи, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич нужным сказать, скажет. А если у нас с вами появится необходимость, то мы тоже потом можем сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич».

Ельцин Б.Н.: «Товарищи делегаты! Реабилитация через 50 лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни. Считаю этот вопрос принципиальным, уместным в свете провозглашенного в докладе и выступлениях социалистического плюрализма мнений, свободы критики, терпимости к оппоненту.

Вы знаете, что мое выступление на октябрьском Пленуме ЦК КПСС было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на Пленуме, неоднократно поднимались прессой, ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе, и в выступлениях. Я считаю, что единственной моей ошибкой

в выступлении было то, что я выступил не вовремя — перед 70-летием Октября.

Видимо, всем нам надо овладевать правилами политической дискуссии, терпеть мнение оппонентов, как это делал В.И. Ленин, не навешивать сразу ярлыки и не считать еретиками.

И в выступлениях на конференции, и в моем выступлении полностью нашли отражение вопросы, высказанные мною на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решение Пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям.

Да, обновление общества дается тяжело. Но сдвиги, пусть небольшие, есть, и сама жизнь заставляет нас идти только по этому пути. (*Аплодисменты.*)»

Однако большинство выступавших затем ораторов, думаю, не без подсказки Генерального и его присных, с привычным пафосом продолжали клеймить Ельцина, и в итоге вопрос о его реабилитации тихо-тихо сошел на нет.

В качестве примера приведу выдержки из выступления на конференции Е. Лигачева:

«Быть может, мне труднее, чем кому-либо из руководства, говорить в связи с выступлением Бориса Николаевича Ельцина. И не потому, что шла речь и обо мне. Просто пришла пора рассказать всю правду...

Нельзя молчать, потому что коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не

созидательной, а разрушительной энергией. Его оценки процесса перестройки, подходов и методов работы, признанных партией, являются несостоятельными, ошибочными...

Борис Николаевич Ельцин на Пленуме ЦК обвинял Секретариат ЦК в том, что он сам насаждал в Московском горкоме партии. Замечу, что, будучи секретарем горкома партии, он не бывал на заседаниях Секретариата. Хочу сказать и другое. Трудно поверить, но, находясь в составе Политбюро, присутствуя на его заседаниях, а заседания длятся по 8–9 и 10 часов, Ельцин почти не принимал никакого участия в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений, которых ждал весь народ. Молчал и выжидал. Чудовищно, но это факт. Разве это означает партийное товарищество? Свою задачу, смысл своей деятельности секретари ЦК, аппарат ЦК видят в оказании помощи, налаживании работы на местах...».

Ореол гонимого народного героя вокруг Ельцина после конференции засиял еще ярче. Спустя короткое время он с гигантским отрывом от конкурента выиграл предвыборную гонку и стал народным депутатом, несмотря на совершенно глупейшие титанические усилия ему помешать. А ведь «реабилитируй» его конференция, может, и не было бы очередного нагнетания разрушительных событий. «Опала» — в силу нашей национальной психологии — помогла ему победить на выборах.

Я веду речь не о тактике «верхов» — верная она или ошибочная. Собственно, здесь ответ может быть только один — до идиотизма бездарная. К сожалению, сам Ельцин не отличался от своих тогдашних «врагов» и

даже написал в своей книге: «Я воспитан этой системой». И когда пришел срок, он попросту свел счеты со своими обидчиками, запретив партию. Он ведь, Робин Гуд наш доморощенный, сражался-то с партийной верхушкой, которая его прилюдно секла. И победил. И унизил ее с наслаждением. А то, что девятнадцать миллионов коммунистов заодно в грязь положил, — это мелочи! А то, что законы поправил, — пустяки! Потом он стал хозяином России, «царем Борисом», о чем, не стесняясь, не раз объявлял во всеуслышание...

Двадцать лет в аппарате партии — это огромная ломка характера. Я не знаю ни одного функционера, на котором так или иначе не сказалось бы пребывание у власти. Она часто уродует души, убивает веру, идеалы, надежды. Если я еще могу поверить, что Ельцин «искренне вступал в партию» (его слова), то в искренность его картинного ухода из нее, в 1990 году, на XVIII Съезде, не верю. Потому что уйти — значит измениться, по- другому думать и действовать. А что изменилось в этом смысле в управлении нашей расколотой державой со смертью партии и воцарением у власти «демократов» во главе с Ельциным? В лучшую сторону — ровным счетом ничего...

XIX партконференция показала, что в недрах самой партии вызревало ясное, хотя и не слишком оформленное понимание того, что довольно скоро будет выражено расхожей фразой: дальше так жить нельзя. Политическая система в условиях последовательной экономической реформы неизбежно требовала изменений. Нас, экономистов и производственников, это тревожило особенно.

Мы отлично понимали, что управление хозяйством чем дальше, тем больше сосредоточивается в руках партийного руководства. А между тем, обладая безраздельной властью, партия — в лице ее лидеров — практически не несла ответственности за происходившее в стране. В сложившейся политической системе конституционная законодательная власть — Верховный Совет, как и Советы иных уровней, — во многом лишь оформляла подготовленные в партийных структурах проекты решений. Все более фиктивной становилась и избирательная система. Авторитет Советов таким образом размывался, хотя по своей природе и потенциалу они содержали в себе все необходимое для эффективного демократического управления государством и обществом.

Сегодня многие, особенно так называемые демократы, напрочь «забыли», что впервые о насущной необходимости политических реформ заявила именно КПСС на 19-й партийной конференции.

Первый вопрос на конференции, как всегда, был чисто экономическим: об итогах первой половины двенадцатой пятилетки, о дальнейших задачах партийных организаций в связи с этим. Вторым же вопросом был посвящен дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Докладывал по обоим вопросам Горбачев. И произнес он верные слова: «Сегодня надо иметь мужество признать: если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки».

Далее он перечислил семь принципов политической реформы, как некогда тоже семь постулатов самой перестройки, которые он огласил на Пленуме ЦК в

январе 1987 года. Однако на партконференции при этом не ставилась одна из коренных для любой демократии задач — уравновесить, наконец, в стране три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Крен откровенно делался в сторону первой из них.

Прежде чем Генеральному выступить на конференции, его доклад традиционно обсуждался на Политбюро. Я опять не смолчал, сказал примерно так:

— В том, что я прочитал, вижу явную тенденцию к ослаблению исполнительной власти. Это недопустимо! Давайте четко разделим функции между тремя классическими ветвями власти. Давайте четко определим границы сфер деятельности каждой из них. И даже если отдать всю — подчеркиваю: именно всю! — власть Советам, что является, на мой взгляд, неправильным, справятся ли они с нею? Сомневаюсь. А не справятся — государство может потерять управляемость...

Как вы думаете, что мне поставили в упрек? Как всегда: я защищаю Совет Министров и не понимаю требований времени. Тогда я высказал моим оппонентам все, что думаю про эти пресловутые «требования», которые вновь и вновь входят в противоречие с основным классическим разделением ветвей власти и элементарным здравым смыслом. Разговор получился резкий, и я остался, как часто случалось в Политбюро, увы, в меньшинстве. Генеральный понимал, что по-настоящему идея работающих Советов обретет в народе невероятную популярность, а мелкие, на его взгляд, подробности можно продумать по ходу дела.

Рассказывая здесь о своей позиции в отношении намеченного полномочия Советов, должен подчеркнуть: я ни в коей мере не возражал против

наделения их реальной властью, но считал и считаю, что это надо делать в четко определенных законом рамках. Еще, будучи генеральным директором Уралмаша, я был избран в Верховный Совет СССР. За годы своего депутатства достаточно отчетливо понял, что истинная роль парламента куда скромнее той, что провозглашалась в советской Конституции. В подобном положении находились и нижестоящие Советы.

Эту ситуацию действительно надо было менять коренным образом, но не шарахаясь, как у нас часто бывало, из одной крайности в другую. Я не мог смириться с тем, что Горбачев, освобождая партию от не свойственных ее природе как общественной организации функций, явно думал не столько о нормализации соотношения между ветвями власти и, следовательно, об эффективности управления государством, сколько о том, чтобы просто перенести свое кресло со Старой площади в Кремль, сохраняя за собой фактически все прежние полномочия и меняя лишь вывески, но не суть дела. Вот это и было главной целью реанимации (при коренном изменении его исторического смысла, конечно) ленинского лозунга 70-летней давности — «Вся власть Советам!».

Отдавая полноту власти Советам, говоря о том, что партия должна уйти от управленческих функций, остаться только политической силой, Генеральный в своем докладе вовсе не умалял ее авангардной роли. Напротив, подчеркивал, что «без направляющей деятельности партии... задач перестройки не решить». Более того, высказывал убеждение, что необходимо рекомендовать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Кстати, именно эта позиция и вызвала на конференции немало возражений. Люди понимали, что в такой форме уход партии от практического, повседневного руководства всеми сторонами жизни, в том числе и хозяйственной, станет по сути формальным. Иными словами, Советы будут исподволь, не явно, но по-прежнему жестко и уверенно управляться партийными органами. Мне трудно утверждать точно, была ли эта позиция придумана специально для Горбачева, чтобы он мог возглавить будущий Верховный Совет и при этом остаться Генеральным секретарем ЦК КПСС. Не знаю, никто никогда по этому вопросу со мной не советовался. Думаю, что в основе этого предложения формально лежал тезис о необходимости сохранения партийного влияния на экономику, а на самом деле главной целью было совмещение должностей Генсека и Председателя нового Верховного Совета, которому и отводилась, как уже сказано, «вся власть».

«Теория» вопроса была продумана. Практически вся структура будущего Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и система выборов депутатов были представлены конференции и обсуждены на ней. Конференцию торопили события: весной 89-го, меньше чем через год, заканчивались полномочия Верховного Совета СССР.

К проблеме передачи всей власти Советам мы еще вернемся в этой главе, подойдем к ней, так сказать, с другой стороны, а пока я не могу не отметить и еще одну сторону работы конференции: в череде громких выступлений, поддерживавших перестройку и лично Горбачева, прозвучали тревожные, критические нотки. Наиболее ярким и выражавшим большую обеспокоенность происходившим было выступление

выдающегося писателя-фронтовика Юрия Бондарева. Я полагаю, что пройдет время, и историки периода перестройки полностью опубликуют эту речь. А сейчас мне хотелось бы тезисно и с некоторыми выдержками передать суть его выступления. Оно было по-писательски образно. К примеру, говоря о разрушительных процессах, рожденных перестройкой, он сравнивает их с разрушенной библейской Вавилонской башней как символом несостоявшегося братства не понявших друг друга людей: «Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали бы свое будущее. Мы против того, чтобы наш разум стал подвалом сознания, а сомнения — страстью».

Недвусмысленно было сказано и о расплывчатых целях перестройки: «Если апрель — месяц весны и ожидания — принес осознание необходимости действия, то сейчас настала пора осмысления каждым исторической логики непреложных законов развития.

Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискусионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка ради материального блага и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения. Только согласие».

С особым беспокойством и болью он говорил о нравственности, об ответственности писателей, журналистов, средств массовой информации за духовную жизнь общества:

«Безнравственность печати не может учить нравственности. Аморализм в идеологии несет разврат духа. Пожалуй, не все в кабинетах главных редакторов газет и журналов полностью осознают или не хотят осознавать, что гласность и демократия — это высокая моральная и гражданская дисциплина, а не произвол, по философии Ивана Карамазова (*аплодисменты*), что революционные чувства перестройки — происхождения из нравственных убеждений, а не из яда, выдаваемого за оздоровляющие средства...

Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду, — эта печать воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, Геростратам мысли, чистого чувства, совести, о чем история идеологии будет вспоминать со стыдом и проклятиями...»

К сожалению, полные тревоги мысли Юрия Васильевича Бондарева были подтверждены ходом событий, кончиной перестройки в 1990–1991 годах, и реалиями жизни «суверенной» России. Художник-мыслитель значительно раньше политиков понял происходящие в то время процессы в обществе и смог заглянуть далеко вперед. Пожалуй, его выступление и стало самым тревожным колоколом, прозвучавшим через три года после рождения перестройки, на ее переломе, когда разрушительные тенденции и формирующие их силы стали все больше преобладать над созидательными.

По окончании конференции в аппаратах ЦК и Верховного Совета развернулась спешная работа по

подготовке Закона о выборах и внесении изменений в Конституцию СССР. Первые изменения в Закон были внесены именно в связи с системой Советов. К сожалению, дело на этом не остановилось. Стоило только начать перекраивать Конституцию, как этот «творческий процесс» стал неуправляемым. С ней поступали, как с черновой тетрадкой. Ее черкали как ни попадя, а в итоге похоронили.

Разумеется, я вовсе не против конкретных изменений, которые продиктованы жизнью, ее развитием, да еще когда они, эти изменения, пойдут на благо страны. Я лишь против спринтерской поспешности, с которой тогда взялись за дело, против неуважения к Основному Закону, которое, естественно, порождает такое же отношение и ко всем другим законам.

Возьмите Конституцию США. Она была принята, как известно, в 1787 году. За двести лет в нее было внесено только 26 поправок! Что касается царской России, то она Конституции не имела. Были так называемые Основные государственные законы, в которые революция 1905 года внесла лишь некоторые статьи буржуазно-демократического порядка.

За 70 лет Советской власти были приняты четыре Конституции — в 1918, 1924, 1936 и 1977 годах, они имели и соответствующие названия — ленинская, сталинская (это название широко использовалось в официальной пропаганде) и брежневская. В 1988 году началась обвальная и бесцеремонная перекройка последней из них. Изменения коснулись половины статей. Но с этими поправками страна прожила всего год. В 1990 году Конституция менялась уже дважды. В начале — для введения президентства и новых государственных

органов: Президентского совета и Совета Федерации. В конце — для ликвидации Совета Министров СССР как главной исполнительной и распорядительной государственной власти и устранения Президентского совета, введения должности вице-президента и т. д. Подобная же участь постигла Конституцию в 1991 году, в декабре которого она и вовсе ушла в Историю. Такое легкое отношение к Основному закону государства хорошо выразил один небезызвестный народный депутат, сказав, что мы относимся к Конституции, как к уличной девке.

Еще более бесцеремонно и цинично поступили с российской Конституцией. Сначала ею всячески манипулировали, а вскоре просто растоптали. Впрочем, ступив на путь кощунства, как и предательства, остановиться уже невозможно. Такой образ мыслей и действий становится нормой. Б. Ельцин 10 июля 1991 года, вступая в должность Президента РСФСР, поклялся, держа руку на Конституции, соблюдать ее и другие законы России, а затем на глазах страны и всего мира вытер о них ноги и, расстреляв в 1993 году парламент, навязал обществу свою, под него писанную Конституцию. Быстро состряпанный ее проект был поставлен на референдум. Но до сих пор идут споры, сколько процентов населения проголосовало за нее и принята ли она, строго говоря, вообще?..

Даже во времена Сталина обсуждение проекта Конституции проводилось почти полгода, в результате чего поступило около двух миллионов различных дополнений и поправок. Активно обсуждало население страны и Конституцию 1977 года. Ну, а тогда, в 1988 году, как проходила законотворческая работа? Мы получали документы чаще всего вечером, накануне

утренних заседаний Политбюро. Иной раз не только посоветоваться — прочесть их внимательно времени не хватало. Помню, возникали сомнения, а иногда и мучительные вопросы.

Во-первых, я не очень понимал, зачем нужен Съезд народных депутатов. В своем докладе на конференции Генсек туманно объяснил его необходимость тем, что в этом новообразовании «будет сильно и прямо выражено общественное начало». Очень хочется скаламбурить и добавить — «общественный конец». Но дело здесь не в проблемах трибунного словотворчества, а в сути. Горбачев попросту перефразировал ленинскую идею Съезда как «широкого народного собрания», иными словами — некоего народного схода, на котором можно вольготно наговориться. А все конкретные дела все равно станут решаться на заседаниях Верховного Совета. Так и вышло.

Малопонятным было и то, почему депутатов именно 2250 человек? Откуда такая странная «некруглая» цифра? Если уж «широкое народное собрание», то логичнее — 5000, хотя бы потому, что в Кремлевском Дворце съездов, где намечалось проводить Съезд, именно столько мест...

По окончании Первого Съезда народных депутатов, увидев, что так быстренько было «сотворено», и понимая разрушительную роль этого громкого и многоголосого органа власти, я спросил А.И. Лукьянова и А.Н. Яковлева, не им ли принадлежит идея создания такого организованного митинга в стране? Оба они стыдливо отказались от столь почетного авторства. Кто же тогда? Горбачев? Вряд ли он додумался бы до этого в одиночестве.

Может, я излишне критичен по отношению к Съезду как институту народовластия, но стоит, к слову, заметить, что подобная структура существовала только в СССР и РСФСР, а остальные бывшие республики Союза разумно избежали создания нового неповоротливого и непродуктивного органа. Но он тем не менее был высшей государственной властью. Так почему же он не собрался в последний раз, чтобы принять конституционное решение о роспуске государства под названием СССР?

Мой скепсис по поводу целесообразности существования Съездов народных депутатов СССР и РСФСР не распространяется на Верховный Совет. Взаимной любви у нас не было и не могло быть, так как сама природа взаимоотношений Парламента и Правительства основана на противоречиях. Полтора года довольно тесного общения, вплоть до моего фактического ухода с поста Председателя Совета Министров СССР в декабре 90-го, прошли в состоянии худого мира или доброй ссоры — это уж с какой стороны смотреть. Но Верховный Совет и Правительство все же, на мой взгляд, уважали друг друга и постепенно учились работать вместе, находить не всегда легкие общие решения.

В то же время я не мог оправдать членов Верховного Совета в том, что они забрали себе право на обсуждение и решение всех вопросов — от законотворчества до хозяйствования, зачастую подменяя исполнительную, а порой и судебную власть. Я так и не понял, почему Верховный Совет едва ли не буквально скопировал структуру ЦК КПСС с его отраслевыми отделами и секторами, только их роль здесь исполняли комитеты и комиссии, причем делали это куда ретивее,

чем партийные функционеры. И притом далеко не всегда профессионально.

Время приближалось к весне, выборы были назначены на 26 марта 1989 года. Закон о выборах, как и изменения в Конституции, были обсуждены всенародно и приняты, борьба кандидатов в депутаты за голоса избирателей развернулась нештучная. Но ее участники оказались в неравном положении. На мой взгляд, создатели Закона о выборах испугались того, за что сами ратовали, а именно... демократии: они законодательно предусмотрели раздвоенность грядущего депутатского корпуса, в котором часть избранников — 1500 человек — должна была пробиться сквозь густые тернии выборов по территориальному принципу, а другая — 750 человек — легко и безболезненно попадала на Съезд, избранная пока еще послушными властям общественными организациями.

Естественно, что эти организации, в том числе творческие союзы, в первую очередь выдвинули своих руководителей, которые все, как правило, стали депутатами. Естественно и то, что депутаты, всерьез сражавшиеся с соперниками в округах, довольно враждебно относились к безмятежно прошедшим в депутатский корпус коллегам.

Не могу утверждать, что сразу увидел ошибочность подобной системы. Никогда особенно не верил заверениям, что таким образом общественные организации получают дополнительный канал прямого воздействия на властные структуры — это не более чем аргумент в не слишком честном споре. Но поначалу я наивно полагал, что, в отсутствие многопартийности, на Съезде и Верховном Совете корпоративное

представительство сделает состав парламента более разнообразным, расширит его социальную базу. Однако наивности моей хватило ненадолго.

Не самый демократический принцип царил уже на этапе составления списка «750-ти». 100 человек — от девятнадцатимиллионной КПСС. 100 — от двадцатиседемиллионного комсомола. 100 — от едва ли не двухсот миллионов членов профсоюза! И так далее... Вряд ли кто-нибудь взялся бы объяснить такое неравное представительство. К тому же получалось, что одни и те же люди выбирали нескольких депутатов.

Возьмем хотя бы членов ЦК КПСС. Сначала они выбирали депутатов от партии. Потом (пусть и опосредованно) от профсоюзов — каждый коммунист являлся членом какого-либо из них. Потом по месту жительства — от территории. Примерно то же можно сказать и об академиках, и о писателях, и о художниках, и о защитниках мира... В то время как рядовые граждане страны новых Советов могли использовать право выбора лишь однажды — голосуя по месту жительства.

К слову, не могу не отметить, что осуждаемая всеми демократами «красная сотня», то есть группа депутатов от КПСС, была составлена по старому и, на мой взгляд, хорошему партийному принципу: в ней были и секретари парторганизаций, и писатели, и ученые, и рабочие, и крестьяне.

Сразу после подведения итогов выборов состоялось заседание Политбюро, на котором мы опять не сошлись с Генсеком в оценке результатов выборов. Горбачев был приподнято-радостным. Выборы, утверждал он, показали огромный авторитет компартии у народа: 87 процентов депутатов — члены КПСС... Вопреки обыкновению, он

начал разговор на заседании первым, словно хотел собственным авторитетом утвердить победу, предчувствуя возможные возражения. Однако некоторые участники заседания были настроены иначе. Партия проиграла выборы, сказал я. Тридцать руководителей местных партийных организаций, выдвинутых по территориальным округам, позорно и шумно провалились, проиграв куда менее маститым и известным, но более «убедительным» соперникам.

— Но тоже членам партии! — утверждал Горбачев.

— Их выбирали не за членство в КПСС, — не соглашался я. — Наоборот, они нигде и не подчеркивали его.

Это, к величайшему сожалению, не частный случай, говорил я. Это тревожный симптом, указывающий на то, что партия сильно отстает от тех перемен, которые она же и начала. Складывается впечатление, что руководство КПСС почило на лаврах зачинателей перестройки и, уверенное в своем незыблемом авторитете, не хочет видеть, что само-то действует прежними методами. Да разве кто-нибудь из тех тридцати проигравших, спрашивал я, боролся со своими удачливыми соперниками? Сам и отвечал: нет. Боюсь, что они считали, будто, как и в прошлые времена, достаточно какому-нибудь парторгу всего лишь приказать членам своей «первички» проголосовать за областного партийного лидера, и все немедленно и беспрекословно сделают это. Не те времена! Выборы как раз и показали, что время незыблемых авторитетов кануло в Лету, что авторитет нынче надо завоевывать ежедневно всем и каждому и что партия и ее руководители — не исключение. И не надо думать, будто выборы проиграли

тридцать конкретных лиц. Выборы проиграла именно партия, которая доверила представлять себя этим лицам.

Увы, но руководство партии — от районных секретарей до членов Политбюро — еще не очень, видимо, осознавало эти довольно простые истины. Послевыборная эйфория закончилась быстро — тогда, когда большинство из этих 87 процентов начали поспешно и с шумом покидать КПСС. Конечно же, с их стороны никакое это было не прозрение, а всего лишь элементарное предательство. Но ведь это был тревожнейший сигнал! Он означал, что быть членом партии становилось непопулярно. И тем не менее даже тогда, когда «эмиграция» из партии стала опасно массовой, руководство КПСС бестрепетно уверяло: пусть, мол, крысы бегут с корабля — курс верен, маршрут проложен, ход неизменен... Они забыли или не знали, что крысы бегут с корабля, когда он дал течь, когда ему грозит гибель... Вот эти-то «верность и неизменность», нежелание перестраиваться самим, чрезмерная самоуверенность и неумение слышать достаточно громкие сигналы тревоги и привели компартию к августовской (1991 года) гибели.

Признаюсь, я специально остановился на партийных форумах 1987–1988 годов и последовавшем за этим изменении Конституции СССР, поскольку, на мой взгляд, именно в эти годы начало активно создаваться разрушительное оппозиционное движение и появились его лидеры, приведшие впоследствии страну к расчленению и гибели.

Читатель вправе спросить: что же, автор против оппозиции вообще? Никоим образом! Мое твердое убеждение состоит в том, что демократическое общество

не может жить без оппозиции. Это, безусловно, касается и парламента страны, и региональных, и местных органов власти. Но я против такой оппозиции, которая ненавидит свое государство, свой народ, которая была в восторге от разрушения Советского Союза. Именно такую оппозицию я отношу к разрушителям, а значит, объективно — и к предателям своей Родины.

Огромную роль во всех этих негативных явлениях сыграли, к великому сожалению, процессы, которые происходили в обществе. Их влияние стало особенно ощутимым после партконференции, на съездах народных депутатов СССР и РСФСР. На Первом Съезде народных депутатов в адрес КПСС было высказано много претензий, тяжелых обвинений и призывов к «возмездию», к освобождению страны от «гнета КПСС». В выступлениях содержалась и справедливая критика, обнажавшая реальные проблемы деятельности партии в обществе. Зачастую чувствовалась гражданская, политическая незрелость ораторов. Но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по дискредитации партии, которая в результате исторического развития стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры и, естественно, отвечающей за все победы и за все недостатки. Именно поэтому было крайне опасно разрушать авторитет партии. И те, кто дирижировал всем этим, знали, что для смены власти и общественного строя необходимо было сломать или хотя бы надломить прежде всего партийно-государственный стержень, на котором держалась страна. Ложь была тотальной, циничной, наглой, и ею оболванили многих и многих из трехсот миллионов населения бывшего СССР. Немалая часть людей поначалу с детской наивностью

поверила, что стоит запретить Коммунистическую партию — и жизнь пойдет по-другому: лучше, чище, честнее, гуманнее, справедливее и, конечно же, богаче...

Были и более глубокие причины разраставшегося политического кризиса. После 19-й партконференции и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно перестроиться, кардинально реформироваться. Строго говоря, это надо было делать даже намного раньше, опережающими темпами готовить ее к работе в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные факторы вызывали тревогу у многих партийных организаций, от них поступали предложения о немедленном созыве Пленума ЦК, на котором необходимо было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, о требуемых изменениях в ней самой. Уже было очевидно: если не выработать новую стратегическую линию, а с ней и тактику, деятельности партии, то вся перестройка может обернуться для народа небывалым поражением.

Это выступление мне тоже не простили, но громкого, как с Ельциным, спектакля устраивать не стали: пришло другое время.

Но почему же все-таки партия своевременно или хотя бы с опозданием не перестраивалась, не готовилась работать в новых условиях? Кто в этом виноват? Отвечу ссылкой на интервью «патриарха перестройки», ныне уже покойного, А. Яковлева. В одной из известных газет он достаточно четко сформулировал стратегию

разрушителей партии и Союза ССР: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было... Потому что, только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим...». Полагаю, что именно этим и можно объяснить нежелание Горбачева, Яковлева и их единомышленников реформировать партию в условиях шквального изменения политических сдвигов в СССР, чтобы использовать ее как орудие смены общественно-политического строя в нашей стране. Циничнее не скажешь: партию, создавшую мощную державу и отстоявшую во время войны СССР, перевертыши решили использовать для разрушения державы!

Волна антикоммунизма, все круче поднимаемая так называемыми демократами, не встречала на своем пути никакого сопротивления. Третий внеочередной Съезд народных депутатов, на котором Президентом страны был избран М. Горбачев, под улюлюканье и неистовые восторги отменил 6-ю статью Конституции СССР о роли и месте КПСС в государстве.

Наступило время, как говорили остряки, когда советский народ под руководством КПСС стал бороться против КПСС. И если в первой части этой формулы — народ — содержалось немалое преувеличение, то вторая, увы, была близка к истине: партию разрушали самые активные ее члены, пользовавшиеся слепотой, бездеятельностью, а то и попустительством и поддержкой ее высших руководителей. И вскоре уже миллионы покинули партию, после того, как пример им

подали идеологические вожди КПСС. Она и пала в результате беспрецедентного предательства.

В начале июля 1990 года открылся последний, XXVIII съезд КПСС.

В партии практически произошел раскол, размежевание в ее рядах по идейно-политическим и даже национальным мотивам, возникло глубокое отчуждение и между ЦК, его Политбюро и Генсеком — с одной стороны, и партийными организациями на местах — с другой. С каждым месяцем оно разрасталось. Не случайно за год-полтора до XXVIII съезда численность партии уменьшилась на миллион человек.

Раскол произошел и в самом Политбюро. Прошли времена, когда в этом высшем органе КПСС в жарких дискуссиях находили необходимые решения. Сейчас же в нем образовалось несколько групп, и они были непримиримы. Одна — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Медведев, другая — Рыжков, Воротников, Слюньков, Зайков. Было, конечно, и «болото». Разногласия по отдельным, иногда даже частным, вопросам отражались на взаимоотношениях и вредили общему делу.

Хотя с начала 90-го года Политбюро практически прекратило свою деятельность, все же за несколько дней до съезда оно было созвано. Заседание проходило в Ново-Огарево. Там Горбачев работал над своим докладом съезду. Никто из моих соратников, сослуживцев не принимал участия в его подготовке. Не было и традиционного тщательного рассмотрения на Политбюро этого документа.

В процессе обсуждения некоторых проблем встал вопрос о будущем составе новых Политбюро и Секретариата. Кто-то из присутствующих в дополнение к

тем кандидатурам, которые были уже названы, внес предложение ввести в состав Политбюро меня и А. Лукьянова. Мы с ним понимали, что в сложившейся обстановке это принесет лишь вред партии. Президент страны — Генсек КПСС, Предсовмина и Председатель Верховного Совета — члены Политбюро, это даст противникам КПСС повод активизировать ее травлю, обвинить в монополизме и сосредоточении высших государственных постов в руках одной партии. Мне и Анатолию Ивановичу пришлось долго убеждать присутствующих в нецелесообразности подобного шага. А членами ЦК мы считали необходимым остаться, если нас изберут на съезде. Я пишу об этом, так как впоследствии появились публикации, особенно в связи с 20-летним «юбилеем» перестройки, будто мы с А. Лукьяновым рвались в члены Политбюро, а нас не пустили.

До запрета КПСС оставалось менее двух лет...

Я был членом Компартии в первом и, как оказалось, последнем поколении. Мои дед и отец трудились на шахте в Донбассе. Позднее работал на этой же шахте, но уже на глубине один километр, младший, ныне покойный, брат Евгений. Они трудились в темноте и сырости не ради партийных званий. Это прежде всего был их образ жизни.

В шахту с ее тяжелыми, а во многих случаях и опаснейшими условиями труда, всегда сопряженными с риском, идут люди с крепким характером. Там, под землей, с человека сдирается всяческая шелуха. Труд шахтеров сродни повседневному героизму, и они знают себе цену. Наверное, поэтому, когда однажды в отпуске я заехал к родным проведать их, брат, увидев в моем

чемодане журнал «Огонек» с фотографией на обложке Хрущева в шахтерской каске, сурово спросил:

— А это что за морда надела на себя нашу шахтерскую каску?

Так получилось, что из семьи только я стал членом КПСС. Даже моя супруга, Людмила Сергеевна, на предложения вступить в партию отвечала: у нас в семье есть один член партии, и этого достаточно.

22 ноября 1982 года на Пленуме ЦК в своем коротком выступлении по оргвопросу Ю.В. Андропов проинформировал членов ЦК о том, что, поскольку экономике надо сейчас уделять особое внимание, Политбюро считает необходимым ввести должность Секретаря ЦК по экономике. И тут же назвал мою фамилию. Пленум Андропова поддержал.

Сразу после пленума я был назначен заведующим Экономическим отделом ЦК. Я навсегда запомнил этот пленум — он повернул мою жизнь совершенно в иное русло. И не будь его, неизвестно еще, как сложилась бы моя дальнейшая судьба.

Потом были многочисленные устные и письменные поздравления. Я храню телеграмму моих родителей — теперь уже ушедших из жизни отца и мамы:

«Дорогой Николай, поздравляем тебя с избранием Секретарем ЦК КПСС. Большая ответственность легла на твои плечи, сынок, оправдай доверие народа, желаем тебе крепкого здоровья и больших успехов в работе. Целуем, обнимаем».

Простые труженики из шахтерского края, далекие от начальственных вершин и большой политики, говорили о доверии народа, потому что они и были им, тем народом, во имя кого и должны руководители страны жить и работать.

В своей жизни я старался оправдать доверие народа, своих родителей. КПСС предали, и я дал себе слово, что никогда больше не вступлю ни в какую другую партию. Слово свое держу.

Часть 2

РОКОВЫЕ СЪЕЗДЫ

Первый Съезд первых демократически избранных народных депутатов, как известно, открылся в Кремлевском Дворце съездов 25 мая 1989 года в 10 часов утра... Сегодня нет Советского Союза, нет Съезда и Верховного Совета СССР. Избранники народа спрятали в ящики свои депутатские значки — внучатам на память. Но всем полезно бы помнить, что роспуск Съезда и Верховного Совета СССР был первым звонком в череде «демократических» извращений власти в России после августа 91-го года. И сделал это Верховный Совет РСФСР — тот самый, который всего через два года будет расстрелян из танковых пушек...

Два не очень веселых воспоминания о Съезде. Первое — нежелание поддержать вполне разумное, в духе общего демократического настроения предложение академика Сахарова выслушать платформы кандидатов на пост Председателя Верховного Совета СССР. Настрой остался настроем, но предложение не прошло. Поскольку, как вскоре выяснилось, кандидат был всего

один, и он предпочел сначала быть избранным, а уж потом выступить с докладом. И хотя еще до выборов с трибуны Дворца съездов прозвучали сомнения в целесообразности совмещения двух постов, депутаты эти выступления не поддержали. Их можно было понять: в те дни альтернативы Горбачеву не видели. Известный писатель, авторитетный депутат Чингиз Айтматов и внес его кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР.

Выборы его на пост Председателя обещали быть чисто формальным актом, вот почему общий смех вызвало самовыдвижение на тот же пост депутата А. Оболенского. Никому не известный житель города Апатиты, сотрудник лаборатории полярного геофизического института, хочет померяться силами с самим автором Перестройки... Но в том-то и дело, что этот человек своим истинно гражданским поступком хотел всего лишь укрепить едва рожденную демократию. Напомню его слова: «Ведь я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Путь это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы».

Он даже не попал в бюллетень для голосования. Мы, депутаты, не захотели или, точнее, еще не сумели понять, что однажды рожденная и объявившая об этом событии демократия требует ежечасного, ежеминутного, ежесекундного подтверждения собственного существования. Даже в мелочах. Тем более в мелочах! И коли говорить о неприятно резанувшем, так это то, что Горбачев счел за лучшее промолчать. Не пытаюсь

угадывать мотивы его молчания, но думаю, он тоже не смог правильно оценить смысл поступка Оболенского.

И второе — попытка народного депутата из Свердловска Г. Бурбулиса угодить своему земляку-соратнику Б. Ельцину, внося его кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР. Примечателен невнятный ответ Ельцина на это предложение:

«В связи с тем, что я со вчерашнего дня безработный, я мог бы, работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение. А сейчас я беру самоотвод».

Когда Ельцин пришел к власти, он не забыл услуг этого «без лести преданного» человека: назначил его государственным секретарем — на донине непонятную и ненужную должность. Поистине, долг платежом красен.

Вот, пожалуй, и все о неприятном, так, булабочные уколы совести на фоне действительно памятных дней. Для меня тем более памятных: на заседании нового Верховного Совета СССР утром 7 июня, а потом и на заседании Съезда вечером того же дня меня назначили и утвердили в должности Председателя Совета Министров страны. Это было не формальное назначение. Долго я стоял на трибуне в тот день, докладывал о программе предстоящей деятельности Правительства и отвечал на многочисленные вопросы.

Я стал первым и последним Председателем Правительства СССР, утвержденным именно Съездом. Не стоит думать, что это — пустяк, рутинный процесс. Все на том Съезде было первым. И первые ошибки, и первые радости. К слову, позднее, во время назначения Верховным Советом предложенных мной членов

Правительства депутаты в полную силу показали свой норов — строптивый и не слишком логичный.

По ходу работы Съезда все яснее становилось, что на нем происходит организационное оформление оппозиции, стали очевидными ее «кадровый состав», политическая направленность и методы борьбы за захват власти в стране, и также изменение общественного строя. Расскажу об этом поконкретнее, потому что многое уже в памяти общества подернулось дымкой времени, а молодым людям неизвестно вообще.

Итак, одной из важнейших задач Съезда было формирование Съездом Верховного Совета СССР. По Конституции он состоял, как и прежде, из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей. Обсуждение этого вопроса было длительным и нудным — десятки выступающих по процедуре составления списков, квот от республик, порядка выдвижения, голосования и т. д. В конце концов, все вопросы утрясли и поставили представленные списки на тайное голосование. В бюллетень по выборам в Совет Национальностей от РСФСР было внесено 12 кандидатур, включая Ельцина. За него проголосовало 1185 человек, против — 964. Все остальные кандидаты получили значительно меньше голосов «против». Особенность же голосования по РСФСР была в том, что при квоте для каждой республики в 11 человек, у нее в списках кандидатов было 12. Таким образом, Ельцин в состав Верховного Совета не вошел.

Памятны события, происходившие при формировании Совета Союза. За таких народных депутатов, которые вели себя нахраписто, нарушая регламент, не покидали трибуну и не отходили от микрофонов в зале, критиковавших все и вся,

голосование было еще более выразительным. Например, за академика Татьяну Ивановну Заславскую, автора «теории» неперспективных деревень, проголосовали «за» 591 человек, «против» — 1558. Илью Заславского поддержали 829 человек, «против» — 1320. Позднее он «прославился» неблагоприятными коммерческими махинациями в Москве на Калужской заставе, а затем сгинул с политического горизонта. Таким же образом «пролетели» на выборах в Верховный Совет Г. Попов, С. Станкевич — будущие неудачливые градоначальник и его заместитель по столице, Ю. Черниченко — известный публицист-аграрий, который критиковал наших селян и в то же время держал в кармане печать им созданной — правда, почти без ее членов — аграрной партии.

В общем по итогам выборов в Верховный Совет можно сделать вывод, что большинство народных депутатов не поддерживали зарождавшуюся оппозицию, подспудно понимая или чувствуя, какую опасность она представляет для страны.

Через несколько дней народный депутат, уже избранный в Совет Национальностей, доцент кафедры трудового, экологического и сельскохозяйственного права Омского государственного университета А. Казанник обратился к Съезду с предложением вместо себя «включить без голосования в состав Совета национальностей Бориса Николаевича Ельцина... Я опасаюсь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять «завалют», а это совершенно недопустимо».

Предложение было принято, и Ельцин таким странным образом стал членом Верховного Совета СССР и председателем комитета в нем. В благодарность за этот

поступок, будучи Президентом России, он назначил А. Казанника генеральным прокурором страны. Но этот наивный и, по-видимому, порядочный человек все-таки разобрался, в какую компанию попал, и быстро вернулся в свой родной Омск.

На третий день работы Съезда, после поражения на выборах в Верховный Совет СССР активных ниспровергателей всего существующего в стране, слово взяли Ю. Афанасьев — ректор Московского государственного историко-архивного института и Г. Попов — главный редактор журнала «Вопросы экономики». В своих выступлениях они вошли в открытую конфронтацию с властью и большинством. Маски были сброшены!

В своей речи Афанасьев заявил, что Съезд сформировал сталинско-брежневский Верховный Совет, избрав в него депутатов низкой квалификации. Им было брошено в зал обвинение «агрессивно-послушному большинству», которое блокирует прогрессивные начинания на Съезде. Кстати, эта формулировка вошла в оборот у «демократов» в ходе работы всех Съездов народных депутатов СССР.

Другой будущий лидер оппозиции, Г. Попов, выразил свое разочарование началом работы Съезда, обвинив в этом неразумное большинство депутатов, не признающих плюрализм мыслей и действующих под диктовку аппарата. Правда, было непонятно, о каком аппарате идет речь — государственном, партийном или парламентском. Поступало же так «неразумное большинство» Съезда, по мнению Гавриила Харитоновича, только для того, чтобы сформировать послушный воле аппарата Верховный Совет и

продолжать оказывать давление на «прогрессивное крыло» руководства страны уже от имени Верховного Совета.

Поэтому, по его словам, остается подумать об изменении позиций. Во-первых, группа региональных московских депутатов от научных организаций, от творческих союзов считает необходимым выйти из общемосковской делегации. Он предлагал подумать о формировании межрегиональной независимой депутатской группы и приглашал всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились.

Действительно, в конце июля 1989 года в Москве, в Доме кино состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Были избраны сопредседатели группы — Афанасьев, Ельцин, Пальм, Попов, Сахаров. Собрание межрегиональщиков широко освещалось средствами массовой информации, особенно телевидением. Был создан Координационный совет, в который вошли такие депутаты, как Собчак, Травкин, Станкевич, Полторанин, Бурбулис и др. Депутаты от прибалтийских республик выразили желание, чтобы их членство в группе формально не фиксировалось.

Так оформилась легальная оппозиционная структура в нашей стране. Она объединила многих из оппозиционно настроенных депутатов, стала основной силой, организатором разрушительных процессов в конце 80-х годов, закончившихся распадом государства. Лидеры группы и Координационного совета года через два вошли во власть, возглавили Россию, Москву и Ленинград.

Вначале из тактических соображений, по-видимому, руководство группы продекларировало умеренные цели

— оказывать воздействие на республиканские и местные органы власти. В их документах говорилось, что группа будет готовить поправки к документам Верховного Совета СССР и Съезда, выдвигать новые проблемы, «не противопоставлять себя Верховному Совету, а, напротив, радикализовать сам Верховный Совет, чтобы он скорее начал в полной мере выражать то, что требует народ».

Прошло немного времени, и стало ясно, что МДГ как депутатская фракция не намерена была ограничивать себя рамками только парламентской деятельности. Она все больше и больше претендовала на особую роль в политической жизни страны. С первых же собраний группы было ясно, что она вступила в конфронтацию со Съездом народных депутатов, с Верховным Советом СССР, с местными органами власти и депутатами, которые не вошли в ее состав. Явно прослеживалось, что группа, объединяющая меньшинство депутатов, претендует на то, чтобы отражать мнение большинства народа и стать реальной силой, противостоящей «партократическим замашкам». На Втором съезде межрегиональщики заявили о принципиальном расхождении между ними и большинством депутатского корпуса. По поручению МДГ Афанасьев с трибуны Съезда сделал официальное заявление и назвал те разногласия, которые побудили группу перейти в оппозицию.

Практически сразу МДГ встала на антисоветские и антисоюзные (называя СССР «империей») позиции и начала поддерживать лидеров национальных сепаратистов. Можно вычлениить из всей шелухи их притязаний два главных требования, которые затем сыграли роковую роль в разрушении великой Державы. Это — отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и легализация забастовок.

Группа выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы подорвать гегемонию КПСС, а впоследствии объявила Советы прибежищем партократов и в октябре 1993 года ликвидировала их вообще.

Вскоре между руководителями Межрегиональной группы началась борьба за лидерство. Попытка Афанасьева встать «над группой» закончилась неудачей. Немаловажной причиной тому была его поездка в Японию, где он «подарил» ей наши острова, так называемые «северные территории». По этому поводу и сейчас ведутся сложные переговоры, в ходе которых нынешнее руководство России категорически не дает согласия на передачу островов Японии. А в то время позиция Афанасьева вызвала восторг правых сил и негодование практически всего народа.

Пик известности Ю. Афанасьева пришелся на момент его выступления на Первом съезде. В дальнейшем, хоть он и оставался сопредседателем МДГ, его общественная деятельность померкла, он увлекся заграничными поездками, интервью, представительством на различных политических тусовках. Да и свои депутатские обязанности, насколько мне известно, стал выполнять спустя рукава. В общем, вместо работы он купался в лучах свалившейся на него славы.

До всех этих событий Афанасьев в течение многих лет руководил пионерской организацией страны, воспитывал детей в духе социализма, любви к нашей партии и государству. Вот такие люди с двойной моралью и положили начало предательствам в годы гласности и плюрализма.

В стенах руководимого Афанасьевым института учились дети известных партийных и государственных

деятелей. Эти потомки затем с огромным удовольствием топтали то, что завоевали их родители. Кончилось все тем, что институт, с согласия его руководства и Министерства образования, за 100 миллионов долларов купил олигарх Невзлин, став во главе этого учебного учреждения, к которому не имел никакого отношения. Правда, его «руководство» длилось недолго...

Понимал ли Афанасьев, что именно так будут развиваться события в его институте, да и во всей стране? Судя по последним интервью, его постигло горькое разочарование.

Руководителям МДГ для расширения поставленных перед собой задач необходимо было создать работоспособную структуру. Не получив поддержки своей идеи создать собственную газету, они организовали на базе многотиражной газеты «Советский физик», издаваемой в институте атомной энергии им. И.В. Курчатова, выпуск специальных номеров под названием «Народный депутат». При газете была создана редколлегия и образован фонд депутатских инициатив. Многочисленные группы экспертов и помощников стали, по существу, аппаратом МДГ.

Активность МДГ снизилась из-за внутренних противоречий, она не внесла конструктивного вклада в работу Первого Съезда, да и ко Второму (в декабре 1989 года) не сумела разработать реальную программу действий. Но она стала ядром, вокруг которого объединились всяческие оппозиционные силы, в январе 1990 года официально образовавшие радикальное движение «Демократическая Россия». В основу своей идеологии и деятельности оно открыто положило махровый антикоммунизм.

Интересные выводы о создании и деятельности МДГ делали в то время зарубежные средства массовой информации.

Канадская «Торонто стар» писала: «Создание группы свидетельствует о том, насколько глубок кризис внутри самой компартии и в процессе перестройки».

«Тайме оф Индиа» утверждала, что МДГ представляет собой «смесь анархистов, коммунистов, либералов, националистов и социал-демократов... и все, что они говорили, имеет мало общего с каким-либо прагматическим подходом, пожалуй, эта группа слишком мало связана, чтобы быть достаточно эффективной».

Британская «Дейли телеграф» отметила, что требования группы «идут гораздо дальше реформ, которые продвигает Президент Горбачев. Уверенность новой группы в своих возможностях была укреплена успехом забастовки шахтеров, которая поставила на колени партию и правительство. Эта акция ясно показала радикалам, что их цели совпадают с целями рабочих. Создание группы подтверждает углубляющуюся поляризацию в партии».

Однако мне пора выполнить данное выше обещание вернуться к проблеме передачи власти Советам, подойдя к вопросу, так сказать, с другой стороны, со стороны «демократов», заранее извинившись перед читателями за повторение, ради целостного впечатления некоторых мыслей. Итак, межрегиональная депутатская группа на первом этапе ее существования, что уже было сказано, взяла на вооружение лозунг «Вся власть Советам!». Думаю, это не было случайностью: ведь в сознании многих и многих людей само слово «Советы» до сих пор

воспринимается как власть народа. Именно поэтому бывшие коммунисты, в одночасье ставшие антикоммунистами, уже два десятка лет всячески поносят Советскую власть в печати, по телевидению и радио.

К сожалению, ход событий привел к тому, что с годами властные функции Советов становились все более формальными, поскольку они, эти функции, постепенно сосредоточивались в органах партийного руководства. И поэтому вполне естественно, что когда в связи с перестройкой встала задача фактически вернуть нашему обществу подлинно социалистический характер, то одним из важнейших направлений ее решения явилась всесторонняя демократизация страны и в первую очередь — возвращение реальной власти Советам народных депутатов. Так в 1988 году в политической жизни страны вновь зазвучал лозунг «Вся власть Советам!». Его выдвинул Горбачев на XIX партконференции, и в то время этот призыв означал, в отличие от предреволюционной ситуации начала XX века, передачу власти из рук ЦК КПСС в руки Советов народных депутатов.

Конечно, само требование, выраженное словом «вся», в обстановке 80-х годов было абсолютно неприемлемым и, по большому счету, ошибочным. Лозунг этот отражал главное: у Советов постепенно открывалось второе дыхание. Начиная с 1989-го года, они постепенно освобождались от исторически возникших слабостей и недостатков и, переживая трудности возрождения и развития, становились все более реальной, все более эффективной властью.

Напомню, что Советы родились в нашей стране и стали характерным признаком ее политической

организации. Они самым естественным образом выросли из многовековых соборных, коллективистских традиций народа. В нашем менталитете «мы» доминирует над «я», и именно советский строй существенно укрепил эту особенность психологии граждан СССР и большинства государств, появившихся на его территории.

Сейчас правящие круги насильственно насаждают в стране капиталистический строй. А он, вопреки нашим традициям, с неизбежностью выдвигает на первое место в сознании каждого человека «я», к тому же чудовищно гипертрофированное и противопоставляемое отброшенному на задворки «мы». И, можно сказать, с этой точки зрения вполне естественно, что именно Советы стали ближайшей жертвой оголтелых отечественных идолопоклонников дикого капитализма.

Что касается Ельцина, то я напомним лишь несколько фактов из его так называемой эпохи: в большинства людей еще свежи в памяти его клоунские замашки на посту Президента страны, чудовищное воровство тех, кого называли «семьей» главы государства, и что еще важнее — разгром народного хозяйства, ограбление, обнищание и вымирание населения, деградация всех сфер духовной жизни, расцвет преступности, вплоть до массового террора и т. д., и т. п. Потребовались годы, чтобы народ отделил «зерна от плевел». И слишком дорого он за это заплатил...

В 1989 году Ельцин совершил поездку в США. Поскольку на горьком опыте миллионы людей убедились, что вся его «демократическая» деятельность представляет собой грубое варево из глупейших, зачастую пьяных ужимок самовлюбленного провинциального актера-самоучки, сплошной демагогии

и наглого вранья по любому поводу, я не стану приводить здесь его собственные рассказы об этой поездке, а приведу небольшие отрывки из статьи итальянского журналиста В. Дзукконы, менее известные у нас в стране.

«Американская ночь «перестройки» пахнет виски, долларами и освещается светом прожекторов. Борис Ельцин, народный герой Москвы, Кассандра Горбачева, обличитель гласности, проносится над Америкой как вихрь; его слова вылетают и возвращаются обратно. Он оставляет за собой след в виде предсказаний катастроф, сумасшедших трат, интервью и особенно запаха знаменитого кентуккского виски «Джек Дэниэлс» с черной этикеткой. Пол-литровые бутылки он выпивает в одиночестве за одну ночь в своем гостиничном номере в Балтиморе, куда он приехал по приглашению факультета политических наук Университета Джона Гопкинса. Ошалевшего профессора, который рано утром приехал за ним, чтобы отвести в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опорожненной бутылкой виски. «Выпьем за свободу», — предложил ему Ельцин в половине седьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате. Но выпил он в одиночестве...»

И еще один факт, далеко не всем известный, это уже из меморандума Д. Гаррисона, координировавшего поездку Ельцина по США: «Когда самолет приземлился, Ельцин спустился с трапа, но вместо того, чтобы приветствовать ожидавшую его делегацию, он прошел на взлетно-посадочной полосе к хвосту самолета и, повернувшись спиной к нам, стал мочиться на задние колеса самолета. Потрясенные, мы стояли в неловком

положении, не зная, что и думать. Ельцин вернулся, не сказав ни слова, пожал руки должностным лицам, получил букет цветов от молодой женщины и сел в ожидавший его лимузин».

Скажу откровенно, мне не доставляет удовольствия цитировать эти отрывки из прессы. Противно читать это о распоясавшемся за океаном нашем соотечественнике: этот движимый животными инстинктами человек через два года станет «всемирно избранным» Президентом Российской Федерации!

Читая иностранные публикации тех дней, обращаем внимание, как наш будущий Президент государства развязно и недопустимо говорил о своей стране. Хочу напомнить, что существует неписаное правило для политиков: о своих, отечественных проблемах следует говорить у себя в стране.

Вспоминается, что канцлеру ФРГ Г. Шмидту во время его визита в Москву был задан вопрос о его политическом сопернике Г. Коле. Он ответил лаконично и однозначно: «Я приехал в Москву не затем, чтобы высказываться о господине Коле. Это я сделаю в Бонне».

В своей книге «Президент, или Уотергейт по-русски» В. Губарев, бывший в то время заместителем главного редактора газеты «Правда», довольно ярко описывает реакцию читателей и общественности: «такого не может быть, это клевета на хорошего человека» и т. д. Показали по телевидению запись пребывания Ельцина в США — поднимется крик о том, что это грубая фальсификация, специальная подделка, смонтировали растяжение слов и т. п. А то, что трибуна, с которой он должен был выступать в университете в Балтиморе, стоит нормально, а человек возле нее, мягко

говоря, держится неустойчиво, — это технический монтаж. И вот создается специальная комиссия Верховного Совета СССР, проходят митинги с яркими нападками на руководство страны и все это направлено на поддержку дорогого защитника народа — Бориса Николаевича.

Да, тогда трудно было переубедить людей, они ждали такого борца за справедливость, как Ельцин — и моментально, не задумываясь, сотворили себе кумира. Любой негатив о Ельцине отвергали с порога. Состоялось «купание в мешке», не поверили — навет; проспал в самолете встречу с Президентом Ирландии в Шенноне — враки; работа на даче «над документами» — человек думает о них, о государстве. Но когда он в непотребном виде дирижировал оркестром в Германии и все это было показано по телевидению, иллюзии у многих, наконец, улетучились.

Однако это было потом, а осенью 1990 года по стране прокатились массовые митинги. Они были организованы лидерами «Демократической России», которая, мгновенно забыв о депутатском характере своей деятельности, сделала вывод, что парламентская борьба за власть весьма длительна и непредсказуема в своих результатах. На вооружение был взят более радикальный вариант завоевания власти в стране, где в качестве эффективного инструмента использовались митинги, забастовки, разрушение систем жизнеобеспечения людей и т. д.

Я с содроганием вспоминаю ту осень. Полки в магазинах опустошаются, в морских портах и на железнодорожных станциях стоят вагоны с продовольствием и товарами народного потребления, а

желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создаются пробки, практически перекрывающие жизненные артерии страны. На полях гибнет хлеб, овощи, в садах гниют фрукты. На страну выплеснулось сразу все: различный дефицит, преступность, обострение межнациональных отношений, забастовки. Фактически, в государстве наступила полная дестабилизация экономической и политической жизни. В итоге власть была парализована.

Кому это было выгодно? Тем, кто ни с чем не считался в своих действиях по дискредитации государственной власти и кто рвался к ней сам. С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти «демократов», по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые продуктовые полки. Но нынешние властители «независимых» СМИ стыдливо умалчивают о том, почему магазины пустовали.

У меня часто возникает вопрос: а что, если бы это случилось «при Ельцине» или даже при нынешней власти? Сколько лет эти люди провели бы в местах, не столь отдаленных, чтобы остудить свои головы? Отвечаю: много! И это правильно — не играйте судьбой народа и своего государства.

Митинги проводились везде, практически без всяких разрешений. В стране брала власть охлократия. Но кто накалял и без того сложную, тяжелую обстановку до крайнего предела, кто организовывал массовые демонстрации, превращая их в средство разрушения структур управления, а с ними и самого нашего государства? Пожалуйста, вот список основных

«игроков» судьбами своего народа, опубликованный, например, в листовке, объявляющий о митинге на Манежной площади 16 сентября 1990 года: «Участвуют: Ю. Афанасьев, И. Заславский, Т. Гдлян, А. Мурашев, Г. Попов, А. Собчак, С. Станкевич, Г. Якунин. Приглашен Б. Ельцин». Правда, после прихода этой публики к власти Манежную площадь очень быстро перерыли и изуродовали, мягко говоря, безвкусно оформленным торговым центром, дабы никто не мог проводить там митинги уже в «демократическое» время.

Некоторые из этих имен (и иже с ними) уже забываются, а ведь напрасно: они и составляли первый эшелон тех, кто сделал то, чего не сумел добиться Гитлер, — привел страну к величайшему в ее истории краху. Скажу несколько слов лишь о некоторых из них.

Гавриил Харитонович Попов заявил однажды, что именно он уничтожил Коммунистическую партию Советского Союза. Как всегда, он явно завысил свою самооценку, но отрицать его активный вклад в этот губительный для страны процесс не приходится. В дальнейшем он разочаровался в своем ставленнике Ельцине, но до этого побывал в кресле градоначальника столицы и максимально использовал этот пост в своих личных целях: реквизировал «хороший кусок» партийной и государственной собственности, на базе которой создал большое частное, во главе с собой, учебное заведение — международный университет. Я часто читаю его статьи в центральных газетах и не узнаю прежнего Попова: теперь он стал государственным, поборником и защитником русского народа. Натура, однако, рано или поздно в человеке проявляется: недавно он выпустил книжонку, в которой собрал из разных источников все самое дурное о Красной Армии в период Великой

Отечественной войны, о поведении некоторых солдат и офицеров в Германии, ни словом при этом не обмолвившись о том чудовищном, что творили гитлеровские изверги в нашей стране.

На заседаниях Верховного Совета СССР часто вступал в дискуссию молодой, аккуратненький и благообразный народный депутат Станкевич. Он, как и его коллега Собчак, по собственной инициативе объявил себя «романтиком» новой демократии. Станкевич использовал этот «благородный имидж» и свое служебное положение московского вице-мэра для личного обогащения. Трогательные отношения с криминальными структурами, взятки, присвоение квартиры бывшего советского министра Н. Патоличева и прочие «художества» характеризуют этого «романтика-демократа». Немудрено, что уже в период депутатства Станкевича в первой Госдуме к нему правоохранительными органами были предъявлены обвинения в получении взятки. Депутаты тогда не дали согласия на лишение его иммунитета. Но, как известно, чует кошка, чье мясо съела, и в оставшееся до истечения депутатских полномочий время сей «романтик» потихоньку, с дипломатическим паспортом выехал за пределы страны. Потолкался в США, Германии и, наконец, подался в Польшу, где Интерпол и напал на его след. И снова «либеральные» СМИ подняли лай по поводу того, что «темные силы» якобы чинят расправу над романтиком-демократом первой волны.

Примерно то же самое можно было бы сказать практически обо всех «демократах» и «либералах», оказавшихся у власти. Мало, позорно мало оказалось тех, кто выдержал искушение ею. Да и сами «демократические» убеждения их оказались

политической шелухой. Вот лишь один пример: те же митинги в «тоталитарных» условиях проводились по любому случаю, в любое время и в любом месте, включая Лужники. При «демократической» власти появились различного рода жесткие ограничения, административные запреты, применение насилия, спровоцированные столкновения работников правоохранительных органов с демонстрантами. Недавно прошел судебный процесс над 39 молодыми людьми, которых приводили в суд скованными наручниками. Их обвиняют в том, что они организовали массовые беспорядки в общественной приемной Администрации Президента РФ. 8 человек были приговорены к лишению свободы на срок от 1,5 до 3,5 лет. Сравните масштабы действий «демократов» в те годы и комнату в приемной!..

16 мая 1990 года в Большом Кремлевском дворце открылся Первый Съезд народных депутатов РСФСР. В соответствии с Конституцией открыл его Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РСФСР В.И. Казаков. На день открытия Съезда было избрано 1059 депутатов, свободными оставались 9 мандатов. В. Казаков сообщил, что на Съезде присутствуют М. Горбачев, Н. Рыжков и А. Лукьянов, члены Президентского совета, члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК КПСС.

Разгорелась острая борьба вокруг повестки Съезда, избрания Председателя Верховного Совета РСФСР.

Депутаты разделились на два открыто и резко враждебных лагеря: ориентирующихся на КПСС и приверженных блоку сил образованного движения «Демократическая Россия». Памятен этот Съезд также

марафоном по избранию Председателя Верховного Совета РСФСР. Только 29 мая им был избран Ельцин, набравший 535 голосов при необходимом минимуме 531 голос. Четыре голоса, это примерно полпроцента депутатов Съезда, в конечном счете определили его дальнейшую политическую судьбу, а вместе с тем и судьбу России!

Вопрос о руководстве Верховного Совета РСФСР еще на стадии подготовки к Съезду неоднократно обсуждался на Политбюро. На мой взгляд, оно, и особенно секретари ЦК под руководством Горбачева, допустили огромные ошибки в этом важнейшем кадровом вопросе. Они рекомендовали явно не проходные в сложившейся обстановке кандидатуры — А. Власова, И. Полозкова. На одном из заседаний Политбюро я твердо сказал: это неплохие товарищи, но их не поддержат на Съезде. Мы будем вынуждены отдать этот пост Ельцину, не скрывавшему своего стремления стать во главе высшего в то время органа власти республики, которая практически определяла жизнь всего государства. В своем выступлении я сказал, что мы должны рекомендовать любого общесоюзного руководителя на этот высший пост России — Рыжкова, Лигачева или кого-то из других членов Политбюро и секретарей ЦК. Однако конкретного решения по этому поводу так и не было принято.

С самого начала работы Съезда встал вопрос о суверенитете РСФСР. Дискуссия была жаркая и продолжалась три дня — 22, 23 и 24 мая 1990 года. Просматривая сейчас стенограмму обсуждения, хочу отметить: депутаты занимались в основном частными вопросами и формулировками статей. По-настоящему ни один из депутатов ни разу не возразил в принципе

против такого шага, который стал роковым в истории Советского Союза, поскольку практически создал почву для его распада. В дискуссии приняли участие 40 депутатов, затем около двух с половиной недель работала редакционная комиссия.

Различные варианты Декларации о государственном суверенитете РСФСР с многочисленными поправками, в том числе о верховенстве законов республики над союзными, обсуждались и голосовались два дня — 11 и 12 июня. Итоговое голосование состоялось 12 июня. За принятие Декларации проголосовало 907 депутатов, против — 13, воздержалось — 9. Политическая слепота, неспособность просчитать последствия такого шага охватила даже коммунистов. Итог подвел тогда уже председательствовавший на Съезде Ельцин:

— Решение принято. *(Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Ура! Ура!»)*

— Поздравляю всех народных депутатов и все народы Российской Федерации. *(Аплодисменты).*

Так Первый Съезд народных депутатов России стал главным разрушителем великой Державы, а 12 июня 1990 года, объявленное «демократами» великим праздником, стало днем вселенского позора.

Однако из чего же исходили, принимая такое решение, депутаты российского Съезда? Ведь суверенитет — и они не могли этого не знать — означает полную независимость государства от других государств. Следовательно, Россия объявила о своей независимости от всех остальных союзных республик, то есть отказалась от своей государствообразующей роли — и уже одним этим обрекала СССР на распад. Правда, по советской Конституции и она, и каждая республика и без того были

суверенными государствами, на практике передавшими часть функций центральной, их объединявшей власти. Формальным же прикрытием истинных целей авторов идеи Декларации служили вполне «благородные» мотивы — обеспечить «достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком» гражданам России, — как будто эти принципы не были заложены в общесоюзной Конституции и государство не стремилось к их, наравне с другими положениями, реализации.

За общими словами, как обычно в политике, стояли реальные интересы. Они были различными, но их носителей объединяла, на мой взгляд, общая задача — любой ценой освободиться от «опеки» центральной власти — и партийной, и государственной. У вдохновителей и дирижеров была задача противопоставить Россию общесоюзному Центру и, разрушив его, развалить советскую «империю». Коммунисты, только что создавшие «новую» партию — КП РСФСР, боялись противостоять идее суверенитета, чтобы не потерять голоса наэлектризованных и дезориентированных избирателей, которые могли бы не понять и не принять отрицательную позицию в отношении самостоятельности России. К тому же руководство этой партии тоже было не прочь стать фактически «суверенной» структурой хотя бы для того, чтобы не быть обвиненными в автоматическом исполнении решений и указаний ЦК КПСС.

Передо мной лежат стенограмма этих заседаний и список итогового поименного голосования. Много знакомых фамилий людей, которые голосовали «за». Позднее, через несколько лет, я задавал некоторым из них вопрос: почему тогда они поддержали Декларацию о суверенитете России? Единственный ответ гласил: мы

даже не предполагали, что она приведет к разрушению СССР.

Но для того, чтобы российский суверенитет сыграл отведенную ему роль в уничтожении СССР и существовавшего в нем строя, нужно было придать этой идее практически работающий механизм. И он был создан в виде идиотского, с точки зрения нормальной логики, положения о верховенстве российского законодательства над общесоюзным. Другими словами, «часть» была объявлена стоящей выше «целого». Это означало, что организационные, а с ними и материальные, финансовые и прочие ресурсы выходили из-под управления общегосударственным Центром, а это фактически делало бессмысленным само его существование. Вот этого уже нельзя было, извините, не понимать до, во время и после голосования.

Тринадцатого июня 90-го года, рано утром, я провожал премьер-министра Великобритании М. Тэтчер в аэропорт. Она находилась с визитом в Москве и вылетала на открытие школы, построенной ее страной в разрушенном Ленинакане (в Армении).

Не успели сесть в машину, как она начала разговор:

— Господин Рыжков, я вчера вечером узнала по вашему телевидению, что российский парламент принял закон о суверенитете, и самое главное — о верховенстве российских законов над федеральными. Вы в курсе дела? Как Вы к этому относитесь?

— Да, конечно, в курсе, — ответил я. — Можно было бы согласиться с самим понятием «суверенитета», так как Россия практически имела меньше прав, нежели другие республики Союза. Но никак нельзя оправдать его наполнение — и особенно верховенство республиканских

законов над союзными. Это — начало разрушения единого государства. Оно не сможет в этих условиях функционировать, тем более что вслед за Россией немедленно сделают то же самое остальные республики.

Вот такой разговор произошел через несколько часов после принятия закона. Даже ей, со стороны, было ясно: произошло нечто недопустимое для единого государства, и она примеряла эти события на свою страну.

И высказала, на мой взгляд, правильные мысли. К слову, маленький штрих, смахивающий, скорее, на политический анекдот: через три года Тэтчер, к тому времени уже не возглавляла правительство, находясь в России, предложила для ускорения реформ ни мало, ни много — распустить наш парламент. Попробовал бы я, например, поехать в Англию, а статус у нас сейчас один: мы — экс- премьеры, — и предложить там немедленно распустить их парламент. Интересно, что произошло бы?

Так была поставлена точка в вопросе практического расчленения единого государства. Первый Съезд народных депутатов Советской России, скажу еще раз, стал главным разрушителем великой Державы, а новое руководство России выступило здесь в роли «троянского коня». Воистину, великие государства создают великие люди, а разрушают ничтожества.

Часть 3

«500 Дней»

Одна пожилая женщина, узнав меня на улице, невольно выразила, по-видимому, мысль многих: «Николай Иванович, почему Вы нас тогда не убедили?!».

Потребовалось несколько тяжелых и горьких лет, чтобы пелена у людей — с глаз, душ, разума — сошла и они задним числом услышали и осознали то, что предлагалось их вниманию, о чем их предупреждали, к чему призывали, казалось бы, в недалеком и вместе с тем уже ставшим таким далеким прошлом.

В тех областях — в народном хозяйстве, в экономике, — которыми мне довелось заниматься в первую очередь, в разные годы было много положительного, но, к сожалению, имелось и немало просчетов. Мне не раз приходилось говорить, что экономика слишком во многом и с каждым годом все более становится заложницей политики. Сначала, в первые два-три года перестройки, когда экономика функционировала по прежней, планово-распорядительной модели, темпы ее роста были достаточно высоки и стабильны. Но экономическую жизнь страны лихорадило от все новых и новых замыслов Горбачева. Ездил он по стране много, обещал еще больше. Сегодня — ускорение, завтра — научно-технический прогресс, затем — село, металлургия, электроника и т. д., и т. д.

Мы пытались остепенить его, подсказать, что сваливание всех проблем и задач в одну кучу наносит вред экономике, но не тут-то было: «Вы не понимаете, что люди ждут этого!». Народ действительно ждал и

жаждал серьезных, коренных перемен в стране — одних, других, третьих... Экономика, однако, сама по себе весьма инерционна. Для необходимого маневра требуется время, а постоянно дергать ее — только мешать ее развитию. Через 3–4 года народ разочаровался в перестройке, и власть перестала пользоваться уважением. Заболтали дело.

Я прекрасно понимал, что существовавшая экономическая модель, решившая в свое время многие глобальные государственные и социально-экономические проблемы, практически исчерпала себя. Но говорить и делать — не одно и то же, проблемы поджимали, а для их решения требовалось время. В результате Правительство в сознании значительной части общества постепенно «смещалось» из категории прогрессивных сил в категорию консерваторов.

Нужна была новая модель, которая бы стимулировала развитие народного хозяйства без радикальных потрясений. После многомесячных исследований и тщательных проработок наше правительство в мае 1990 года внесло в Верховный Совет программу перехода экономики на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым механизмом государственного регулирования. Мы представили три возможных варианта новой экономической модели.

Два из них были подготовлены в качестве информации о том, что они имеют право на существование, но их мы не рекомендовали как слишком резкое, чреватые большими издержками для населения. Кстати, один из них, наиболее острый в этом отношении, через полтора года и взяли на вооружение Ельцин с

Гайдаром, начав с января 1992 года осуществлять радикальные экономические реформы. То, что из этого получилось, народ испытывает на себе до сих пор.

Мы предложили парламенту страны вариант постепенного, эволюционного, рассчитанного на 6–8 лет перехода на рыночные отношения. Кроме того, нас основательно настораживала начавшаяся политическая нестабильность в государстве: решения Съездов народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР, вступающего в свои права Съезда народных депутатов РСФСР, — все это расшатывало управление государством. При слабой политической власти проводить радикальные реформы — дело, на мой взгляд, совершенно неперспективное и весьма опасное. Верховный Совет СССР в основном одобрил нашу программу и поручил Правительству представить конкретные предложения к началу осенней сессии.

В дни Первого Съезда народных депутатов РСФСР, как уже было сказано, шла чрезвычайно активная борьба за кресла Председателя Верховного Совета России и Председателя правительства республики. На должность Председателя Совета Министров республики было несколько кандидатур, причем две — из нашей «команды». Я имею в виду моих заместителей Л. Воронина и И. Силаева. По-прежнему котировался бывший Предсовмина России А. Власов. Резко выдвинулся вперед директор подмосковного Бутовского кирпичного завода М. Бочаров, очень много сделавший для поддержки Ельцина на выборах в депутатский корпус. Но, похоже, тот понимал, что уровень республиканского премьера должен быть, мягко говоря, несколько выше уровня директора небольшого кирпичного производства, и не торопился платить ему

той же монетой. И Бочаров приготовил себе весомый козырь — заявил, что у него есть своя программа перехода к рынку за 500 дней.

Эти сверхреволюционные экономические откровения, вынесенные на депутатский суд Бочаровым, я читал раньше. Еще в начале весны 90-го года группа Л. Абалкина готовила к сессии Верховного Совета СССР правительственную концепцию по переходу на социально ориентированные рыночные отношения и в связи с этим знакомилась с огромнейшим числом проектов, инициативно сочиненных как целыми организациями, так и отдельными учеными. Два молодых экономиста — Задорнов и Михайлов — подготовили к обсуждению программу под названием «400 дней». Ее целью было предложить план радикальных действий для избираемого в марте этого же года Президента страны.

Однажды после ежедневного вечернего обсуждения принципиальных вопросов экономической реформы мне сообщили о существовании такого документа. Я не воспринял его всерьез и посоветовал не отвлекаться на второстепенные дела. Однако эта программа каким-то образом попала в руки Бочарову. Тот внес в нее свой «творческий вклад»: заменил цифру «400» на «500», добавил по несколько дней на каждый этап и, не изменив ни слова, выдал за свой собственный оригинальный проект. Более того, в каком-то сибирском издательстве он выпустил ее в свет под своим именем. И чуть ли не одновременно эта программа, только с цифрой «400», вышла в Москве под фамилиями упомянутых двух экономистов и Г. Явлинского, который в то время работал в Комиссии Совета Министров СССР под руководством моего заместителя академика Л. Абалкина.

В общем, плагиат был налицо. Г. Явлинский был вынужден даже заявить в «Московских новостях»: «Программа «500 дней», с которой Бочаров выступил перед Верховным Советом России, с самого начала задумывалась как союзная...»

Впрочем, литературно-политическое воровство и мелкотравчатая суета вокруг него Бочарову не помогли: в премьеры он не прошел. А Явлинский, напротив, сумел потом при поддержке академика Шаталина, Горбачева и Ельцина сделать себе громкое имя на нереалистичной, экономически иллюзорной теории своих молодых коллег. В том же интервью он противопоставил себя опытным ученым: «Ну а то, что у сторонников программы «500 дней» будут оппоненты в лице таких видных экономистов, как Абалкин, Шаталин, Ясин, думаю, пойдет на пользу делу». В двух последних Явлинский ошибся — они предпочли перейти на сторону экстремистских «500 дней», а Шаталин еще и авторство с ним поделил: программа стала называться — «Шаталина — Явлинского», а сам Григорий Алексеевич пересел в кресло заместителя Председателя Совета Министров РСФСР.

В 1991 году уже прославившийся своими (или все же не своими?) «500 днями» Явлинский побывал в США. Оттуда он привез анализ экономической ситуации в СССР: там черным по белому было написано, что на тяжелейший рыночный рывок потребуется никак не менее 6–8 лет, и был назван нами же намеченный срок — 1997 год.

А пресса, между тем, словно (впрочем, почему «словно?») по заказу, трубила славу программе «500 дней», напрочь забыв о том, что Верховный Совет СССР

принял концепцию Правительства и поручил ему лишь дополнить и поправить ее. Хорошо зная отечественную «четвертую власть», я ничуть не сомневался, что когда-нибудь ей понадобится «стрелочник» или, грубее, «козел отпущения», на которого можно свалить все ошибки экономической политики. Вернее, не прессе этот стрелочник нужен, думал я, а Горбачеву, который, конечно же, не мог признать за собой какие-либо грехи.

К несчастью для отечественных наук вообще и для экономической в частности, в них подвизалось много людей, которые хорошо умели пользоваться давно открытым и пройденным и даже приобретали себе на этом степени и звания. Умение интриговать всегда ценилось не менее, если не более чем умение открывать новое. Многие годы моей жизни связаны с производством и экономикой. Я знаю и ценю сотни ученых — подвижников в своем деле. И не их вина, что их мысли во многом остались не востребованными. Это неотъемлемая часть трагедии нашей страны...

Противостояние Горбачева и Ельцина буквально раздирало государство на враждующие лагеря, лишая смысла и нашу работу, ибо начавшаяся после Первого Съезда народных депутатов РСФСР война союзных и республиканских законов прежде всего была по делу, по экономике, по людям.

В конце июля 1990 года перед уходом в отпуск Горбачев четко определил свою позицию в отношении программы Правительства по переводу экономики на рыночные принципы, «благословение» которой дал в мае на Президентском совете. Однако в начале августа открылось, что между лидерами СССР и России возник сговор за моей спиной. Какой? На этот вопрос отвечает

телевизионное интервью Ельцина, прошедшее в эфир 3 августа. Выдержки из этого выступления приводят к неоспоримому выводу о том, что Президент страны уже тогда встал на путь недопустимых компромиссов, которые в дальнейшем привели к разрушению государства.

Я привожу эту часть интервью дословно, не внося никаких корректив:

«— Вы как-то в своем, в нашем интервью уже упоминали о том, что вы собираетесь предложить программу России Центру. И также упомянули, что независимо от того, будет ли Центр, примет ли Центр эту программу или нет, вы будете настаивать на том, что у России должна быть своя экономическая программа. Скажите, пожалуйста, если Центр все-таки не примет, так сказать, вашу программу, каковы могут быть ваши действия в этой ситуации?

— Я уже сегодня могу сказать, что Центр примет, потому что сегодня в «Известиях» опубликовано, что Горбачев и Ельцин подписали вдвоем вот специальное, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу.

То есть не ту программу Правительства союзную, которую сейчас критикуют и которая, конечно, не будет, я думаю, принята, вот. И это приведет к отставке союзного Правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Горбачевым такой документ подписали именно в тот период, когда я находился здесь (Ельцин тоже был в отпуске. — Н.Р.). Мы разговаривали

по телефону несколько раз, а потом подписали такой документ. Я обратился к нему с таким предложением письменно, что выход только такой, что мы предлагаем российскую программу, чтобы нам не иметь свою денежную единицу, потому что если Союз не принимает, тогда мы должны внутри России, реализовывая эту программу, иметь свою денежную единицу. Мы бы пошли на это».

Многие средства массовой информации, особенно газета «Известия», немедленно сделали далеко идущие выводы, что возник союз авторитетов — Горбачева и Ельцина, что «имперский диктат Центра» будет исключен, что создаваемая программа станет основой экономической части Союзного договора, что эта договоренность будет способствовать реальному объединению суверенных республик и т. д. Между строк читалось: долой Правительство Рыжкова, оно мешает радикальным переменам в политической и экономической жизни страны. Мне и моим соратникам было совершенно очевидно, что политический и экономический экстремизм приведет к разрушению государства, изменению общественного строя. С этим мы не могли согласиться, понимая, что, по существу, речь идет о национальной катастрофе, а не о реформировании политической и экономической системы во имя людей, общества и государства.

Итак, образовались, по сути, два центра по разработке программ перехода к рынку. Мы готовили свою к 1 сентября — к сроку, отпущенному нам Верховным Советом СССР. Как и прежде, работали в «Соснах». А в другом подмосковном пансионате, «Сосенки», находились «шаталинцы». К слову сказать, не было, по-моему, журналиста, который не побалагурил бы

в связи со столь забавным совпадением: «Сосны» и «Сосенки».

По предложению Л. Абалкина, 21 августа мы с ним приехали в «Сосенки» с надеждой найти компромисс и консолидировать силы для решения общей задачи. Приехал туда и новый премьер-министр России И. Силаев. Сели друг против друга, я рассказал о работе над правительственной программой, попытался обозначить общие точки двух программ, вновь призвал к объединению усилий. Где там! Мы попали в стан откровенных врагов, для которых само наше появление было чрезвычайно неприятным происшествием. И разговаривали-то с нами, как мэтры с пригостишками, чуть ли не сквозь зубы — куда исчезла хваленая интеллигентность научной элиты! Три часа прошли бессмысленно. Убеждать, по моему разумению, можно тех, кто умеет и хочет слушать и слышать. Мои собеседники этого не умели и не хотели.

Ничего положительного встреча не дала. Наоборот, она показала, что пропасть между нами становится непреодолимой. И было полное ощущение, что тактические их действия до деталей направлялись с юга находившимся там Горбачевым и его советниками.

Сейчас никто уже не вспоминает, что у истоков нынешних «радикальных» рыночных реформ стояли мои тогдашние собеседники. Сегодня, когда и Державы нет, а Россия и другие бывшие союзные республики переживают многолетний социально-экономический кризис, фамилии Шаталина, Явлинского, Ясина и иже с ними забываются, а двое последних еще и пытаются откреститься от содеянного. Может быть, им удобно в нынешней разрухе все «забыть». Но хочу напомнить:

начинали — они. Потом уж их идеи подхватили новые радикалы-рыночники — Гайдар, Чубайс, Б.Федоров и др.

Горбачев по-прежнему отдыхал на Черном море, мне практически не звонил, не интересовался ходом работы, в которой, казалось бы, должен был быть кровно заинтересован. Все это еще раз подтверждало, что у него имелись иные соображения и другие люди, на которых он ориентировался. В 20-х числах августа 1990 года Президент вдруг прервал отпуск, вернулся в Москву и встретился с разработчиками «500 дней». Никого из команды союзного правительства на эту встречу не позвали. Да мы и понимали уже, что ни о каких скоординированных экономических предложениях к Союзному договору речи не идет, что на сессию Верховного Совета СССР будут представлены две кардинально разнящиеся программы.

Проблемами стремительно надвигающегося 91-го года вообще никто озабочен не был. Между тем Совет Министров бомбардировали телеграммами, телефонными звонками руководители союзных республик, регионов, предприятий, пребывавшие в растерянности: как им работать? По каким законам и правилам жить, если борьба, даже война этих законов и правил уже вовсю разворачивалась на территории Союза, переплетаясь с борьбой за суверенность республик?

Многим руководителям предприятий Ельцин предлагал выйти из союзного подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая им за это налоги. Экономика будущего года грозила развалиться до того, как начнет действовать та или иная программа. К тому же то, что предлагалось в программе «500 дней», шло вразрез с принятыми Верховным Советом СССР законами.

На второй день после досрочного приезда Президента страны из отпуска я, по предложению моих заместителей, потребовал у Горбачева встречи в ближайшие дни с членами Президиума Совета Министров СССР. 23 августа такая встреча состоялась. Она длилась 6 часов. Первым выступил я, а затем высказались все члены Президиума. У меня сохранился конспект моего выступления, который, возможно, передаст остроту поднимаемых нами проблем и общего состояния в стране:

«Наша просьба об этой встрече вызвана тем, что назрела крайняя необходимость откровенного разговора Правительства и Президента страны по ряду жгучих, неотложных проблем.

Первая из них связана с тем, что социально-политическая обстановка в государстве в целом и в большинстве союзных республик чрезвычайно обостряется. В стране складывается тяжелейшая ситуация, ведущая к непредсказуемым процессам в политической и экономической жизни. Страна втягивается в самый сложный политический и экономический кризис.

Вторая проблема, по которой хотелось бы определить наши позиции, заключается в том, как мы будем жить в экономике в 1991 году.

Третья. Судьба Союза в целом.

Нерешенность этих проблем будет иметь тяжелые последствия: хаос в экономике и тяжелый политический кризис.

В то время как вся ответственность за состояние дел в стране фактически возлагается на ее Правительство,

все делается для устранения его из системы управления государством. Правительство сегодня является последней реальной силой, которая противодействует нарастанию деструктивных, дестабилизирующих факторов. Возможный уход Правительства изменит баланс и расстановку политических сил в стране.

Не менее острая проблема — потеря управляемости. Это чрезвычайно опасно. Она выражается прежде всего в том, что не выполняются решения Правительства, игнорируются указы Президента, объявляется верховенство республиканских законов над союзными, принимаются декларации о полном государственном суверенитете и т. д. Если раньше в этом вопросе лидировали республики Прибалтики, то сейчас это приобрело более серьезный размах — во главе этих действий встали Россия и Украина. В то же время ответственность за все, вплоть до табака, ложится на центральное руководство.

При кажущейся на первый взгляд стихийности этих процессов начинают все более четко обозначаться формы разрушения существующих государственно-политических структур. Фактически под вопрос поставлено существование самого Союза как единого государства. Вокруг этого развернута острейшая политическая борьба. Вопрос стоит ребром — будет ли СССР существовать как единое государство, будет ли оно юридическим лицом в мировом сообществе, или его не будет, а Россия станет правопреемником СССР. (Это говорилось за год до сговора в Беловежской Пуще. — Н.Р.).

Делаются попытки внести коренные изменения не столько в экономические отношения между республиками

и Союзом ССР в целом, сколько в характер самого строя, пересмотреть основополагающие политико-экономические принципы, отвергнуть существующий политический строй.

Под воздействием всего этого экономика все больше и больше теряет жизнестойкость. Начался нарастающий процесс не только спада объемов производства, но и разрушения единого народнохозяйственного комплекса. Этот процесс, если не принять экстренных мер, может завершиться катастрофой. Широко распространившаяся во многих республиках практика ограничений прав предприятий и, как следствие, массовый разрыв прямых связей между ними, отказ от заключения договоров и поставок продукции, а также игнорирование действующего законодательства, налогообложения и формирование местного, республиканского и союзного бюджетов может уже в ближайшее время парализовать функционирование народного хозяйства. Образовался замкнутый круг: политическая дестабилизация прямо сказывается на экономике, экономическая — на политическом положении.

Правительство на протяжении последних месяцев, невзирая на все усиливающуюся критику, работает интенсивно в двух направлениях. Завершается подготовка программы перехода к регулируемой рыночной экономике и ведется разработка основных параметров экономического и социального развития страны на 1991 год. Однако результативность этой работы сегодня крайне низка из-за прямого неприятия правительственных решений и усиления центробежных сил.

Сегодня практически все предприятия не имеют планов своего развития на будущий год. Нет ясности в организации их материально-технического снабжения, валютного обеспечения, в вопросах цен, налогообложения. По тем же причинам во многих республиках парализован процесс формирования местных бюджетов. Принятые Верховным Советом СССР по этим вопросам законы многими республиками не признаются. Конституция игнорируется.

Идет процесс массового, внутренне рассогласованного принятия всевозможных решений и постановления отдельными союзными республиками, которые по существу ведут к разрушению всей сложившейся системы в стране. Такова реальная ситуация. И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, главное сегодня заключается в том, чтобы объединить все усилия для предотвращения хаоса в функционировании народного хозяйства.

Анализ подходов союзных республик к выработке взаимоприемлемых решений по вопросам развития экономики, консультации, проводимые в Верховном Совете СССР, непосредственная работа с представителями республик над программой перехода к рынку, расширенные заседания Совета Министров СССР с участием руководства всех республиканских правительств показали, что любая программа перехода к рынку иллюзорна и нереальна, когда отсутствует Союзный договор и нет четкого определения, в условиях какой государственности мы будем жить в перспективе. Между тем, трудно ожидать, что в ближайшее время

Союзный договор может быть заключен. Этот процесс чрезвычайно сложный и может оказаться длительным.

Но мы не можем остановить жизнь страны, работу над планом ее развития на 1991 год, реализацию уже принятых крупных социальных программ, затормозить практическую хозяйственную деятельность предприятий, отказаться от первых реальных шагов функционирования экономики в новых условиях. Президиум Совета Министров СССР детально и всесторонне проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что единственно реальным путем выхода из создавшегося положения является заключение, до принятия нового Союзного договора, Экономического соглашения между республиками и Союзом в целом, на основе которого можно было бы организовать всю работу по разработке плана на 1991 год. Эта Программа должна включать в себя взаимосогласованные принципы организации планирования на предприятиях, применение системы налогообложения, новую ценовую политику, которая приемлема для всех республик, систему материально-технического обеспечения, формирование валютных фондов предприятий, республик и Союза, а также решение других принципиальных вопросов, без которых не сможет прожить ни одно хозяйственное звено и ни одна республика в будущем году. Это один из главных вопросов, который Президиум Правительства хотел бы обсудить на этой встрече...».

Выступления членов Президиума Совмина затрагивали примерно эти же вопросы, с большей детализацией и конкретикой.

Таково было наше видение истинного положения дел в стране в то сложнейшее время, понимание

смертельной опасности, все больше нависавшей над ней. Думаю, читатели оценят весь драматизм такой ситуации, когда видишь, что страну ведут к гибели, предлагаешь реальные пути ее спасения и при этом наталкиваешься на непреодолимую преграду — тупое безразличие к судьбе Родины или ее прямое предательство.

30 августа в Кремле по итогам нашей встречи у Горбачева, в зале заседаний Верховного Совета СССР, собрались представители республик, министры, народные депутаты и многочисленные приглашенные. Совершенно неожиданно накануне поздно вечером из канцелярии Президента был разослан материал на 18 страницах для рассмотрения его на этом заседании. Подготовлен он был группой Шаталина и представлял некую выжимку из проекта «500 дней». Ни о каких предложениях о том, по каким правилам жить в будущем году, там и речи не было. Были лишь самые общие рассуждения о переходе на рыночные отношения, роли и месте союзных республик.

Стало совершенно ясно, что предпринята попытка увести совещание от решения конкретных вопросов, независимо от того, что произойдет со страной через несколько месяцев, привлечь на свою сторону союзные республики и при их поддержке перейти на «общесоюзное поле». Я часто задаю себе вопрос: ведал ли ныне покойный Станислав Сергеевич Шаталин о последствиях своих шагов? Думаю, он просто был использован более опытными политиками для достижения их целей. И какие бы хорошие у нас ни были отношения, я должен сказать прямо: в разрушении государства он, сам того, уверен, не желая, сыграл не последнюю роль.

Заседание проходило два дня. Один за другим на трибуну выходили ораторы и, как по мановению дирижерской палочки, говорили не о хлебе насущном, а противопоставляли 18 страниц предложениям Правительства. Одним из первых выступил Ельцин:

— Правительство Рыжкова должно немедленно уйти в отставку!

Не скрывал свою неприязнь к союзному Правительству и первый заместитель Председателя Совмина Украины В. Фокин. Более желчного и наглого выступления от имени этой республики я не слышал до сих пор. Человек рвался к власти. За будущую похлебку он готов был на все. Руководство Украины уже не устраивал опытный премьер Виталий Андреевич Масол.

Даже официальные профсоюзы в лице их лидера Щербакова в стороне не остались: он тоже вылил достаточно грязи на Правительство. Любопытно, где этот профсоюзный лидер сейчас, когда цены мчатся вверх со скоростью ракеты, а народ, то есть члены профсоюза, нищает? Почему он молчит?

На второй день выступления стали еще жестче. Ночь помогла сгруппировать антиправительственные силы. Экономическое соглашение осталось в тени. Мало кто вспоминал о нем. Под конец заседания меня опять выбросило на трибуну. На этот раз у меня не было заготовленных тезисов. Шла жестокая битва, и обращаться к разуму этих людей было равносильно гласу вопиющего в пустыне. Нервы были возбуждены до предела. Я бушевал на трибуне, гневно бросал обвинения политикам, тащившим страну в пропасть.

— И если бы мы не несли ответственность перед народом, — в заключение сказал я, — мы бы ни одного

дня не работали в такой обстановке. Только это останавливает нас.

С трибуны я сошел как в тумане. Вместе с заместителями вышли с заседания. Все были подавлены, я — тем более: переживал и за то, что не мог сдержаться. И все же у нас хватило сил и разума, чтобы сделать коллективный вывод: уходить сейчас нельзя. Это будет не только наше поражение. Надо бороться.

После окончания депутатских каникул в сентябре 90-го года возобновилась работа Верховных Советов СССР и РСФСР. В союзном парламенте проходили бурные дебаты по переходу экономики на рыночные отношения: несмотря ни на что, к 1 сентября, как было решено в мае, мы представили необходимые материалы. Программа «500 дней» была также в центре дискуссий. На одном из заседаний Верховного Совета СССР Горбачев в своем выступлении по итогам предварительного обсуждения четко сказал, что ему больше импонирует именно эта программа. Впервые он заявил об этом во всеуслышание. Честно говоря, именно в тот момент я подумал о ставшей практически необходимой отставке, о чем и сказал на пресс-конференции в тот же день:

«Если будет принято решение, которое не совпадает с позицией Правительства, то Правительство не сможет его выполнять... Я могу выполнять свои функции только тогда, когда я в это верю. Если же я не верю или вижу, что будет нанесен большой вред, то к этому делу я свою руку прикладывать не стану».

Но пока никакого решения Верховного Совета и Президента не было. После перерыва депутат Бурбулис — как читатель помнит, на Первом съезде выдвигавший Ельцина на пост Председателя Верховного Совета

СССР, — примчался из Белого дома с горящими глазами и с восторгом сообщил, что Верховный Совет РСФСР в 14.00 принял программу «500 дней». «Российская Федерация определилась», — гордо сообщил он, давая понять: Верховный Совет Союза может обсуждать что угодно — все равно Россия поступит по-своему. Опять пошумели, покричали, подрались за места у микрофонов в зале. А в итоге утвердили аморфное постановление, где «приняли к сведению» сообщение Совета Министров СССР, «сочли целесообразным» рассмотреть все материалы по этому вопросу и «отметили» все же, что Президиум Верховного Совета «недостаточно подготовил» данный вопрос, — шпилька А. Лукьянову...

Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам снова и снова приходилось высказывать позицию Правительства и на пресс- конференциях. Приведу выдержку из стенограммы одной такой встречи с журналистами.

«Николай Рыжков:

— Страна во многом не подготовлена к форсированному переходу к рынку, не готово и общественное сознание. Поэтому мы за взвешенный вариант. Твердость, с которой Правительство отстаивает свою позицию, имеет объяснение. К подготовке новых предложений привлекались серьезные научные силы, в них учли предложения парламента, а также альтернативные проекты реформы. Затем было проведено моделирование предстоящих нововведений, математический анализ всех плюсов и минусов. При этом расчет шел по двум вариантам перехода к рынку — радикальному, который проповедуют некоторые

известные советские экономисты, и умеренному, который предлагает Правительство.

Модель первого варианта (почти немедленный перевод цен на свободные, практически полное исключение госзаказа и т. д.) показала резкий спад в первые годы объемов производства, занятости, жизненного уровня...

Анализ второго варианта также показывает спад, но более пологий, медленный. Снижение уровня жизни населения в целом по стране произойдет, но меньше, чем по первой модели. Соответственно, и оздоровление экономики будет идти дольше».

Наступала бурная осень 90-го. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР, митинги с требованием отставки «правительства нищеты», решение парламента России об отставке Совета Министров СССР (против 1 и воздержалось 16), шквал критики в средствах массовой информации.

В ходе генерального наступления на Правительство страны отношения республик с Центром становились все более сложными. Конфронтация, и в первую очередь России с центральной властью, приобретала все нарастающую остроту. Союзная власть быстро становилась аморфной и неустойчивой.

Нараставший политический разброд губительно сказывался на экономике, а ее ухудшение, в свою очередь, усиливало деструктивные процессы в стране. Мы оказались в замкнутом, можно сказать — порочном круге. Но все наши попытки прорвать его встречали яростное сопротивление.

А до моего ухода со сцены оставалось чуть больше месяца...

Почему я дотянул до инфаркта? Почему не ушел в отставку тогда, когда сказал об этом Горбачеву или позже — на пресс-конференции после тяжелого для меня заседания сессии? Почему терпел, когда все вокруг, включая Горбачева, с кем вместе начинали долгий путь, наотмашь били по мне и Правительству? Неужели самолюбия не хватило? Или кресло премьера было так дорого?

Нет, отвечу, не потому. Держало обыкновенное чувство долга. Окончательное решение уйти в отставку было принято мной после ноябрьской сессии Верховного Совета. Объявил же я ему об уходе в начале декабря, еще до Четвертого Съезда. Так что болезнь лишь ускорила все это на одну-две недели.

Как-то я разыскал страничку моего интервью, данного уж и не помню кому. Наверное, какой-то иностранной газете. Там был такой вопрос: «В последнее время правительство постоянно подвергается критике, вплоть до требований об отставке. Вы не похожи на тех, кто держится за кресло, подчиняя свои действия карьерным устремлениям. Что ж тогда заставляет Вас так настойчиво проводить в жизнь свою линию?»

Ответил так: «Дело в том, что кое-кого не устраивает политическая линия Правительства, его твердая позиция в том, что касается сохранения нашего государства, недопущения хаоса в народном хозяйстве, обеспечения социальных гарантий тем, кто живет на зарплату, пенсии и стипендии, кто может не выдержать ударов рыночной стихии, если будут сняты все или почти все регуляторы. Спекулируя на этом, кто-то утверждает,

будто Правительство не может избавиться от консервативного мышления. Неправда! Правительство открыто для всего, что может помочь выходу из кризиса. Но, будучи ответственным перед народом, Правительство не имеет права идти за теми, кто предлагает ломать до основания все и вся, а там будь что будет. У Правительства нет более важной задачи, чем обеспечить переход к рынку с наименьшими издержками для народа. Тот, кто обвиняет Правительство в забвении этого, либо некомпетентен, либо, мягко говоря, не очень порядочен... Но если народ, его представители в Верховном Совете сочтут, что Правительство действует в ущерб интересам общества, то пусть они решают вопрос о нашей судьбе».

Все, что было сказано тогда, я готов повторить и сейчас. Видимо, мое поколение было так воспитано: довести дело до конца, не сдаваться, не ломаться перед трудностями, исчерпать все возможности — и лишь потом уходить. Кстати, в дни, когда я заявил журналистам о своей возможной отставке, в Совет Министров пришло множество телеграмм с требованиями — не сдаваться. И требовали этого не только мои ровесники, но, что особенно радовало и вселяло надежды на лучшее будущее страны, и совсем молодые: подождите, не уходите, не бросайте начатое...

Все равно пришлось уйти. Все-таки вынудили.

В первых числах декабря по моей просьбе состоялась встреча один на один с Горбачевым, на которой я сообщил, что принял окончательное решение об уходе с поста главы Правительства страны. Он воспринял это довольно спокойно и даже с облегчением. Он был, как и я, готов к этому нелегкому разговору.

Попросил меня высказать мнение о будущем преемнике. Я высказал свои соображения.

В заключение встречи я сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас Вас заставляют убрать Правительство. Это лишь первая жертва среди многих. Потом придет черед Верховного Совета СССР, а потом — и Ваш. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время...

Как всегда, он не захотел услышать то, что ему было не по душе. Такой специфический род глухоты...

Сегодня, оглядываясь назад, анализируя произошедшее, я прихожу к однозначному выводу: мы были правы. Нас объявили консерваторами, а мы были нормальными, здравомыслящими людьми, болеющими за дело, за народ и страну.

Мое Правительство уходило из этой битвы достойно, не сломленным, с верой в свои идеалы. Жизнь подтвердила нашу правоту.

На 12 июня 1991 года (день провозглашения суверенитета России в 90 году) были объявлены выборы Президента РСФСР. И уже в апреле ко мне посыпались звонки из областей, республик, от трудовых коллективов и многих общественных и политических деятелей с просьбой дать согласие баллотироваться в Президенты России. Многочисленные встречи с их представителями заканчивались тем же. У меня было полное моральное право отказаться, сослаться на не так давно перенесенную болезнь. Но тогда бы я до конца своих дней корил себя за то, что даже не попытался вступить в борьбу.

Следя за бурными событиями того страшного для страны года, я понимал, что наступает пик противостояния всех ветвей власти России и СССР. И если победит на выборах Ельцин, то тогда судьба страны будет предрешена. Если же победит другой, в том числе и Рыжков, то еще можно предотвратить катастрофу и с помощью взвешенных реформ, нормальных взаимоотношений Центра и республик не допустить разрушения государства и стабилизировать положение. Вместе с тем я понимал и то, что в обстановке неприятия народом Горбачева и его политики, полного разброда в стране, вызванного оппозицией Ельцина, победить будет трудно. Народ был одурачен. Многие пребывали в ожидании рая небесного на 501-й день и видели в Ельцине спасителя Отечества. Главная же моя надежда была на то, что, может быть, мой голос предостережения будет услышан.

Не буду останавливаться на всех перипетиях избирательной кампании. Там было все: и клевета, и грязь, и помои. Все было пущено в оборот. Да и фамилия моя часто ассоциировалась с Горбачевым. Все мои попытки объяснить людям, что это далеко от действительности, что пути наши давно разошлись, что он предал идеалы перестройки и тех людей, с которыми ее начинал, доходили не до всех. Люди голосовали не только за Ельцина, но и против Горбачева. И мои противники немало потрудились, «связывая» меня с ним.

Чтобы иметь представление о том времени и сложившейся ситуации, приведу выдержки из интервью с журналистом газеты «Советская Россия» за две недели до голосования. На страницах этого авторитетного издания я отвечал корреспонденту газеты Н. Белану на наиболее острые вопросы, заданные мне во время

поездок по стране. Название интервью — «Я предлагаю другой путь...» — говорит само за себя.

«Как он смел выставить себя на пост Президента России? Всем же ясно, что народ выберет Ельцина». «Вас что, Горбачев или ЦК обязал?»

— Согласие баллотироваться я дал по собственной воле. Ни ЦК меня не обязывал, ни Горбачев. За пять лет работы Председателем Совета Министров страны я испытал, что такое власть, вкусил ее «прелести», знаю, насколько это тяжелый и часто неблагодарный труд.

Однако положение в стране и России ухудшается, оно критическое. И я не уверен, что программа Ельцина, с которой он выступает сейчас, изменит положение дел к лучшему. Все будет наоборот. Поэтому я не мог оставаться в стороне, безучастно наблюдать за развитием событий. Вот что движет мною...

Теперь о программах по переходу к рынку. Летом прошлого (1990) года, вы помните, их было две — правительственная и «500 дней». Последнюю еще называли программой «шоковой терапии», отношение к которой у меня однозначное. Убежден, что перевод экономики на новые рельсы неизбежен, кстати, я был одним из первых, кто говорил, что мы исчерпали свои возможности в жесткой планово-распределительной системе, что по-старому мы дальше двигаться не в состоянии и что нужно переходить на более гибкие формы экономических отношений. Но наша формула была — регулируемый рынок, плавный, постепенный переход к нему. Когда рушится что-то старое и тут же взамен создается новое, все просчитывается, прогнозируется, а не сметается одним махом, в короткий период.

Я категорически против таких мер, против «шоковой терапии», считал и считаю, что попытка перехода в течение нескольких месяцев на новые экономические отношения чревата серьезными последствиями.

Чтобы переходить на свободный рынок, нужно создать соответствующие структуры. А сказать: все, с нового года госзаказа не будет, как это предлагается сейчас, надейтесь только на себя, — это несерьезно. Сегодня трудно, но если с нового года вообще никакого регулирования не будет, то многие предприятия не смогут работать. Особенно машиностроительные, которые имеют огромные кооперационные связи между собой.

Или другое: я за многообразие форм собственности. Надо находить такие формы, чтобы человек действительно был собственником своих средств производства. А что касается мелких предприятий — каких-то мастерских, кафе, магазинчиков и т. д., то здесь у нас будет и частная собственность. Но при этом я за то, чтобы приоритет был у людей, которые работают на этих мелких предприятиях, чтобы они в первую очередь могли приобрести их. Пусть они решают свою судьбу, а не на торгах, аукционах, где побеждают те, кто ворочает большими деньгами.

Что же касается крупных предприятий, так есть акционерная, коллективная собственность, когда, к примеру, каждый работающий член коллектива наделяется средствами производства и имеет свою долю прибыли, так называемый народные предприятия. Надо идти и по этому пути. В сельском хозяйстве я категорический противник частной собственности на землю для товарного производства, ее купли и продажи.

(Поясню: говоря о «земле товарного производства», я не имею в виду, конечно, приусадебные, садово-огородные и дачные участки).

Каждый человек должен иметь право работать на земле, выбирать, что ему по душе: хочешь быть фермером — пожалуйста, оставаться в колхозе — на здоровье. Я и за то, чтобы передавать арендованную землю по наследству. Но продавать?..

«Как вы относитесь к приватизации нерентабельных предприятий? Вы консерватор, Вы против жилищной реформы, а значит, тянете нас в застойные времена».

— Категорически не согласен с теми, кто призывает до нового года «разобраться» с убыточными предприятиями и насильственно их приватизировать, то есть пустить с молотка. Такая поспешность — дело опасное.

Возьмем ту же угольную промышленность — она имеет от государства 23 миллиарда рублей дотаций. Что же произойдет, если шахты купят наши доморощенные или иностранные бизнесмены? А о миллионах безработных кто подумал? Поэтому я понимаю, что нерентабельное предприятие — это действительно наше несчастье, это гиря на ногах экономики страны, но провозглашать лозунг принудительной приватизации преждевременно. Сегодня у нас 25 процентов колхозов — убыточные, что же, делать коллективизацию наоборот? А может, разобраться в каждом отдельном случае, помочь хозяйству встать на ноги, в том числе за счет введения новых форм собственности?

О приватизации жилья. Год назад этот вопрос обсуждался на Президентском совете. Предлагалось: давайте делать рынок жилья, чтобы человек мог

свободно продать и купить квартиру. А с целью ускорения создания такого рынка предлагалось резко увеличить квартирную плату, особенно за излишки площади. Вроде бы звучит привлекательно. Но я тогда выступил категорически против. Нельзя так легко подходить к этой проблеме, глубоко не изучив ее, не просчитав. У нас, к примеру, сегодня в СССР 60 миллионов пенсионеров, из них, по данным, которыми располагаем, 30 миллионов человек имеют излишки жилья — кто пять, кто десять квадратных метров, а кто и больше. Так сложилось — уехали дети, умерли муж или жена... Как же этих стариков вырывать из своих гнезд, домашний очаг ведь не просто стены. Это больше проблема моральная, нравственная. Но и материальная: представьте, если за излишки жилья они станут платить по той «кривой», которая предлагалась, — никакой пенсии не хватит.

А разве по силам купить квартиру молодым и малоимущим семьям? Разве не ясно, куда уплывут квартиры?

Вот такой я консерватор в этом вопросе — был и остаюсь им.

«Рыжков — автор повышения цен». «Уходя в отставку, он посоветовал Павлову поднять цены».

— Да, мы постоянно говорили о том, что в вопросах ценообразования было отставание. Надо было отрегулировать цены, но сделать это еще в 1988 году, тогда бы все прошло с меньшими потерями, чем сейчас.

По расчетам, общая сумма повышения цен в 1990 году должна была составить 160 миллиардов рублей, причем предусматривалась полная компенсация за ряд продуктов, детский ассортимент почти не затрагивался.

Однако наполучал я шишек за «непопулярные меры», хотя с тем, что надо отрегулировать цены, были согласны почти все руководители и ведущие экономисты страны. (Забегая вперед, хочу напомнить, что Ельцин с Гайдаром со 2 января 1992 года подняли цены практически в два раза по сравнению с тем, что предлагалось нами, а на многие товары — и в три раза. Вскоре эти цены стремительно выросли в сотни, если не в тысячи раз, отбросив миллионы людей в непроглядную нищету. Были забыты все громогласные заявления и даже рельсы, на которые обещал лечь Ельцин в случае повышения цен. Все это больно ударило по народу).

«Ваши отношения с М.Горбачевым?», «Были ли у вас разногласия с ним?», «Если Вас изберут Президентом России, не окажетесь ли Вы во всем согласны с ним?», «Почему вы ушли в отставку?»

— Сейчас у меня никаких отношений с М.Горбачевым нет. Я не участвую ни в каких совещаниях, не являюсь советником.

Раньше, примерно до 1987 года, особых разногласий у меня с ним не было. Если помните, перестройка тогда набирала темпы, на подъеме была экономика страны. Однако и тогда я занимал независимую, самостоятельную позицию: считал возможным высказываться принципиально, даже если и оставался на Политбюро в меньшинстве. Вспомним ту же антиалкогольную кампанию. Я выступал против тех методов, которыми ее предлагалось осуществлять.

В последнее время, особенно в 1988–1990 годах, у нас были большие разногласия с Горбачевым. О них я говорил прямо, в глаза — и на Политбюро, и на

Президентском совете. Например, о той же приватизации жилья.

Особый пункт — программа перехода к рынку. Правительственная программа дважды рассматривалась на Президентском совете, я представлял ее там, ее критиковали, дополняли, в конце концов сказали: хорошо, товарищ Рыжков, выходите с ней на Верховный Совет СССР. Я знал, что будет острая критика. Особенно из-за ценового фактора. Но как иначе я мог поступить в то время, если с 1988 года в каждом документе говорилось: вот когда подойдем к реформе розничного ценообразования, то обязательно посоветуемся с народом. Поэтому я и вышел на трибуну, честно сказал, как мы видим все это дело. И принял на себя весь огонь...

Я всегда был искренен в своей позиции. Единственное, что ставлю себе в укор, так это то, что нужно было на год раньше сказать то, о чем я говорил в декабре прошлого (1990-го) года на Четвертом съезде народных депутатов СССР. Что перестройка в том виде, как ее задумали в 1985 году, не состоялась.

Что касается моего ухода. Главная причина была в том, что за несколько недель до Съезда я сообщил Горбачеву, что не согласен с проводимой экономической и политической реформой, поэтому заявляю о своей отставке.

Но, как бы то ни было, я остаюсь на своих позициях. Считаю, что тот поворот, который сегодня делается, ведет страну к «шоковой терапии», а это остро отразится на жизни народа.

Мы знаем это, например, по Польше. Да, там сегодня все лежит на прилавках, но простому человеку купить не по карману. Насытить рынок таким образом, за

счет снижения потребления, большого ума не надо, я мог сделать это в одну ночь: поднять как следует цены — и в магазинах изобилие. Я же сторонник другого: надо найти такое равновесие, чтобы и товары были, и человек мог бы приобрести их.

«Сначала экономику страны развалил, а теперь в российские президенты нацелился».

— Давайте вспомним о том, что происходило в стране в течение пяти лет. Считаю, что первые три года мы развивались нормально. А потом пошла полнейшая неразбериха: и война законов, и забастовочное движение, и нарушение договорных связей...

Да, в целом страна развивалась не так, как хотелось бы, в том числе и мне. Но, как известно, все познается в сравнении. Поживем — увидим, что будет, если победит Ельцин...

«Как вы относитесь к Б.Н. Ельцину?»

— Его я знаю давно, мы вместе с ним работали в Свердловске. Он — в областном комитете партии, я — на заводе.

Я не согласен с его программой по социально-экономическому развитию России, о чем уже сказал. Не понимаю и его поведения, его методы действия. В КПСС он сделал карьеру, дошел до кандидата в члены Политбюро, руководителя столичной партийной организации, а потом стал топтать все, что его воспитало и что он сам насаждал с помощью партийной дисциплины на протяжении двух десятков лет. Это уже не позиция. А его «война» с Центром? Ему все время кто-то мешает.

И в заключение хочу прямо сказать: «Если меня изберут Президентом России, буду бороться за нее,

защищать ее интересы. Но при этом буду проводить линию на сохранение Союза».

Все это говорилось 30 мая 1991 года. Прошли годы. Читатель может оценить мое тогдашнее видение перспектив в случае победы Ельцина. Что-то я мог недооценить, но в целом жизнь подтвердила мои опасения за судьбу народа и государства. Из шести кандидатов я завоевал второе место в президентской избирательной скачке. Крайняя ее поспешность тоже входила в стратегические расчеты команды будущего Президента: не дать народу долго думать. И эта задача была решена...

Часть 4

Август 91-го

Грянул август 1991 года. Он знаменателен тем, что стал переломным пунктом в процессе разрушения СССР. Анализируя те события, можно сделать вывод, что у «путчистов» не было четкой программной цели. В акцию ГКЧП не были вовлечены никакие организованные политические силы. Политбюро не вело никакой деятельности, не принимало никаких документов, «путч» застал штаб партии врасплох. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, но секретариат от проведения Пленума отказался. Дела, возбужденные после августа в отношении региональных партийных лидеров и некоторых секретарей ЦК, были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве. Народ в массе своей остался безучастным к ним, что говорит о его уверенности в том,

будто это был политический конфликт между узкими группировками.

И сразу же победившая сторона наносит смертельный удар — по КПСС. Ближайший соратник Ельцина Г. Бурбулис пишет записку Горбачеву:

«В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС. Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения Президента СССР — генсека, у Лужкова есть. Бурбулис». И на ней резолюция от 23 августа: «Согласен. М. Горбачев».

Вызванный на сессию Верховного Совета РСФСР Горбачев подвергся невероятным унижениям со стороны Ельцина, своего бывшего партийного соратника, который обращался с ним, как с нашкодившим учеником. Прямо в ходе заседания сессии под улюлюканье депутатов, ставших в одночасье антикоммунистами, Ельцин подписал указ о роспуске КПСС.

Все это действие транслировалось по телевидению, передавалось по радио. С этой минуты Горбачева не стало, осталась одна лишь оболочка. Он полностью проиграл эту смертельную для страны игру. Перестройка, объявленная под фанфары шесть лет назад, лопнула, как мыльный пузырь.

В тот же день Секретариат ЦК КПСС принял постановление о том, что «ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске, судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами».

На следующий день Горбачев согласился с запретом партии и, сложив с себя полномочия Генсека, призвал ЦК самораспуститься. Так он похоронил партию, в которой был с юношеских лет, которая вела его по жизни и с которой он дошел до высшего государственного поста. А разгром партии открывал путь к беспрепятственному уничтожению и нашей Державы.

Кремлевский дворец съездов. 2 сентября 1991 года. В 10 утра открылся внеочередной Пятый Съезд народных депутатов СССР. Первое заседание продолжалось 10 минут. По уполномочию Президента СССР и высших руководителей десяти республик Н.Назарбаев огласил специальное «Заявление». В нем предлагалось подготовить и всем желающим республикам подписать Договор о Союзе Суверенных государств, безотлагательно заключить экономический союз для нормального функционирования народного хозяйства.

Вместо Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР намечалось создать Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от республик, учредить Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, а для координации управления народным хозяйством и согласованности проведения экономических реформ — межреспубликанский экономический комитет.

Предполагалось заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных Сил. В Заявлении также высказывалась просьба к Съезду народных депутатов поддержать Обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами

международного права и рассмотрения вопроса об их членстве в этой организации.

Уже в те часы депутатам стало ясно, что Советский Союз фактически прекращает свое существование. Все прекрасно понимали, что это практически нежизненная конструкция, и предлагается она от безысходности, из-за стремления сохранить хотя бы основы единого государства.

У меня, как и многих депутатов, сложилось твердое мнение, что это был не Съезд победителей, как его представляли падкие до сенсации СМИ, а Съезд побежденных, которые понимали, что страна с ускорением катится под откос, и депутаты своей деятельностью во многом способствовали этому. Большая их часть находилась в угнетенном, я бы даже сказал, подавленном состоянии. Казалось, что мы присутствуем на коллективных похоронах.

В ходе этого необычного Съезда звучали и полезные соображения. Например, Председатель Верховного Совета Украинской ССР Л.Кравчук (один из трех будущих разрушителей СССР в Беловежской Пуще), по существу поддержав идею экономического союза, внес предложение: в целях предотвращения экономического хаоса незамедлительно создать межреспубликанский, межгосударственный орган, совет или комитет, наделить его правами и полномочиями, чтобы он мог обеспечить жизнедеятельность всех отраслей народного хозяйства, а значит, и удовлетворить потребности людей. Он, правда, «постеснялся» напомнить, что ровно год назад — с трибуны Верховного Совета СССР я призывал республики подписать такое Экономическое соглашение на 1991 год,

но это предложение, как помнят читатели, было встречено в штыки...

Но за это короткое время Кравчук, да и другие руководители республик, почувствовали разрушительные последствия экономического хаоса, который сами и создали в преддверии 91-го года.

Звучали и другие трезвые голоса, к примеру, А. Орлова с Южного Урала: как депутат от промышленного региона, он поддерживал создание межреспубликанского органа по регулированию межреспубликанских экономических отношений. «Если этого не будет, — заявил он, — если Съезд не примет данного решения, то такое регулирование возьмет на себя какая-то республика. Или свои проблемы республики будут решать силой, а что это означает, думаю, всем понятно. Республики в отдельности не смогут в ближайшие 10–15 лет обрести свою экономическую самостоятельность».

В целом атмосферу Съезда все же определяла тревога за судьбу общества, растущая угроза общенациональной катастрофы и отсутствие реалистичных предложений по сохранению нашей общей Державы. Помню, например, слова А.Журавлева из Белоруссии: «По чертежам, которые нам предложены проектом Союзного Договора, Союз как страну создать нельзя. Это будет не страна, это будет не государство... Такой страны, которая предусмотрена этим проектом Союзного Договора, нет и быть не может».

Депутат из Донецкой области А. Саунин предупреждал: «Граждан беспокоит (как они пишут) распад, предстоящий раздел Союза, установление границ, потоки беженцев. Они считают, что наряду с экономическим кризисом это приведет к катастрофе,

новым национальным конфликтам, возможно, более тяжелым последствиям».

Готовя этот материал, я еще раз тщательно изучил стенограмму этого Съезда. Хочу напомнить, что более восьмидесяти процентов депутатов были коммунистами. И только один-два выступающих затронули проблему КПСС. Позволю себе процитировать слова депутата А. Яценко — ректора Новосибирского инженерно-строительного института:

«М.С. Горбачев руководил не только страной, но и был Генеральным секретарем партии. И руководил так, что отдельные работавшие рядом с ним руководящие работники оказались причастными к этому путчу... Это каким же надо быть руководителем, чтобы не знать и не чувствовать, кто твой единомышленник и кто тебя поддерживает! Вы же, Михаил Сергеевич, — Генеральный секретарь партии, ее «капитан», покинули свой «капитанский мостик» в самое тяжелое для партии время, бросили на произвол судьбы ее рядовых членов».

Верховные руководители СССР и РСФСР Горбачев и Ельцин всячески убеждали депутатов, что предложения в «Заявлении» — это веяние времени, выражающее необходимые демократические перемены в жизни страны.

Выступление Ельцина на том внеочередном Съезде партии — это речь победителя, опьяненного успехом. Он заявил, что, как Президент России, он с этими проблемами обязательно справится. Как это у него получилось, известно теперь каждому...

В самом сложном положении находился Горбачев. Ему надо было как-то попытаться сохранить лицо, оправдаться перед Съездом за содеянное — ГКЧП, развал КПСС и государства, анархию в стране. Было очевидно, что он уже давно смирился с предстоящей трансформацией СССР в более аморфное и, следовательно, несопоставимо более слабое образование:

«Свое выступление я заканчиваю выражением глубочайшего убеждения, что сейчас центральный, первый вопрос, который требует безотлагательного прояснения, — это вопрос о нашей государственности. Не проясним его — не решим и другие вопросы: экономические, политические, социальные, научные, межнациональные и прочие. Я убежден в этом. На референдуме люди выразили свою волю за сохранение и решительное обновление Союза. В ходе Новоогаревского процесса мы вышли на формулу — Союз суверенных государств, и она теперь нуждается в переосмыслении. Давайте переосмыслим!».

Им вторили клеветы: например, Силаев, ставший главой Правительства России. Очумевший от августовских событий и своей новой роли, предлагал без суда и следствия расстрел членов ГКЧП. В своем выступлении этот неофит с удовлетворением заявил: «Да, прежний унитарный Союз умер. Но вот что следовало бы сказать «плакальщикам» по «великой державе»: попытки реанимировать имперский труп все равно что «мертвому припарки», мы будем опираться на другие ценности и другие идеи».

И ценности действительно появились... перекочевав из карманов населения и государства в личные сейфы современных буржуа. И новые идеи появились, вытеснив былые: прибыль любой ценой, деньги определяют все.

Отрезвляющим было выступление Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Я с удовольствием процитировал бы все его выступление, но ограничусь только отдельными выдержками:

«Уважаемые братья и сестры, народные депутаты! Неизмеримо велика ответственность нашего настоящего внеочередного Съезда. Я призываю всех вас проникнуться чувством этой ответственности не только перед нынешним поколением наших сограждан, ожидающих от нас, их полномочных представителей, слов и решений, которые могли бы вдохнуть оптимизм в смятенные сердца и надежду на справедливое разрешение стоящих перед страной проблем, но и ответственности перед нашими предками, перед теми, кто возводил наш общий дом не на песке произвольных умозрений, не на демагогии, властолюбии, эгоизме и зависти, — на камне веры, верности и жертвенной любви. Несть числа этим сынам и дочерям из всех народов нашей страны, которые своими подвигами, жизнью, талантами, умением созидали подлинную славу нашего Отечества.

Велика наша ответственность и перед грядущими поколениями, жизнь которых будет судом нашим словам и нашим поступкам. Основания для будущего заложены в прошлом. А прошлое — это общность, наша историческая общность. Помимо нашей воли, она стала неотъемлемой частью наших национальных традиций. Пренебрегая этим, отрицая, отрекаясь от этого, в сумятице перемен

означает подвергать опасности наше национальное будущее. История последних десятилетий дала нам множество прискорбных примеров забвения традиций, печальных последствий такого забвения».

Вот этим напутствием нашего православного духовного лидера я и закончу рассказ об этом внеочередном Съезде народных депутатов. Он стал поминальным колокольным звоном по единой великой Державе, которую наши предки собирали сотни лет.

Через три месяца ее не стало. Не стало, несмотря на предупреждение великих людей современности. В заключение этой скорбной темы я хотел бы привести слова, сказанные несколько десятков лет тому назад нашим соотечественником, знаменитым философом и мыслителем, патриотом Земли Русской Иваном Александровичем Ильиным, прах которого недавно вернулся на Родину — в Россию:

«Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто его расчленяет!.. Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. И не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытают на себе последствия ее преднамеренного расчленения».

Эпилог

Агония власти

Долго я думал, как назвать заключительную часть своего грустного повествования. Ведь это рассказ о последних днях великого Отечества. Просмотрел много

словарей и выбрал определение нужного понятия в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, ибо оно шире и полнее других характеризует состояние мощного государства накануне его трагической гибели:

«Агония (греч.) — борение жизни со смертью, издыхание, отход, лежание на смертном одре, последний час».

Мощный государственный организм умирал трудно — от ран, нанесенных не столько врагами внешними, о которых более не стоит забывать, сколько своими доморощенными предателями, ее главными разрушителями. Эти выродки глумились над телом Державы, не считаясь с тем, что она — Родина и наша общая мать. Они издевались над собственной матерью, забывая о том, что это никогда не простится им в этой жизни.

Безусловно, были и внешние, и внутренние причины, приведшие к развалу Союза ССР. И те, и другие по существу сливались в своем стремлении ликвидировать СССР как центр притяжения мировых прогрессивных сил, как политический, экономический, военный и духовный противовес Западу, прежде всего США, использующим любые средства для достижения своего безраздельного господства. Именно такому повороту в обратном направлении, когда история объективно, вольно или невольно, способствовали те силы, те конкретные люди в нашей стране, которые, движимые ненавистью к социализму, своими националистическими взглядами и расчетами, а более всего — безудержной жадой личной власти, совершили величайшее преступление, уничтожив могучее

государство, его общественный строй и ввергнув в нищенское состояние огромную часть населения.

Вспомним же, подводя итоги рассказанному в книге, как это было.

Кризис и паралич власти

В одной из частей своей книги я уже писал о том, что внеочередным Пятым Съездом народных депутатов СССР в сентябре 1991 года были приняты решения о реформировании государственной власти, которые положили начало реальному разрушению всей системы жизнедеятельности единого государства — Советского Союза. Наступление на Центр приобрело открытый характер. Республики бесцеремонно пренебрегали решениями союзного руководства, структуры, выполнявшие функции управления государством, становились практически недееспособными, Президент Горбачев с каждым днем терял авторитет, а с ним и власть.

В стране происходило то, к чему её настойчиво вели деструктивные силы в течение последних двух-трех лет. Нельзя сказать, что все это возникло спонтанно и неожиданно. В частности, и моя отставка в конце 1990 года была неизбежным следствием создавшегося тогда положения, того курса политических и экономических реформ, который окончательно выбрали временно «породнившиеся» Горбачев и Ельцин.

Предвидя пагубность и трагические последствия происходившего в стране, 19 декабря 1990 года, менее чем за месяц до своего ухода с поста Председателя Совета Министров СССР (упомяну еще раз об этом) я выступил на Четвертом Съезде народных депутатов

СССР. Я решил высказать все, о чем постоянно думал в тревоге за будущее страны и народа. Это было выстраданное выступление, оно стало, повторю, моим политическим завещанием. Учитывая, что в нем выражена моя гражданская позиция, приведу здесь его текст с некоторыми сокращениями:

«Последние недели я неоднократно возвращался к мысли о том, с чем выходить на эту трибуну, если такая возможность будет предоставлена. Ведь судьба правительства в той форме, в которой оно существовало в нашем государстве, предрешена. В соответствии с поправками к Конституции СССР нам предстоит пережить одну из самых радикальных реформ высшей исполнительной власти. Однако мое решение выступить перед вами, продиктовано не этим обстоятельством. Я просто не имею права молчать, так как наряду с другими членами политического и государственного руководства несу огромную ответственность за происходящее в стране. Поэтому буду говорить с предельной откровенностью в расчете на то, что наши соображения, оценки, видение выхода из создавшейся ситуации будут в какой-то мере полезны.

Начну с того, что перестройку в том виде, — я подчеркиваю это, — в котором она замышлялась, осуществить не удалось. Являясь одним из ее инициаторов, считаю себя, безусловно, ответственным за это. И если смена кабинета могла бы исправить ситуацию, то правительство подало бы в отставку еще в мае этого года.

Но все намного серьезнее. Те политические силы, которые развернули против правительства необъявленную войну, имеют далеко идущие цели, и эти

цели прямо вытекают из идеи подмены сути начатых нами преобразований. И как не сводилась эта война в мае текущего года к сбросу правительства, так сегодня она не сводится к войне с Президентом, Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Ее главная цель — нанести удар по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно. Картой в этой игре становится уже не только Советский Союз в целом, но и многие республики — как большие, так и малые, государственность и общественный строй, которые также оказались под самой серьезной угрозой. В такой ситуации я не могу ограничиться только констатацией срыва преобразовательного процесса. Здесь необходим безжалостный анализ не частных, а всего комплекса причин этого срыва.

В 1985 году мы выдвинули задачу перестройки, содержанием и целью которой назвали обновление социализма, преодоление допущенных деформаций. Но она не удержалась на этой позиции под воздействием деструктивных сил, многие из которых (как сейчас совершенно очевидно) имеют целью изменить характер общественного строя. Это делалось под видом отказа от идеологии социализма, но на самом деле это была замена одной идеологии другой.

...Мы не смогли (да и не знаю, могли ли) в ходе углубления реформы добиться приоритета экономики над идеологией и политикой. Таково общество, в котором мы живем. Можно сколько угодно его критиковать и осмеивать, но нельзя было жить в нем вне его законов, менять его вне понимания его природы, его сути. Приоритет идеологии над экономикой — это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных

руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устои.

Характер нашего строя таков, что нынешний кризис экономики порожден не обострением внутренних противоречий в производственной сфере, а очевидным кризисом в области политики, идеологии и управления. Мы пытаемся лечить не болезнь, а ее внешние проявления. Уже сейчас очевидно, что идеология (но уже иная) вновь нависает над экономическими преобразованиями. Под флагом рынка развернулась политическая война. Она лишена серьезного экономического содержания. И в этом смысле наши, так называемые левые радикалы от экономики — те же идеологи и пропагандисты, только вывернутые наизнанку. В итоге — критика без берегов, разрушение исполнительной власти, популизм и некомпетентность.

За пять лет всё кардинально изменилось: от энтузиазма мы скатились к неверию и скептицизму. Это во многом объясняется размытостью целей и созданием иллюзий о благах, которые могут быть быстро получены. Мы, по сути, не раскрыли модели будущего, не назвали социальную цену, которую придется платить за реализацию данной модели, и не определили, кто ее будет платить, чтобы компенсировать издержки тем, кто их несет. А ведь мировой опыт реформ показывает, что за каждую перестроечную акцию надо платить, что требуется время для создания новых структур.

Созидательный переход в наших условиях возможен только при проведении крайне взвешенных и системных реформ. Масштабы страны и комплекс сложившихся за десятилетия закономерностей не позволяют применить здесь «шокотерапию». Достаточно сделать один

неосторожный шаг, лишить общество каких-либо социальных гарантий — и это с неизбежностью вызовет социальный взрыв. Правительство не могло не считаться с этим, за что нас до сих пор обвиняют в консервативности. Но именно, исходя из реальности, мы вносили свои предложения по оздоровлению экономики и переходу к рынку. Любой проект имеет свою логику. Реформирование обязывается перед обществом не допускать вакуум, заменять сломанные структуры новыми. Что же произошло на деле?

Перестройка сломала многие устоявшиеся структуры — как государственные, так и партийные. Взамен же пока ничего действенного и эффективного не создано. Это прямо отразилось на экономике, где и сейчас нет ни плана, ни рынка. Компенсировать на новой, демократической основе ослабление механизма власти все еще не удалось. Несмотря на то, что в начале года в систему государственной власти страны был введен институт президентства, заметных изменений в стране не произошло. Более того, в данный период перестали действовать многие вертикальные структуры исполнительной власти. В этом корень основных бед, приведших к тем негативным явлениям, которые в последнее время стали остро проявляться и в экономике, и в сфере правопорядка, и в международных отношениях, и в моральном состоянии общества.

Все это подтолкнуло к росту питательной среды для преступности, обернулось ее разгулом. На фоне мер по укреплению законности, которую действительно надо было укреплять, развернулась кампания по компрометации, дискредитации честно выполнявших свой долг сотрудников милиции и прокуратуры. Это не могло не повлиять на них, вселяя дух апатии и неверия в

справедливость. Если мы не остановим этот маховик, то он может вызвать такую волну преступности, которая сметет все усилия по борьбе с ней. Целенаправленное шельмование коснулось и армии. Звучат призывы к растаскиванию ее по республикам. А ведь история свидетельствует, что наше государство не было мощным до тех пор, пока были разобщены Вооруженные Силы. К армии у нас было особое, уважительное отношение. И здесь недопустима какая-либо дискредитация!

Удары политического и экономического кризиса принимает на себя и наша культура. Полки магазинов, в конце концов, наполнятся. Но не опустошаются ли наши души?

Конечно, мое видение обстановки в стране преломляется через призму экономики, и это естественно. Как известно, Совет Министров СССР является тем звеном управления государством, куда действительно сходятся все информационные потоки. И правительство не по какой-то особой прозорливости, а по своему месту в системе информационного обеспечения в наибольшей степени способно дать целостную картину сложившейся ситуации и ее возможных последствий. Все, что происходило в эти годы в стране, прямо отражается на ее экономике. Политические циклы в развитии общества вызвали такую же цикличность в экономической жизни.

Наглядное свидетельство тому — отличие результатов первых трех лет пятилетки от итогов двух последних лет. Тогда нам удалось выйти на устойчивые темпы экономического роста, существенно продвинуться вперед в решении таких острых проблем, как строительство жилья, школ, больниц. Да и

потребительский рынок, несмотря на все издержки непродуманной антиалкогольной кампании, выглядел иначе. В 1989 году резко обозначился водораздел. В экономику ворвались одновременно два фактора: масштабный, не до конца отработанный переход на новые принципы хозяйствования, поспешность, ошибки в выборе инструмента управления экономическими процессами и резкое нарастание политической, социальной нестабильности в государстве. Экономика не выдержала и ответила спадом. В итоге нам не только не удалось выйти из предкризисной ситуации, а напротив, мы столкнулись с не виданным ранее снижением производства. На сегодня предприятия страны смогли заключить договоры по поставкам продукции лишь на 60 процентов. Для сведущих в экономике эта цифра в подробных комментариях не нуждается. Она означает серьезнейшее разрушение хозяйственных связей, когда возможен сильнейший спад производства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если не будут приняты немедленно соответствующие меры, то исходные условия, по нашему мнению, позволяют прогнозировать дальнейшее возрастание социальной напряженности. Трудности, стоящие перед нами, многолики. Они требуют, чтобы мы четко определились в тактике дальнейших действий. Ситуация такова, что надо будет в чем-то остановиться, перегруппировать силы, а в чем-то решительно пойти вперед. Во-первых, необходимо принять решения, позволяющие своевременно предотвратить общесоюзное бедствие. Сразу замечу: сегодня мы уже упустили момент, когда можно было напрямую заняться стабилизацией. Нам придется пройти через механизм экстренного блокирования разрастающегося кризиса, и

не надо бояться издержек. Иначе потом их будет несоизмеримо больше.

Разумеется, это вынужденный шаг, зато он позволит избежать непредсказуемых последствий. Это блокирование, прежде всего, касается многих законов, противоречащих Конституции Союза ССР. Следует отказаться от верховенства законов в его примитивном виде, ввести мораторий на забастовочные движения, любые действия, ведущие к нарушению работы единой транспортной системы страны, безоглядное закрытие производств по экологическим причинам, на установление внутренних таможенных барьеров. Пора понять, и жизнь нас, по-моему, уже научила, что может произойти, если не остановить губительный для всех процесс развала дисциплины поставок продукции. Ответственность за это ложится, прежде всего, на тех, кто принимает такие решения. Конкретных предложений много. Надо перестать друг друга уговаривать, а найти согласованные решения и проявить политическую волю для их реализации. На мой взгляд, сегодня это единственный выход.

Особо останавлиюсь на задачах в 1991 году. Без осуществления названных мер, мы не сможем не только реально говорить о плане и бюджете на следующий год, но даже принять их в Верховном Совете СССР. Принципиальное значение здесь должно иметь экономическое соглашение на будущий год между республиками, позволяющее заблокировать нарастание кризиса. Только на этой основе мы сможем достичь взаимопонимания и обеспечить согласованные действия по поддержанию жизнестойкости экономики. Это будет временное соглашение. Оно предусматривает сохранение сложившихся хозяйственных связей, проведение в жизнь

единых принципов финансовой и налоговой политики, скоординированные действия по реформе ценообразования и социальной защите населения, чему в этих условиях мы придаем первостепенное значение.

В это соглашение обязательно должны войти конструктивные предложения, которые будут высказаны на нашем Съезде. До конца декабря остаются считанные дни, и нельзя допустить, чтобы мы вошли в новый год без решения этих вопросов. Мы надеемся, что в первых числах января Верховный Совет СССР примет решение по плану и бюджету и тем самым откроет возможность для быстрых действий как республикам, так и союзным органам управления.

Далее. Совет Министров СССР, осознавая свою ответственность за нормальное функционирование экономики и социальной сферы, был вынужден пойти на принятие решений, связанных с работой народного хозяйства в первом квартале будущего года. Они направлены на то, чтобы до утверждения плана и бюджета была предоставлена возможность выдавать людям заработную плату и не останавливать предприятия.

Исходя из создавшейся ситуации, предприняты также экстренные меры по закупке продовольствия, медикаментов и ряда других товаров и материалов за рубежом, о чем было принято соответствующее решение Союзно-республиканского валютного комитета.

Конечно, и эти решения правительства тоже можно критиковать, как нарушение установленного порядка. Но можно ли было не пойти сейчас на такой шаг, когда от этого прямо зависит работа и повседневная жизнь людей?

Эти и другие меры, призванные заблокировать нарастание кризиса, должны позволить нам войти в режим стабилизации народного хозяйства. Конечно, я понимаю, что эти предложения включают ряд жестких мер в области финансов, денежного обращения, управления инвестициями и потоками материально-технических ресурсов. Но на это придется идти, так как они продиктованы реальной ситуацией в экономике.

Думаю, что любой состав правительственного кабинета в той или иной форме пойдет на их осуществление.

Безусловно, все, о чем я только что сказал, будет возможно осуществить при условии доверия со стороны союзных республик к тому экономическому соглашению, которое ими же будет заключено. Но повторяю, что это соглашение — временная мера. Надо настойчиво продолжать работу над Союзным Договором. Затягивать его принятие нельзя ни в коем случае. Откладывание рассмотрения этого вопроса и окончательного решения по нему будет означать, что мы все дальше и дальше отодвигаем возможность достижения гражданского мира и согласия. Конечно, я понимаю стремление представителей некоторых политических течений затянуть подписание нового Союзного Договора, «заболтать» его в дискуссиях и в связи с этим наращивать давление на парламент страны и Верховные Советы союзных республик. Они видят, что новый Союзный Договор — это, прежде всего удар по деструктивным силам, возможность преодолеть межнациональные распри, сохранить целостность нашего государства, обеспечить в нем мир и согласие.

Правительство в последнее время обвиняют в непонимании стремления республик к суверенитету и независимости. Категорически отвергая подобное обвинение, я твердо заявляю, что Совет Министров всегда стоял на позициях уважения к республикам, к их декларациям о суверенитете, видел в них здоровые начала по укреплению политической и экономической самостоятельности, не ущемляющей государственный суверенитет Союза в целом. Это подтверждается практическими действиями правительства. В то же время мы всегда были за сохранение территориальной целостности советской федерации, за сохранение ее социального выбора, единого экономического пространства, за соблюдение всех прав граждан и народов на всей территории Союза.

Мы считаем, что выполнение таких требований — это гарантия предотвращения политических, экономических и социальных потрясений в стране. Здесь нужна твердость. Мы должны были проявить ее раньше, когда только начинался пожар межнациональной вражды в некоторых регионах. Теперь, когда масштабы народного бедствия разрастаются все больше, ставя под угрозу жизнь безвинных людей, может возникнуть необходимость принятия жестких мер, прежде всего в отношении тех лиц и организаций, которые в своих амбициозных порывах готовы идти на все.

Остановиться еще можно, проблема решаема. Ее основы заложены в Союзном Договоре. Поэтому повторяю: откладывать дальше его рассмотрение и принятие аморально и даже преступно. Острота проблемы межнациональных отношений такова, что не принимать сейчас решений нельзя. Забота эта общая, она затрагивает интересы всех республик, и поэтому

требуется повысить роль и влияние в этом деле такого коллективного органа, как Совет Федерации.

...Осуществляя такой серьезный шаг, мы должны учитывать, что идем на него в условиях, когда нет Союзного Договора, когда обстановка в стране катастрофическая, и здесь надо десять раз взвесить, оценить, чем может обернуться такое радикальное реформирование центральной власти. Не опережаем ли мы тем самым Союзный Договор, который призван расставить все точки над «і» в соотношении властных полномочий и ответственности союзных республик и центра?

Я не за консервацию нынешней структуры управления экономикой, но и те новации, которые предстоит осуществить, не должны содержать в себе ни малейшего отрыва от существующих реалий.

Особо скажу об отношении между законодательной и исполнительной властью, о необходимости разграничения их функций. Острота проблемы, как показал минувший год, продолжает нарастать. Смещение этих функций, по существу, лишило исполнительную власть всех уровней возможности действовать быстро и энергично. Правительство постоянно обвиняли в нерешительности, отсутствии твердости и последовательности. Но могли ли мы эффективно действовать в рамках своих полномочий, если были поставлены такие условия, когда приходилось даже в оперативных вопросах постоянно оглядываться на комитеты и комиссии Верховного Совета? Если такая обстановка будет создана вокруг нового Кабинета Министров, то он вряд ли сможет оправдать возлагаемые на него надежды.

Программа предотвращения бедствия в нашей стране должна отбросить все идеологические и политические нюансы. Идейные счета будем предъявлять друг другу, когда отойдем от края пропасти. Главное сегодня — сделать все для того, чтобы поддержать жизнестойкость народного хозяйства и тем самым оградить человека от тех социальных потрясений, которые все больше и больше обрушиваются на него. В этом сегодня гарантия выживания, гарантия спасения общества. Все, кто объединится вокруг этой идеи, должны действовать сообща. Не сделаем этого — тогда и блокирование разрушительных процессов, и стабилизация экономики останутся пустыми разговорами.

Подводя некоторый итог сказанному, хочу еще раз подчеркнуть: в стране сейчас нужен порядок, хоть какая-то передышка. Добиваться ее можно и нужно не силой, окриком и принуждением, а конкретной работой, которая будет чрезвычайно сложной и тяжелой. Она потребует огромных усилий воли, настоящей правды в оценках. Только тогда народ поймет и поддержит, только тогда будет результат.

Люди многого ждут от нас, так давайте оправдаем их надежды!»

Вот такое было мое выступление за девять месяцев до внеочередного Пятого Съезда народных депутатов СССР. По этому выступлению можно судить о моей личной политической позиции. Возглавляемое мной союзное Правительство видело пагубность сложившегося положения в стране, и наша задача состояла в том, чтобы еще раз предупредить о надвигающейся катастрофе. Но у меня создалось впечатление, что моя речь ушла в пустоту — часть депутатов была настроена

совсем на другую «волну», а большинство уже просто боялось крикливого и агрессивного меньшинства.

Из зала понеслись выкрики: «Что ты нас пугаешь?», «Ты хотел поднять цену на хлеб!» и т. д. Мои последние слова на этом наэлектризованном и, я даже сказал бы, во многом бесноватом и враждебном съезде были: «Сегодня вы кричите о моем предложении поднять цены на хлеб на несколько копеек с полной компенсацией, а о дальнейшей судьбе страны и не думаете».

Перед тем, как покинуть трибуну, я бросил в зал:

— Вы еще будете вспоминать это правительство!..

Вспомнили много раз, испытав тяготы ельцинской «райской жизни». Более того, даже предъявляли претензии: почему я тогда не убедил их. А разве не убеждал я народ этим выступлением?..

Пятый внеочередной Съезд народных депутатов СССР одобрил предложения, вытекающие из совместного Заявления Президентов некоторых союзных республик и из Постановления Верховного Совета СССР о ситуации, возникшей в стране в связи с государственным переворотом. Был объявлен переходный период — «период формирования новой системы государственных отношений, основанной на волеизъявлении республик и интересах народов».

Постановлением вводилась новая, характерная для сложившейся ситуации правовая норма — «процедура отказа от вхождения в обновленный Союз». Предусматривалось, что для этого необходимо провести референдум или принять решение республиканского парламента. Требовалось только одно — вступить в

переговоры с СССР по всему комплексу вопросов, связанных с таким государственным актом.

В СССР же на переходный период высшим органом государственной власти был объявлен Верховный Совет, весьма отличавшийся от прежнего. Он состоял из двух палат: Совета Республики и Совета Союза. Первый формировался путем делегирования в него союзными республиками как народных депутатов СССР, так и депутатов региональных парламентов. В целях обеспечения равноправия республик каждая из них в этой палате имела только один голос. Совет Союза формировался из числа народных депутатов СССР по существующим квотам и по согласованию с высшими республиканскими органами власти.

Съезд народных депутатов СССР — прежний высший орган государственной власти страны — Пятым внеочередным Съездом был ликвидирован. Высшие органы государственной власти союзных республик получили право приостанавливать на их территории действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР. Этот принцип имел явно выраженный конфедеративный характер.

Был создан еще один новый высший орган власти Союза — Государственный Совет, состоявший из Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик. Компетенция этого органа была сформулирована весьма широко и весьма неопределенно. Тем самым ему была предоставлена почти неограниченная власть, что принижало роль высшего представительного органа — Верховного Совета СССР.

В целях координации управления государственным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ был образован на паритетных началах Межреспубликанский Экономический Комитет (МЭК). Его председатель назначался Президентом СССР с согласия Государственного Совета. Этот Комитет явился преемником Комитета оперативного управления народным хозяйством СССР, созданного Указом Президента Горбачева 24 августа 1991 года. Руководителем МЭКа был И. Силаев, заместителем — А. Вольский, членами Комитета — Ю. Лужков и Г. Явлинский.

После Съезда Горбачеву все-таки удалось возобновить замороженный было ново-огаревский процесс. Но, в отличие от предыдущих обсуждений, все проходило уже по-иному: республиканские руководители взяли инициативу в свои руки, а Президент СССР был вынужден занять оборонительную позицию.

Как вспоминал Ельцин в своих «Записках Президента», «...он шел на уступки, которые до августа всем казались бы немыслимыми, он согласился на то, чтобы будущий Союз стал конфедеративным государством... Ударом для Горбачева стало то, что от ново-огаревского процесса уклонялись одна за другой бывшие союзные республики. Сначала три прибалтийские... затем Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан... Да и атмосфера на ново-огаревских заседаниях в октябре-ноябре сильно отличалась от той, которая царила на них до путча. Если раньше подавляющее большинство глав республик не смели спорить с Президентом СССР и даже где-то осуждали меня за «чрезмерный радикализм», то теперь они сами

уже бросились на Михаила Сергеевича, не давая мне и рта раскрыть».

25 ноября 1991 года в Ново-Огареве состоялось очередное заседание глав республик, которые собрались для парафирования Договора. Но на встречу не приехали руководитель Украины Л. Кравчук и лидер Азербайджана А. Муталибов.

И ельцинские «Записки» продолжают: «Заявление о парафировании заставило руководителей республик внести коренные поправки в текст Договора. Главным образом они касались смещения оставшихся полномочий от Центра к республикам. Президент СССР пытался сначала мягко уговаривать, потом стал нервничать, раздражаться. Его слова не помогали, лидеры республик упрямо требовали все большей независимости от Центра; ни мягкость, ни настойчивость, ни жесткость Горбачева уже ничего не могли сделать с почувствовавшими вкус свободы руководителями союзных республик. Когда Горбачев в очередной раз попробовал настоять на своей формулировке и снова мы все дружно, как один, ее отвергли, он не выдержал — вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний. И именно в этот момент, когда на какое-то время в зале наступила тяжелая, гнетущая тишина, все вдруг поняли: здесь мы собираемся в последний раз. Новоогаревская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-то новое».

Через два года в одной из российских газет Горбачев освещает те же события так: «В Ново-Огареве, где возник вопрос о конфедерации, я встал и сказал: до этого пункта я с вами; если пойдете дальше — на отказ от союзного государства, я вас покидаю, а вы сами

решайте, какой хотите иметь союз, и берите на себя всю ответственность. И я ушел в свой кабинет. Они поторговались, поторговались — и пришли за мной: Ельцин и Шушкевич. И родился вариант конфедеративного, но все-таки государства — сохранилось союзное государство. В этом я видел гарантию сохранения страны».

В результате в конце ноября 1991 года появился еще более компромиссный вариант проекта Союзного Договора — Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Каждая республика — участница Союза провозглашалась в нем суверенным государством. ССГ же должен был стать «конфедеративным демократическим государством, осуществляющим власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора». А дальше полная нелепица: ССГ — это все-таки государство, имеющее территорию, гражданство, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, но суверенным оно объявлялось лишь в международных отношениях.

Много других несуразностей было в этом проекте: ССГ, по нему, не имел своей собственности, полномочиями его наделяли республики, порядок финансирования органов Союза устанавливался особым соглашением и т. д. И уж совсем за пределами логики: у запроектированного государства не было своей Конституции, Основного Закона...

Сейчас трудно даже представить, что некоторые руководители страны и союзных республик, прекрасно понимая, что, «кастрируя» один за другим проекты Договора, целенаправленно готовили разрушение своего государства. Это была дымовая завеса, прикрывавшая их

истинную цель — любой ценой развалить СССР, чтобы стать совершенно самостоятельными. Очень уж хотелось им быть полновластными хозяевами в своих республиках, и во имя этого они шли по существу на государственные преступления. Но они не осознавали, что подобное может произойти и внутри их будущих суверенных государств. Кстати, именно это и произошло в России, после предложения Ельцина — «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Многие годы пришлось потратить для нейтрализации этого регионального «глотания», еле спасли и Россию от разрушения.

Но как мог пойти на такой убийственный для страны компромисс Горбачев? Сейчас он везде заявляет, что боролся за единство страны в любом её виде. Полагаю, что это лукавство: не такой он наивный политик, чтобы, создавая эфемерный Союз, считать реальным его существование. Да и пример Югославии с подобными структурами власти и формой взаимоотношения между республиками был более чем нагляден. Что же двигало нашим тогдашним лидером? Стремление хотя бы номинально сохранить положение главы государства? Или были не только личные, но и действительно политические мотивы и расчеты? Убедительного ответа нет.

Как бы то ни было, но в результате наступил паралич государственной власти. Политические руководители всех рангов разрушали страну, бились за свои посты, совершенно не думая о народе, о его хлебе насущном. Наступила полная дестабилизация обстановки и потеря управляемости государством, о чем я и предупреждал страну в декабре 1990 года в своем

выступлении на Четвертом Съезде народных депутатов СССР.

В этой ситуации 3 декабря 1991 года Горбачев направил Обращение к парламентариям страны. Призывая к одобрению Договора о Союзе Суверенных Государств, он писал:

«Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и раздельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

...Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно».

Но оно уже было потеряно. До Беловежской Пуши оставалось пять дней...

Пьяная ночь и утро туманное

8 декабря 1991 года недалеко от малоизвестного белорусского селения Вискули в Беловежской Пуще, в трех верстах от польской границы, Президент РСФСР Б. Ельцин, Президент Украины Л. Кравчук и Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич в глубокой тайне приняли решение о ликвидации СССР и создании Содружества Независимых Государств.

«Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, — говорилось в Соглашении, — констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Что же предшествовало этому, на мой взгляд, величайшему в истории человечества преступлению, кто и как его осуществил?

Свою взрывчатку для уничтожения СССР беловежские заговорщики, подобно террористам, готовили заранее. И главную роль в этом сыграл, безусловно, Ельцин. Его личная ненависть к Горбачеву быстро переросла в ненависть к союзному Центру вообще. Утолить ее он мог только «свалив» Горбачева и союзную власть в целом, для чего необходимо было уничтожить само государство, во главе которого по своим политическим и человеческим качествам Ельцин не мог оказаться ни при каких условиях. Думаю, что это было понятно ему самому, даже при его патологическом самолюбовании и безудержной жажде власти. И сформированная Съездом народных депутатов РСФСР Конституционная комиссия во главе с Ельциным уже в сентябре — октябре 1990 года представила такой проект новой Конституции РСФСР, в котором не было вообще никакого упоминания о Союзе Советских Социалистических Республик. Было это более чем за год до уничтожения СССР. Случайными такие вещи не бывают.

В этой связи не могу не вспомнить и о своей последней встрече на официальном уровне с Ельциным, Хасбулатовым и моим бывшим заместителем Силаевым. В дальнейшем жизнь разбросала ее участников, включая Горбачева, не только в разные — в противоположные стороны. Тогда, 11 ноября 1990 года Горбачев позвонил мне и сообщил, что у него имеется договоренность о встрече во второй половине дня с руководством России. Сначала пройдет беседа один на один с Ельциным, а затем к ней подключатся и другие. От разговора с Горбачевым оставалось впечатление, что то, как она организована, уже тогда напоминало дипломатическую процедуру при подготовке контактов руководителей двух независимых государств. Я не был против такой встречи, ибо считал необходимым использовать любую возможность для того, чтобы попытаться найти общий язык с этими деятелями. Еще теплилась надежда: не пойдут же они ради своих личных политических целей на разрушение единой экономики страны с неизбежными тяжелейшими последствиями для нее...

Встреча намечалась в кабинете Президента страны на третьем этаже правительственного здания в Кремле. Этот кабинет, зал заседания Политбюро и несколько комнат работников аппарата были специально оборудованы для Брежнева. Во второй половине 70-х годов, начав быстро дряхлеть и, естественно, отходить от фактического руководства партией и государством, он окончательно избрал своим рабочим местом этот кабинет.

В пять часов я поднялся на третий этаж. В приемной Президента уже были Хасбулатов, Силаев и Бурбулис.

Последнего я практически не знал. Мне было известно лишь, что он из Свердловска и является особо доверенным лицом у Ельцина. Видел этого человека на Съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета страны. Здесь же я впервые непосредственно столкнулся с ним, сыгравшим, на мой взгляд, одну из роковых ролей в жизни страны. Придет время, и найдется дотошный историк, который нарисует его нелицеприятный портрет. Ну, а пока передо мной стоял, вернее, вертелся человек с бегающими глазами. Не знаю, почему он был в тот момент в приемной, но на встречу в расширенном составе его не пригласили.

Кабинет Президента и одновременно Генерального секретаря ЦК КПСС летом претерпел изменения. Вместо традиционной обстановки служебных кабинетов того времени появилась новая, стильная мебель. На стене четко выделялся герб СССР, в углу, за письменным столом — флаг страны. За отдельным столиком, который больше годился для чаепития, расположились с одной стороны — Ельцин, Хасбулатов, Силаев, с другой — Горбачев и я. Лукьянов не присутствовал в связи с какими-то срочными делами.

Горбачев проинформировал вновь пришедших о том, что они с Ельциным рассматривали вопросы целостности страны, реформирования Центра, опасности для России сепаратистских действий автономных республик (пример союзных был ведь налицо!), участия союзных республик в работе центрального Правительства, а также экономические вопросы РСФСР. Этот перечень затронутых тем я по привычке записал в свой блокнот.

Запомнилась атмосфера этого заседания. Собравшиеся не были единомышленниками в решении государственных задач, это были люди, явно несовместимые в своих взглядах и устремлениях. Ельцин разговаривал, высокомерным тоном, как победитель с побежденным.

Жесты, мимика, все поведение руководителя России не вызывали сомнения, что эта встреча используется им не для поиска общего языка во взаимоотношениях крупнейшей республики и центральной власти, а имеет целью лишь продиктовать ей свои условия. Хасбулатов занимал более нейтральную позицию, по-видимому, понимая как ученый-экономист абсурдность требования своего лидера. Силаев же с подобострастием ловил взгляд своего нового шефа и полностью соглашался со всем, что тот говорил.

Начали с системы и величины федерального и республиканского налогообложения. Российское руководство стало настаивать на так называемой одноканальной системе, согласно которой все налоги собираются в республике, а Центру отдается только малая часть для финансирования общесоюзных нужд. Что же это за нужды, никто по существу сказать не мог. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени, и автономные республики России взяли на вооружение этот разрушительный для любой федерации принцип. И с какой яростью это стало отвергаться Ельциным и его командой! Но в тот момент, в конце 90 года, они преследовали главную цель — разрушить СССР, а что потом будет с той же Российской Федерацией, видимо, их тогда мало беспокоило.

Мои доводы о том, что при существующей структуре распределения властных полномочий Союза и республик такие финансовые соотношения нереальны и, более того, вызовут хаос в управлении государством, были проигнорированы.

Дальше пошло еще «интереснее». Были выдвинуты требования, чтобы доходы от внешнеэкономической деятельности целиком оставались в республике, что в распоряжение России следует передать 50 тонн золота, предоставить ей право выдавать лицензии на экспорт сырья, материалов и другой продукции и т. д. На вопросы, будут ли централизованно закупаться для всех союзных республик продукты питания, зерно, некоторое сырье, особенно для легкой промышленности, кто будет погашать наступающие по срокам платежи внешней задолженности, вразумительного ответа не было. Предложение о том, чтобы эти проблемы рассматривались при подписании нового союзного договора с перераспределением функций между Центром и республиками, также осталось без внимания.

На мое предложение прекратить начавшуюся войну банков, разрушение единой финансовой системы страны ответы были на уровне лозунгов: Россия-де объявила о своем суверенитете и верховенстве республиканских законов, и выдвинутые требования вписываются в ее новую роль.

Обсудили еще несколько второстепенных вопросов и в заключение, как обычно делают в подобных ситуациях, создали комиссию двух Совминов — СССР и РСФСР. Им поручили рассмотреть вопросы разделения собственности, организации налоговой и банковской систем, внешнеэкономической деятельности.

Встреча оставила у меня самое тягостное впечатление. По главным вопросам, определявшим жизнь страны в следующем, 91-м году, и в перспективе, так и остались принципиальные разногласия. Было очевидно, что наши собеседники ставили перед собой задачу экономически взорвать Союз, вызвать еще большее недовольство народа центральной властью и на этой волне укрепить свои политические позиции. Конфронтация России с Центром приобретала все большую остроту. Страна катастрофически быстро становилась аморфной и неустойчивой. Попытки Горбачева и его окружения хоть как-то стабилизировать положение парализовались явным саботажем и прямым противодействием со стороны руководителей России и других республик. Это продолжалось на протяжении почти всего 1991 года.

В конце концов, М. Горбачев все же договорился о встрече 9 декабря 1991 года с Б. Ельциным, Л. Кравчуком, Н. Назарбаевым и С. Шушкевичем с тем, чтобы подписать новый Союзный договор и определить порядок дату его подписания другими республиками, которые пожелают к нему присоединиться.

На мой взгляд, сам по себе подготовленный проект этого договора о создании ССГ был, используя ленинскую характеристику другого, Брестского договора, «похабным», но «угроза» его подписания стала спусковым крючком для окончательного решения о ликвидации СССР. Поначалу, правда, все выглядело довольно безобидно. Шушкевич, по совету главы правительства Белоруссии Кебича, пригласил Президента России посетить республику с официальным визитом (а неформально — поохотиться в Беловежской Пуще) с целью уговорить Ельцина дать Минску побольше

энергоносителей — газа и нефти, в связи с приближением зимы.

Перед отъездом Ельцина в Минск, по воспоминаниям Горбачева, у них состоялся такой разговор:

«Я спрашиваю Ельцина: о чем будете говорить в Белоруссии? Он отвечает: «У меня есть общие вопросы с белорусами. Я хочу их решить. Заодно переговорю с украинцами. Сюда Кравчук ехать не хочет, а туда прибыть согласен».

Я ему напоминаю: «Мы ведь в понедельник должны встретиться, и приглашаем Кравчука». Он отвечает: «Поговорим с белорусами, послушаем Кравчука и т. д.». Тогда я говорю: «Давай, Борис Николаевич, договоримся, что на встрече в Белоруссии вы не выходите за рамки того, что есть в Союзном договоре». Ельцин отвечает: А Кравчук может на договор не пойти — он же теперь независимый». «Тогда предложите ему стать ассоциированным членом», — говорю я. Ельцин замечает: «Но он и на это может не согласиться». «В таком случае будем все решать здесь, в Москве, в понедельник», — подытоживаю я.

Вот такой доверительный состоялся разговор, от которого Ельцин и сам не отказывается».

Нужно сказать, что в тот момент решающей фигурой был Кравчук, именно от него зависела судьба великой Державы. Через несколько месяцев в своем интервью он подтвердил это: «Если бы я сказал, что Украина подпишет Союзный договор, Ельцин тоже подписал бы его». Но в Вискулях националистический запал и честолюбивые амбиции, желание войти в историю на правах первого Президента «самостийной» Украины

взяли верх. Позиции украинского и российского Президентов совпали в своем разрушительном замысле и сыграли роковую роль в судьбе Союза.

Встреча в Беловежской Пуще проходила в обстановке строгой секретности, и многое из проходившего там стало известно только позднее.

Самолет с российскими разрушителями СССР взял курс на Минск 7 декабря в 17.40. В Вискули приехали вечером. Кравчук был уже там и, не дождавшись Ельцина, отправился со своей свитой на охоту. По приезде Ельцина состоялось застолье. Разгоряченная беловежскими напитками, уже вся троица совершила общий выход на охоту, после которой заговорщики дали подчиненным задание: за ночь «родить» документ с политическим решением судьбы СССР.

С российской стороны над документом работали (запомните их имена!) Г. Бурбулис, С. Шахрай, Е. Гайдар, А. Козырев и В. Илюшин.

Рождение несправедного приговора нашей стране началось «с чистого листа», каких-либо заготовок, вроде бы, ни у кого не было. Приведу некоторые детали, характеризующие происходившее по книге А.Д. Шутова «На руинах великой Державы».

«Текст коллективно сочиняемых российско-украинско-белорусских Беловежских соглашений писался от руки сведущим в юридических делах С.Шахраем, затем, из-за его «корявого» почерка, переписывался Гайдаром. При этом ни у одного из сочинителей не пробудилась гражданская совесть, никому не вспомнились защитники Брестской крепости, хотя неподалеку от нее вершилось пакостное дело. Не поднялись ни Шахрай, ни внук легендарного Аркадия

Гайдара с гневным протестом, не защитили Родину, не заслонили ее собою. Не вошли в историю как герои, а опозорили себя и род свой соучастием в непрощаемом грехе.

Готовился документ в обстановке цинизма и холодного равнодушия к происходящей драме. Чего стоит, к примеру, обсуждение «ритуального» вопроса после завершения проекта «бумаги»: как пить — за все соглашение сразу, постранично или построчно? И уже в четыре часа утра послали Козырева подсунуть родившийся текст под дверь комнаты, в которой спала машинистка. Но «министр» заплутал и сунул бумагу под дверь коржаковского охранника. Тот, спустя какое-то время, обнаружил «бумагу», покрутил ее в руках, пытаясь понять, что это такое. Но, увидев, что в ней написана какая-то галиматья, скомкал ее, пошел в туалет и бросил в корзину для использованной туалетной бумаги. Поэтому утром сочинители в большой тревоге стали искать «пропавшую грамоту»: уж не проделки ли это нечистой силы или, того хуже, КГБ? Машинистка уверяла, что под дверью ничего не было. Искали по всем углам, лазали под кровать — ничего. Потом все-таки отыскали «эпохальный» документ, извлекли его из мусорной корзины и коллективно вручили машинистке. Вот так вершилось событие, изменившее ход мировой истории.

Днем 8 декабря, в воскресенье, президенты ознакомились с текстом, затем уселись на дешевые табуретки за двумя сдвинутыми типовыми «общепитовскими» столами облегченной конструкции, поставили перед собой по государственному флажку и со скучными, смурными лицами в 14 часов 17 минут скрепили подписями машинописный текст исторического

документа, которым извещали мир, что «Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Совершив государственное преступление, заговорщики, боясь ареста, испытывали животный страх, которого не мог заглушить даже изрядно потребляемый алкоголь. «Мы смертники, — с тревогой говорил Ельцин. — Если ничего не получится, уйдем в отставку».

Верховная власть имела и законное право, и реальную силу, чтобы решительно и быстро нейтрализовать сепаратистскую выходку и, используя ситуацию, резко повернуть руль управления страной в сторону действительного восстановления политической стабильности. Народы СССР были бы за такие акции. Ведь только националистически настроенная верхушка некоторых союзных республик — и то не вся, — да продажные до мозга костей «агенты влияния» Запада хотели развала Союза.

Опасения за свои шкуры побудили сепаратистов сделать первый звонок министру обороны СССР Е. Шапошникову. Чтобы обеспечить себе безопасность, Ельцин, при согласии Кравчука и Шушкевича, объявил о его назначении главнокомандующим объединенными вооруженными силами СНГ.

Затем, в расчете на поддержку «в случае чего» извне, Ельцин срочно доложил о содеянном американскому Президенту Дж. Бушу (старшему). «Сегодня в нашей стране произошло очень важное событие, и я хотел бы лично проинформировать Вас, прежде чем Вы узнаете об этом из печати», — торжественно произнес Ельцин. Он подчеркнул, рассказывает Буш в своих мемуарах, что «Горбачев еще

не знает этих результатов». А завершил разговор Ельцин уж совсем по-холуйски: «Уважаемый Джордж, я заканчиваю. Это чрезвычайно, чрезвычайно важно. Учитывая уже сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже десяти минут, чтобы позвонить Вам».

По-моему, в этом разговоре, как в зеркале, отражается все ничтожество Ельцина — человека и государственного деятеля, всегда готового к любой подлости, интриге и предательству ради своих личных интересов.

В связи с тем, что через пятнадцать лет один из бывшей троицы — Шушкевич утверждает, что там не были пьянки, я приведу снова отрывок из книги А.Д. Шутова: «Затем состоялся праздничный обед, во время которого Ельцин, ободренный словами Буша, сказанными ему по телефону (идея «панславянского государства» ему нравится), надрался настолько, что ни о какой пресс-конференции, назначенной на 17 часов, не могло быть и речи. Она состоялась только в два часа ночи, причем Ельцина не сразу привели в чувство. Потом банкет, где Ельцин вновь быстро «дошел до кондиции», упал на ковер и облевался».

Совершив свое коллективное злодеяние, далеко не святая троица (да будут прокляты имена этих преступников и их подручных во веки веков!) поспешила задним числом оправдать его в своем Заявлении. Они отметили, что подготовка нового союзного договора зашла в тупик, не сказав, правда, что они ее туда и завели.

Ну и, конечно, добавили, что недальновидная политика Центра привела к экономическому кризису, к

развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня населения. На самом деле до 1989 года страна развивалась динамично. Но затем именно разрушительные действия тех, кто поставил своей целью изменение общественного строя и разъединение государства, начали играть все более негативную роль.

Я пережил эти годы, будучи главой Правительства СССР, и могу сказать, что на моих глазах происходило сознательное уничтожение экономики страны. Снижение жизненного уровня народа с тем, чтобы восстановить его против центральной власти — вот что было первостепенной задачей этой публики. Все делалось по принципу «Чем хуже — тем лучше», ибо только таким путем эти люди могли проложить себе путь к вожделенной политической власти. Из Заявления троицы разрушителей страны складывалось впечатление, что высшие органы управления и руководители республик стояли в стороне, не принимая никакого участия в подрывных акциях. «Забыты» были и объявленное ими верховенство республиканских законов над союзными, и введение запрета на право вывоза товаров за пределы республик, и обособленное регулирование цен. Именно такие сепаратистские решения руководителей республик размывали единое экономическое пространство.

Впопыхах и по пьянке подписывая свой документ, лидеры трех республик даже в межнациональных конфликтах умудрились обвинить тот же Центр! И здесь, как и во многом другом, жизнь не раз ткнула их носом в содеянное: разрушение многонациональной семьи народов и «разъезда» ее членов по национальным квартирам резко обострили напряженность, породили споры о границах между бывшими союзными республиками и внутри них: Грузия — Абхазия и Южная

Осетия; Молдавия — Приднестровье; Украина — Крым; Россия — Чечня — вот только некоторые из примеров затяжных, тяжелых и даже кровавых конфликтов, от которых страдает население отделившихся друг от друга государств.

Ельцин так спешил выбить кресло из-под Горбачева, что вообще не стал обсуждать многие жизненно важные для России вопросы. Да и сама полулегальная обстановка и фактор времени, точнее неожиданности, не располагали к этому. Ведь затяни они подписание своих документов, Центр обеспокоился бы и весь заговор мог провалиться. Впрочем, боюсь, что у Горбачева решимости на это не хватило бы. Так или иначе, но, например, совершенно не были защищены права русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Обойдена была и проблема внешнего долга страны, составлявшего к тому времени 70 млрд. долларов. Это тяжкое бремя Ельцин взвалил на плечи лишь одной обессиленной России, несмотря на то, что заемные средства использовались всеми республиками. А, скажем, вопрос о Крыме можно было выпустить из поля зрения только спяну или просто не имея царя в голове.

Вот что рассказал об этом Кравчук через восемь лет после разрушения Советского Союза при получении награды за то, что в Беловежье «отстоял Крым за Украиной». По его словам, сохранить Крым за Украиной «было легко: Ельцин сильно ненавидел Горбачева и для того, чтобы его убрать, он готов был пол-России отдать, а не то, что Крым». Насколько сейчас известно, у украинской делегации, когда она ехала в Беловежскую Пущу, не было сомнения: Россия будет стремиться оставить Севастополь своим городом. Они были готовы

согласиться, чтобы и Крым отошел к России. Однако каково же было их удивление, когда Ельцин ни разу даже не упомянул слова «Севастополь», «Крым». Ну, а о том, насколько остра эта проблема для России и для большинства населения Крыма, до сих пор и в перспективе говорить не приходится.

В общем, несть числа проблемам, возникшим при разрушении веками создававшегося государства с его спецификой, сложившимися политическими и экономическими отношениями, своими традициями.

Итак, государственный переворот свершился.

Через четыре дня после событий в Беловежской пуще, 12 декабря 1991 года, Комитет Конституционного надзора СССР отреагировал на Заявление глав трех государств и Соглашение о роспуске СССР с точки зрения законности этих актов.

Было указано, что в соответствии с Союзным договором 1922 года Белоруссия, РСФСР и Украина, являясь одними из учредителей СССР, вместе с тем никакого особого статуса и каких-либо дополнительных прав по сравнению с остальными союзными республиками не имели. С того времени в конституционном законодательстве СССР стал действовать принцип равноправия союзных республик. Следовательно, Белоруссия, РСФСР и Украина были не правомочны решать вопросы, касающиеся прав и интересов всех республик, входящих в Советский Союз, тем более, что те составляли значительное большинство. Комитет сделал вывод, что данные акты не имели обязательной юридической силы. Кроме того, Комитет подчеркнул, что статьи принятого в Беловежской пуще Соглашения могут привести к подрыву правопорядка, к

неуправляемости общества и анархии. По мнению Комитета, принятые акты могли рассматриваться лишь как политическая оценка сложившейся в стране ситуации и, естественно, не имеющие юридической силы.

Но ни эти выводы, ни неоднократные заявления по этому поводу Президента Горбачева, не возымели никакого действия. Процесс разрушения единого государства продолжался и вскоре был «успешно» завершен.

Подписания Беловежских Соглашений было недостаточно, чтобы легитимно зафиксировать факт ликвидации СССР со всеми вытекающими политико-правовыми последствиями. В первую очередь требовалось правовое подтверждение Соглашения о создании Содружества высшими законодательными органами государственной власти России, Белоруссии и Украины. Без ратификации эти документы не обладали политической силой. В спешке разработчики соглашений и их подписанты даже не отметили необходимость такого подтверждения и не определили, в какой форме это должно произойти. Все зависело от того, в каком качестве рассматривалось Беловежское соглашение: то ли как межреспубликанский договор трех субъектов Союза ССР, либо как «международный» договор между двумя уже объявившими себя «независимыми» государствами — Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и субъектом Союза, в состав которого на тот момент еще входила Россия, — с другой, или же как международный договор, заключенный тремя суверенными государствами.

Руководство Украины первым начало форсировать ратификацию Беловежского Соглашения. 10 декабря

1991 года в повестку дня Верховного Совета республики был внесен вопрос о ратификации Соглашения. С самого утра вопрос переносился с одного часа на другой — у постоянных депутатских комиссий было множество замечаний по тексту. Их необходимо было обсудить с руководством Белоруссии и России. Только к вечернему заседанию парламента Кравчук смог все это согласовать.

Его речь продолжалась около получаса. Он обвинил Центр в развале страны, в намерении вновь сконцентрировать власть в своих руках. «Кому-то хочется нас учить — сказал Кравчук — и заботиться о нашем народе больше, чем он сам».

Верховный Совет Украины без обсуждения, 288 голосами против, ратифицировал Соглашение, но с оговорками. Они состояли из 12 пунктов и скорректировали многие статьи документа. Например, «открытость границ» была сужена и сопровождалась отсылкой к будущим актам. Беловежским (его называют также Минским) Соглашением предусматривалась «координация внешнеполитической деятельности», а киевским вариантом — лишь «консультации в области внешней политики». Существенное дополнение содержалось в формулировках о Вооруженных Силах. Парламент Украины добавил слова: «Государства — члены Содружества реформируют размещенные на их территориях группировки Вооруженных Сил бывшего Союза ССР и, создавая на их базе собственные Вооруженные Силы, будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности...». Речь шла, таким образом, о разделе Вооруженных Сил СССР между республиками. Воспользовавшись этим, Кравчук объявил себя Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами республики в составе трех военных округов и

Черноморского флота, оставив в центральном подчинении лишь стратегические силы.

Беларусь юридически оказалась в несколько более сложном положении в связи с ратификацией Минского Соглашения. Дело в том, что, в отличие от Украины, референдум о независимости здесь не проводился, что делало позицию республики более уязвимой с правовой точки зрения. 10 декабря состоялась сессия Верховного Совета Беларуси. После краткого сообщения Председателя Верховного Совета Шушкевича об итогах работы трех глав республик в Беловежской пуще в Парламенте неожиданно выразили — по разным причинам, свои сомнения в том, надо ли утверждать соглашение о Содружестве и «левые», и «правые». Первые опасались «хитро поставленной ловушки», которая, по их мнению, неизбежно заведет Содружество в прежнее унитарное государство. Вторые же имели в виду прямо противоположное — Содружество, полагали они, означает окончательный развал Союза и вызовет великий хаос в стране. Некоторые депутаты упрекали Шушкевича, подписавшего Соглашение, в превышении власти. И все же, несмотря на то, что первоначально вопрос стоял лишь об одобрении концепции Содружества, многие депутаты потребовали немедленно ратифицировать Минское Соглашение. Эта позиция победила при поддержке 263 депутатов, при одном «против» и двух «воздержавшихся».

Верховный Совет республики также денонсировал Союзный договор 1922 года и принял закон о мерах, связанных с этим фактом.

В самом же сложном правовом положении в связи с ратификацией Соглашения находилась РСФСР, власти

которой не обладали никакими основаниями для подтверждения на законодательном уровне этого документа, подписанного в Вискулях Ельциным и Бурбулисом. Единственным органом, который мог принять законное решение, как по Соглашению, так и по денонсации Союзного договора, был только и исключительно Съезд народных депутатов РСФСР — высший орган государственной власти республики. Причем для этого было необходимо принять изменения и дополнения в Конституцию РСФСР. Но такой вариант был неприемлем для сторонников ликвидации СССР, так как они не имели квалифицированного большинства среди народных депутатов РСФСР. Поэтому Беловежское соглашение представили как «международный договор РСФСР», ратификация которого, согласно Конституции, входила в компетенцию Верховного Совета республики. Таким же образом преподнесли и Союзный договор 1922 года, что и позволило денонсировать его. И то и другое произошло на заседании Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 года.

В тот день с докладом выступил Ельцин. Переговоры в Белоруссии он охарактеризовал как «закономерное следствие тех процессов, которые развивались в течение последнего времени». Еще два года назад, сказал он, стало ясно, что «союзные структуры не способны к коренному обновлению. Наоборот, свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия, стала главным препятствием реформ». Ельцин подверг критике все разработанные проекты Союзного договора. «В них, — утверждал он, — по сути дела, протаскивалась все та же модель Союза с сильным центром. Принцип суверенности республик признавался лишь в качестве декоративного

украшения... Только в апреле в Ново-Огареве был сделан, наконец, шаг навстречу реальности, республики были готовы пойти на компромисс и подписать Союзный договор... После августа распад Союза ССР вступил в последнюю стадию, началась его агония... А в это время мы буквально стали тонуть в бесконечных переговорах и согласованиях, широких и узких обсуждениях, консультациях. Все это приобрело характер какой-то дурной закономерности...

Три республики, которые были в числе учредителей СССР, приостановили процесс стихийного, анархического распада... Была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях — Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости».

Ельцин подверг критике утверждение, что в Беловежской пуще лидеры трех республик «ликвидировали Союз ССР». «Союз, — сказал он, — уже не способен играть позитивную роль по отношению к бывшим его членам. Мировое сообщество стало считать его банкротом... Только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства... Положен конец главному препятствию к этому — союзному центру, который оказался неспособным освободиться от традиций прежней системы, главная из которых — присвоенное право командовать народами, сковывать самостоятельность республик».

Голоса критиков Соглашения на сессии были редки. Залом владела какая-то эйфория беспредельной

суверенности. Итоги поименного голосования по ратификации Минского соглашения были такими: «за» — 188, «против» — 6, «воздержались» 7 депутатов. После оглашения результатов голосования в стенограмме сессии появилась запись: «Бурные аплодисменты. Все встают». Так были «узаконены» государственный переворот и разрушение нашего великого государства.

Конечно, можно было бы критически разобрать каждый пункт выступления Ельцина, но лучше и убедительнее всего оценку и сказанного и, главное, содеянного им, его поделщиками и прихлебателями, дала жизнь: после уничтожения СССР во всех без исключения республиках наступил политический и экономический хаос. Миллионы и миллионы людей заплатили и продолжают платить чудовищную цену за преступления своих лидеров и за свою политическую слепоту и доверчивость...

В марте 1996 года в повестку дня очередного заседания Государственной Думы России был предложен для рассмотрения вопрос о денонсации Беловежского соглашения. Проект постановления по этому вопросу внесли фракция КПРФ и две депутатские группы — «Народовластие» и «Аграрная».

При обсуждении повестки дня, как и следовало, ожидать, против рассмотрения данного вопроса выступили те, кто несколько лет назад поддерживал Ельцина в его разрушительных действиях. Среди них были руководитель фракции «Яблоко» Г. Явлинский, руководитель проправительственной фракции «Наш дом — Россия» С. Белов, Г. Старовойтова и С. Юшенков. И тем не менее за включение этого вопроса в повестку проголосовало 57 процентов депутатов.

В то время я возглавлял в Государственной Думе депутатскую группу «Народовластие» и, естественно, считал необходимым выступить по этому важнейшему политическому вопросу с парламентской трибуны, чтобы не только выразить свою гражданскую позицию, но и попытаться повлиять на принятие крайне необходимого решения по денонсации преступных Беловежских соглашений. Некоторую часть этого выступления хотелось бы предложить вниманию читателя:

«При всей значимости вопросов, которые уже рассматривал и еще будет рассматривать наш парламент, нет более важного и ответственного, чем вопрос единства народов Советского Союза. Распад великого государства продолжает терзать умы и души десятков миллионов людей, и не будет преувеличением сказать, что его последствия будут определять судьбу нашей страны на длительную историческую перспективу. Сегодня мы уже в состоянии не на основе наших прогнозов 1990 года, а исходя из горького опыта последних лет, заявить, что развал Советского Союза стал подлинной трагедией не только для России, но и для всех народов, входивших в состав Союза. Эйфория суверенитетов испаряется под напором жизненных реалий. С распадом страны ситуация в экономике и политике приобрела крайне нестабильный и противоречивый характер. Существенно ухудшилось геополитическое положение России, оказавшейся отодвинутой на восток. Даже больше половины морских портов, за которые Россия боролась столетиями, мы потеряли. Петр Первый, Екатерина Вторая (оба «Великие»), да и другие, перевернулись бы в гробу, узнай они о наших деяниях. Образование Содружества Независимых Государств, заключение между его

участниками Договора об экономическом союзе и многочисленных соглашениях, предусматривающих сохранение общего экономического пространства и прозрачных границ, отказ от торговых барьеров, восстановление хозяйственных связей на деле оказались пустым звуком. И все заверения «отцов Беловежья» явились явным обманом, и в этом деле помогал им кое-кто из сидящих в этом зале.

Нам иногда приходится слышать, что распад СССР — объективный процесс, что распадались все империи. Мы начисто отвергаем тезис о некоей империи, которая рано или поздно должна была развалиться. Есть ли в истории пример, когда «империя» целенаправленно поднимала окраины за счет населения центральной метрополии?! Не говорю уже о том, что подавляющее большинство народов присоединялись к России добровольно и сознательно в целях, прежде всего, собственного выживания. Мы не были империей в прямом смысле этого слова. Мы были великой страной! Мы были великим народом! При решении столь важного вопроса, как интеграция бывших республик СССР, мы не должны поддаваться эмоциям, а должны смотреть на суть вопроса, исходя, прежде всего (и я это подчеркиваю) из интересов России, интересов благосостояния ее населения.

Интеграция будет благом не только для России, но и для всех братских стран. Прежде всего, речь идет, конечно, об экономике. Уникальный в истории человечества экономический комплекс обеспечивал выживание наших народов в самых опасных условиях. Смогли бы поработенные Гитлером народы Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии самостоятельно восстановить свою независимость и разрушенное

хозяйство без единого Советского Союза?!...Непреложным. остается один, но самый главный факт — жизнь всех без исключения народов, составлявших ранее Союз ССР, стала не лучше, а значительно хуже. И нет никаких признаков того, что кто-то сумеет самостоятельно выбраться из трясины, в которую все мы медленно, но уверенно погружаемся. Не сомневаюсь, что даже оппоненты, которые, кстати, сидят в правом крыле, которые выступали и будут выступать против предлагаемого проекта постановления, в глубине души прекрасно понимают историческую необходимость и неизбежность восстановления единства наших народов.

Сегодня не время для тактических маневров вокруг вопросов, определяющих исторические судьбы наших народов. Мы хорошо знаем настроение наших людей. Решение первого в истории страны референдума, на котором ровно пять лет назад наши сограждане высказались за Союз, сохраняет свою моральную и юридическую силу и сегодня. И его итогов никто не вправе отменить. Это проявление истинной демократии. Никакие ссылки на революционную необходимость не могут оправдать нарушение воли народа, и тщетны попытки Президента и других его сподвижников, приложивших руку к этому, снять с себя ответственность за эти действия.

Нельзя закрывать глаза и на то, что в России, в других республиках набирает силу тенденция к переориентации экономических связей на дальнее зарубежье. На этом фоне обращает на себя внимание нарастание в регионе политико-экономической активности мировых держав, сопредельных государств. Их действия становятся фактором разобщения новых, суверенных государств, ведут к ослаблению влияния

России. Нельзя жить сегодняшним днем. НАТО стоит у нашего порога. Спрашивается: зачем?

В сохранении нынешнего развала по-настоящему заинтересованы лишь те силы Запада, которые мечтают решить, наконец, многовековую задачу ликвидации великого государства и ослабления самобытной российской цивилизации, не вписывающейся в созданную в чужих столицах модель нового мирового порядка. Но вовсе не российские интересы отражают многие из тех, кто печется о том, что Россия должна оттолкнуть от себя все братские народы и сузиться до размеров московского княжества с контролем лишь нефтяных и газовых кранов.

Сегодня необходимо решительно повернуть в сторону практических дел. Мы не преуменьшаем трудности экономического, политического характера в деле интеграции. Слишком много уже сломано, сломано торопливо, бездумно, сломано в интересах внешних сил или крошечных групп корыстолюбцев, которые наживаются на наших общих страданиях, сломано ими специально для того, чтобы невозможно было воссоздать. Но именно поэтому нужны новые смелые шаги, и эти шаги должна сделать Россия. В этом наша историческая обязанность и ответственность. Будущие поколения не простят нам, если мы не сделаем этого».

Об остроте развернувшейся дискуссии можно судить также по выступлению В. Жириновского:

«В связи с этим я бы хотел, чтобы было принято постановление, в котором был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, причастных к подготовке проекта Беловежских соглашений. Они являются депутатами нынешнего парламента. Бурбулис, где он? Нет в зале — уже боится. Уже ушел. Он знал, что

я уже пришел сюда с наручниками. Вот что ждет его, Бурбулиса! (Оживление в зале). Они на Россию надели наручники, мы наденем их на вдохновителя этого Беловежского соглашения! Депутат Шахрай здесь — можно арестовать прямо в зале, здесь, на заседании Государственной Думы. Депутат Козырев... нет его. Депутат Гайдар уже сбежал — он уже не депутат. Вот четверо — эти люди все организовали».

В целом постановление о денонсации Беловежского Соглашения было принято 15 марта 1996 года 252 голосами, или 56 процентов от общего количества депутатов Государственной Думы. Напомню, что 12 декабря 1991 года за ратификацию Беловежского Соглашения проголосовало более 90 процентов тогдашних депутатов Верховного Совета РСФСР.

Так жизнь учит людей. Людей, но не предателей своей страны, оказавшихся у власти. Как и следовало ожидать, они, во главе с Ельциным и не подумали выполнять это постановление Парламента страны.

История борьбы в Парламенте за денонсацию Беловежского Соглашения вновь и вновь возвращает мысль к роковым дням декабря 1991 года.

Если после ГКЧП и внеочередного Пятого Съезда народных депутатов были разрушены органы государственной власти и наступил, как уже было сказано, паралич власти, то в декабре она уже просто агонизировала. Вспоминая эту ситуацию, невольно ищешь ответ и на вопросы: почему Горбачев, Президент СССР не занял тогда, в послебеловежские дни, принципиальную, боевую позицию, почему он не боролся до конца за целостность своего государства?

Трудно заглянуть в душу человека и познать его истинные намерения. Но в том, что Горбачев давно вынашивал мысль об уничтожении Компартии, которая дала ему путевку в жизнь, и социалистического общества, в котором он вырос, не может быть никакого сомнения. Он сам говорил об этом после 1991 года.

Конечно, беловежские заговорщики поставили его в непростое положение. Вот его рассказ:

«После отъезда Ельцина проходит день, другой — никто ничего не знает, никто мне ничего не докладывает. Я звоню министрам: они ничего не знают. Тогда я звоню Шапошникову — он знает. Они, оказывается, с ним уже разговор провели. Я думаю: что же все-таки происходит? Видимо, Шапошников сразу перезвонил в Белоруссию и сказал, что Горбачев свирепствует. Тогда мне звонит Шушкевич: «Михаил Сергеевич, я звоню Вам по поручению всех». Я спрашиваю: «А почему ты мне звонишь?» Он отвечает: «Мне поручили это Ельцин и Кравчук. Борис Николаевич разговаривал с Бушем: ему доложил, а мне поручили переговорить с Вами». Я говорю: «Это же стыдоба. Вы звоните американскому президенту, минуя Президента Союза, и за моей спиной договариваетесь. Где Борис Николаевич? Дайте ему трубку». Ельцин взял трубку и начал что-то нудить, по-моему, заплетаться...».

Кстати, их первый звонок Президенту США — это не только доклад холуев своему фактическому хозяину, но и шанс спрятаться за его спину.

Что же мог и обязан был сделать в той ситуации Президент СССР?

Получив такую информацию, он должен был немедленно использовать все имевшиеся в его

распоряжении средства. По словам А. Лукьянова, бывшего Председателя Верховного Совета СССР, лидеры трех республик — участники беловежской встречи — с тревогой ждали, как поступит Горбачев. «Он оставался Верховным Главнокомандующим, и было достаточно одного президентского слова, чтобы от «подписантов» и их документов не осталось и следа. Ведь речь шла о судьбе величайшей державы, о трехсотмиллионном народе, о глобальном равновесии мировых сил. Но не было этого твердого слова от человека, поклявшегося сохранять и защищать Союз».

Я тоже считал и считаю, что в критический момент Горбачев не выполнил своих законных обязанностей. Он должен был немедленно поставить в известность ООН, Совет Безопасности, Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет и опротестовать Беловежское соглашение. А перед Съездом вопрос надо было ставить предельно остро: решайте, распускаемся или сохраняем Союз. Нет, в конце 1991 года были нарушены все законы — союзные, международные, и, как говорится, Божеские и человеческие.

Президент страны, полтора года назад поклявшийся на Конституции СССР свято хранить единство государства, обязан — подчеркиваю, безусловно, обязан! — выполнить данное им слово. И если бы он и потерпел при этом поражение — тем не менее остался бы в Истории как руководитель, до конца боровшийся за целостность своей страны. К сожалению, этого не произошло, и теперь он презираем и проклят своим народом.

Итак, вместо конкретных действий Горбачев избрал другой путь. Посыпались заявления и

пресс-конференции. 9 декабря 1991 года он определил свою позицию. Было опубликовано Заявление Президента, которое можно назвать, мягко говоря, спокойным. В нем он даже отметил некоторые позитивные моменты Беловежского соглашения. Однако, полагал глава союзного государства, документ настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

«В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, — считал Горбачев, — необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и Соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в Соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, — говорилось в конце Заявления, — я бы не исключал и проведения всенародного референдума по этому вопросу».

Горбачев, по-видимому, «запамятовал», что он вместе с лидерами союзных республик на Пятом внеочередном Съезде народных депутатов своими руками похоронил Съезд народных депутатов СССР как высший орган государственной власти страны и передал эту власть Верховному Совету СССР. Народные же депутаты СССР, не вошедшие в состав Верховного Совета, имели лишь право участвовать в его работе.

И тем не менее многие из них не могли смириться с разрушением страны. 9 декабря мне по телефону сообщили, что создана депутатская инициативная группа по созыву Съезда народных депутатов СССР. 10 декабря

1991 года в депутатском здании на Новом Арбате на двадцатом этаже состоялся сбор подписей сторонников созыва шестого внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Я тоже подписал этот документ. Как раз в это время организатору сбора подписей депутату В.Самарину позвонил Горбачев. Самарин при нас проинформировал Президента страны о том, что уже собрано достаточно подписей для созыва Съезда. Затем он торопливо собрал подписанные листы и выехал к Горбачеву. Мне известно, что он вручил ему списки подписей и телеграммы общим числом более 500 и получил личное президентское обещание созвать Съезд.

На второй день после этой встречи газета «Известия» на первой полосе опубликовала статью с броским заголовком: «Рыжков и Чебриков хотят созыва Съезда». Но не только эта газета, бывший печатный орган Верховного Совета СССР, но и другие, еще недавно бывшие изданиями ЦК КПСС, выразили отрицательное отношение к этому предложению. Да и в целом они заняли откровенно проельцинскую позицию.

Какие причины повлияли на решение Горбачева не созывать внеочередной Съезд, мне неизвестно. Трудно сказать, что здесь сыграло основную роль: то ли желание окончательно не сжигать мосты, то ли вписаться в новые властные структуры, то ли элементарная трусость, то ли готовность в своем предательстве дойти до логического конца...

12 декабря 1991 года, в день, когда проходила ратификация Беловежских соглашений в Верховном Совете РСФСР, в Ашхабаде открылось совещание глав республик Средней Азии и Казахстана. Инициатива его

проведения принадлежала Президенту Туркмении С. Ниязову.

После долгих дебатов Президенты этих республик приняли решение вступить в СНГ, но не в качестве «присоединившихся» к нему, а как «равноправные учредители». Из Ашхабадского заявления вытекало, что азиатские республики не считают СНГ уже созданным. В документе прямо говорилось, что «необходима координация усилий по формированию Содружества Независимых Государств» и что «должно быть обеспечено равноправное участие субъектов бывшего Союза в процессе выработки решений и документов о Содружестве Независимых Государств; при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей». Отсюда вытекал и практический вывод о том, что вопросы формирования Содружества «должны быть рассмотрены на совещании глав суверенных государств», т. е. Беловежские договоренности признавались лишь в качестве платформы для дальнейших шагов по созданию СНГ с более широким кругом участников.

На Ашхабадском совещании было решено провести встречу глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, «на которую приглашаются Президенты Беларуси, России и Украины».

21 декабря 1991 года в Алма-Ате собрались лидеры 11 бывших союзных республик (т. е., все, кроме Прибалтийских и Грузии). На встрече глав государств прозвучало предложение о создании конфедерации. Но всякое упоминание об этом вызывало абсолютное неприятие со стороны Кравчука, который заявил, что

Украина — суверенное государство и не войдет ни в какое сообщество даже с намеком на любые надреспубликанские органы. Видимо, с учетом этого в Декларацию, принятую в Алма-Ате, было включено положение о том, что Содружество Независимых Государств «не является ни государством, ни надгосударственным образованием».

Эта позиция привела к огромным трудностям, с которыми постоянно сталкиваются члены СНГ в их взаимоотношениях.

В результате встречи произошла определенная ревизия Минского соглашения и были подписаны, в том числе и руководителями первых трех республик, по сути дела, новые документы — Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 года и серия дополнительных к ней соглашений и протоколов.

Стала более точной и формулировка о судьбе Союза СССР:

«С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование». Лидеры 11 суверенных республик, образовавших Содружество Независимых Государств, приняли обращение к Горбачеву, в котором уведомили его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР. В обращении главы независимых государств благодарят союзного Президента Горбачева за его большой положительный вклад...

Итоги Алма-Атинской встречи не оставили надежд Горбачеву, и 25 декабря 1991 года в 19 часов по московскому времени страна услышала последнее его

выступление в качестве Президента теперь уже не существующего государства.

Во время его выступления огромное красное полотнище — флаг Советского Союза — дрогнуло над куполом Кремлевского дворца и поползло вниз. Его снимал, видимо, в награду за совершенное предательство, главный вдохновитель и организатор государственного переворота Бурбулис. Через несколько минут на флагштоке Кремля поднялся трехцветный флаг.

Так закончилась вошедшая навсегда в историю человечества великая эра супердержавы — Союза Советских Социалистических Республик.

Сумерки упали на нашу землю.

Итак, на одной шестой части Земли вместо единого федеративного государства — СССР — образовалось 15 суверенных государств. Черное дело свершилось — под фанфары «вождей», рвавшихся к власти, и улюлюканье обманутых толп. Но эйфория продолжалась недолго. Началось мучительное отрезвление — как поется в песне: «а поутру они проснулись...».

В России все это время положение было настолько сложным и непредсказуемым, настолько трудным для большинства населения, что в 1998 году инициативная группа депутатов Государственной Думы — в количестве 218 человек, в том числе автор этих строк, — предложила выдвинуть обвинения против Президента РФ Ельцина с целью отстранения его от должности (импичмента).

Юридической базой для возбуждения этого обвинения была статья 93 Конституции Российской Федерации, в которой говорится, что Президент страны

может быть отрешен о должности Советом Федерации, причем только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления.

В Госдуме была создана Специальная комиссия по расследованию именно таких преступлений Ельцина. В процессе обсуждения были сформулированы обвинения по пяти пунктам:

Первое. В декабре 1991 года Президент России Б.Н. Ельцин совершил государственную измену, подготовив и заключив Беловежское соглашение, окончательно уничтожившее Советский Союз.

Второе. В сентябре — октябре 1993 года, организовав государственный переворот и приняв активное участие в его осуществлении, Президент Б.Н. Ельцин совершил преступления, предусмотренные статьями Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Третье. 30 ноября 1994 года Президент Б.Н. Ельцин издал Указ № 2137 «О мероприятиях по восстановлению Конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и отдал приказ о военных действиях в Чеченской Республике, тем самым совершил преступление.

Четвертое. Будучи Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, Президент Б.Н. Ельцин за время выполнения своих функций нанес серьезный ущерб обороноспособности и безопасности Российской Федерации.

Пятое. «Реформы», легшие в основу политики Б.Н. Ельцина и его окружения, привели Россию к

социально-экономическому кризису, связанному с разрушением основных отраслей народного хозяйства, все более усиливающемуся расслоению общества, потерей безопасности страны, резким падением уровня жизни и вымиранием населения.

В работе Комиссии приняло участие большое число депутатов, специалистов, были заслушаны показания многих должностных лиц государства. Заседания Комиссии проходили в сугубо демократическом духе. Споры и дискуссии были весьма жесткими, выслушивалось мнение не только сторонников импичмента, но и его противников. Комиссия располагала, можно сказать, фундаментальными материалами, совершенно объективно освещавшими положение в стране, возникшее в связи и после разрушения Советского Союза.

Так что можно было с уверенностью опираться на полученные материалы при обсуждении этого вопроса на пленарном заседании Госдумы.

Использую их и я, чтобы рассказать достаточно конкретно об этом немаловажном эпизоде нашей новейшей истории. Подчеркну только, что все фактические данные и характеристики положения дел в стране относятся именно к 1998 году, и я никоим образом их не модернизирую, не довожу до сегодняшнего дня, ибо они как бы подводят итог правлению Ельцина и в этом смысле представляют собой, на мой взгляд, немалую историческую ценность.

Безусловно, все пять пунктов обвинения являлись прямым следствием преступного разрушения государства.

Итак, выше уже было сказано, что в дни Беловежья и в последующее время находились и находятся разного рода деятели, которые выступают в защиту Ельцина. Они утверждают, что он, как и другие участники Беловежской встречи, не разрушал Советский Союз, а лишь зафиксировал его распад, и что ратификация Соглашений Верховным Советом РСФСР вообще полностью снимает с Ельцина какую бы то ни было вину. Однако специальная комиссия Госдумы сделала совершенно четкие иные выводы по принципиальным положениям этого пункта обвинения.

Первое. Абсолютно незаконным является признание утратившим силу Союзного Договора 1922 года. Он был подписан сначала шестью республиками: Россией, Украиной, Белоруссией и входившими в Закавказскую Федерацию Азербайджаном, Арменией и Грузией, а затем к этому договору присоединились еще девять республик, образовавшие таким образом Союз ССР. Причем этот договор полностью вошел как составная часть в Конституцию СССР 1924 года. А затем его основные положения практически полностью были воспроизведены в Конституциях СССР 1936 и 1977 годов и в конституциях всех союзных республик (например, РСФСР — 1925, 1937 и 1977 годов).

Союзный Договор 1922 года и соответствующие ему конституционные нормы никогда не предусматривали его денонсации, поскольку это был документ учредительного характера. Не международного, а именно учредительного. Создавалось новое государство. В договоре, а затем в конституциях предусматривалось сохранение за каждой из союзных республик, вошедших в СССР, права свободного выхода из него. Порядок этого выхода был урегулирован Законом СССР от 3 апреля 1990

года. И только по результатам всех процедур в соответствии с этим Законом вопрос о выходе республики из состава Союза окончательно должен был решаться Съездом народных депутатов СССР.

Второе. Преступлением (тягчайшим, по моему мнению) авторов Беловежского соглашения является фактическая отмена результатов общесоюзного референдума. Напомню, что Съезд народных депутатов СССР 24 декабря 1990 года принял постановление о проведении референдума в стране по вопросу о сохранении обновленного Союза. Референдум состоялся 17 марта 1991 года. Из 185,6 миллиона имевших право голоса граждан СССР в нем участвовали 148,5 миллиона человек, или 80 процентов. Из них 113,5 миллиона, или 76,4 процента, проголосовали за сохранение Союза ССР. В соответствии с Законом о референдуме его решение имело обязательную силу на всей территории СССР и могло быть отменено или изменено только путем референдума же. Никто иной не мог отменить это решение. Закон обязывал выполнять решение референдума все государственные органы, организации и всех без исключения должностных лиц.

Третье. Подписав Беловежское соглашение, Ельцин нарушил конституционные права всех граждан Российской Федерации. В соответствии с Конституциями СССР и РСФСР, действовавшими тогда, каждый гражданин Советской России являлся гражданином СССР. Более 70 процентов граждан РСФСР 17 марта подтвердили свое желание быть гражданами СССР. Беловежье подорвало одну из главных основ правового положения личности — институт гражданства: 25

миллионов россиян оказались в одну ночь иностранцами на своей собственной территории.

Прошло полтора десятка лет, а проблема гражданства, беженцев, устройства их на новом месте жительства осталась такой же острой. Из-за распада единого государства и проводимой в суверенных странах политики по лишению гражданских прав русских, создания для них невыносимых жизненных условий они вынуждены эмигрировать на свою историческую родину.

Миграция из стран СНГ и Прибалтики в Россию составляла в первой половине прошлого десятилетия свыше 1 млн. человек в год, а в среднем за все 90-е — 380 тыс. ежегодно. А ведь практически для каждого из них миграция была прямо-таки коренным переломом в жизни, сопряженным со множеством сложнейших проблем и, мягко говоря, огромных трудностей.

Но в ту беловежскую пьяную ночь подписантам было не до каких-то там людских судеб. Необходимо было осуществить главную цель — развалить единое государство и получить желанную власть.

Ельцин и его подельники сделали то, к чему на протяжении веков стремились многие страны: разрушить, уничтожить наше государство. О том, кому это было на руку, — гадать не надо. Так, в своем заявлении 25 декабря 1991 года Президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш (старший) подчеркнул: «Соединенные Штаты приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества... Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам».

Окружение Ельцина еще до Беловежского сговора, под диктовку своих заокеанских друзей сочиняло планы по расчленению СССР. Эти люди в течение длительного времени формировали политику Ельцина, что, безусловно, сказалось на принятии решения 8 декабря 1991 года. Например, план, предложенный Г.Поповым и одобренный «демороссами», включал в себя следующее: разделить РСФСР на семь частей, Украину — на три, и в итоге создать на обломках СССР 17 суверенных государств. Гавриил Харитонович превзошел Гитлера и Розенберга, по плану которых, подготовленному в 1941 году перед нападением Германии на СССР, предполагалось создать в нашей стране «всего» 10 подведомственных рейху территорий.

Или другой план, касающийся уже современной России. ЦРУ Соединенных Штатов Америки предлагал расчленить ее на 8 самостоятельных государств. Чтобы читатель знал, в каком из них ему предстояло бы проживать, приведу их полный перечень (с названиями столиц):

Российская республика (Москва);

Северо-Западная республика
(Санкт-Петербург);

Поволжская республика (Саратов);

Казацкая республика (Ставрополь);

Уральская республика (Екатеринбург);

Западносибирская республика (Красноярск);

Демократическая республика Саха (Якутск);

Дальневосточная республика (Владивосток).

Дурной пример заразителен — тем более что этого хотелось, да и сейчас хочется нашим заклятым «друзьям» из-за кордона. По мнению некоторых соучастников ельцинских преступлений, неолиберальных реформаторов и им подобных, Россия в силу ее необъятных просторов — страна неуправляемая, и якобы поэтому вместо одного государства надо создать множество независимых «княжеств». Не менее «патриотичны» и другие мечты и размышления «либерально-демократических» деятелей, возжелавших подарить Финляндии российские территории на севере Кольского полуострова. Наши доморощенные «патриоты» ждут не дождутся, когда Россия созреет для передачи Курильских островов Японии, а затем, если не раньше, и Калининграда Германии. Они рассуждают примерно так: отдал же Ельцин Крым вместе с Севастополем Украине, а Горбачев в великой спешке Эстонии — российские территории с городом Нарвой...

Я часто задаю себе вопрос: что было бы с руководителями зарубежных демократических стран в подобных случаях? На минутку представим себе, что Буш (младший) возвратил бы Аляску России, в порыве угрызения совести передал бы Техас исконному хозяину этой территории — Мексике, а то взял бы и вовсе распустил США, предоставив суверенитет отдельным штатам. Или, к примеру, Президент Франции вдруг принял бы решение удовлетворить требования национал-экстремистов и предоставил суверенитет Нормандии, а премьер-министр Великобритании с извинениями вернул бы Фолклендские острова Аргентине и наконец-то объявил о независимости Северной

Ирландии. Или руководство Канады, Испании подсуетилось бы с объявлением самостоятельности, соответственно, Квебека и региона проживания басков. Что бы с ними произошло — ясно, по-моему, без лишних слов. Но тогда невольно напрашивается вывод: все, что противоречит здравому смыслу на Западе, с позиций его российских прихлебателей не только возможно, но даже желательнее у нас. Такова подлинная цена их «патриотизма».

В декабре 1991 года Ельцин, совершив акт величайшей государственной измены в отношении СССР, нанес и России огромный ущерб. Это касается, без преувеличения, всех сторон жизни — авторитета и роли нашего государства в мировом сообществе, экономики, обороноспособности, развития науки, производства и культуры, жизненного уровня населения и т. д. Вот только некоторые из множества убедительных фактов, почерпнутые из материалов Специальной комиссии Государственной Думы по импичменту Президента России Ельцина по состоянию, повторяю, на 1998 год.

В области экономики.

Первоначально сформулированные соратниками Ельцина и заученно им повторявшиеся цели и задачи выглядели в глазах народа весьма благородно: предполагалось на основе демократизации и либерализации экономической и политической жизни страны поднять уровень и качество жизни населения. Однако — и это видно сейчас невооруженным глазом — объявленная цель была не только не достигнута, а, напротив, условия существования людей ухудшились в несколько раз. Ради разрушения прежней, советской экономической и социально-политической системы были

принесены беспрецедентные жертвы. Десятки и десятки миллионов людей были вынуждены ежедневно, ежечасно бороться за элементарное выживание.

А ведь Россия — единственное в мире самодостаточное государство. Она занимает 10 процентов территории Земли при 2,4 процента её населения. Обладая гигантскими и разнообразными сырьевыми запасами, огромным интеллектуальным, социальным и человеческим потенциалом, Россия имеет все предпосылки к тому, чтобы находиться на одном из первых мест в мире по условиям существования её населения. Однако пропасть между этими возможностями и реальным уровнем и качеством жизни народа продолжает углубляться.

Катастрофически ухудшилось за годы ельцинского правления по многим показателям положение России и в сравнении с США, как и с рядом других экономически развитых стран. Скажем, в 1998 году расходы государственного бюджета в России на душу населения были в 34 раза меньше, чем в США, и в 43 раза меньше, чем в Финляндии.

Россия, ставшая в 30-х годах второй державой в Европе, а в середине XX столетия второй, наряду с США, сверхдержавой мира, ныне отброшена на обочину периферийного промышленного развития. За время реформ общий объем промышленной продукции в стране сократился более чем наполовину. В отдельных отраслях экономики произошло обвальное, катастрофическое падение производства. Выпуск продукции машиностроения сократился на 60 и более процентов. Спад производства в легкой и текстильной промышленности составил свыше 80 процентов, на

многих предприятиях отрасли объем выпуск продукции сократился в пять раз. Отдельные предприятия, в том числе градообразующие, практически прекратили производство, а их рабочий и инженерно-технический состав остался без средств к существованию.

Уничтожены целые отрасли экономики в частности, станкостроение, производство машин для строительства и сельского хозяйства, электронная и инструментальная промышленность, многие предприятия оборонного комплекса, научно-исследовательские институты. После всего этого ни о какой независимости России от Запада не может быть и речи.

После слома советской власти не сооружена ни одна вновь начатая строительством электростанция, ни один сколько-нибудь крупный завод. За это время закрыты, разграблены десятки тысяч современных предприятий (не говоря уже, забегая немного вперед, о школах, медицинских учреждениях, клубах и библиотеках, пионерских лагерях и детских садах...), что говорит о деиндустриализации страны. Свидетельствуют об этом не только количественные, но и качественные показатели: практически во всем народном хозяйстве чрезвычайно малый объем современного производства, неконкурентоспособность большинства отраслей экономики, неуклонное старение основных фондов в техносфере — их изношенность колеблется от 60 до 80 процентов.

Налицо устойчивая консервация преимущественно топливно-сырьевой структуры российского экспорта. Из страны экспортируются 78 процентов производимого алюминия, 82 процента никеля, 71 процент меди, 78 процентов минеральных удобрений, 30 процентов газа,

40 процентов нефти, большие объемы редкоземельных элементов. И при этом в России не открыто ни одного месторождения полезных ископаемых даже среднего объема. Геологическая служба пущена в распыл, разгромлена. Страна живет за счет советских запасов.

Еще в недалеком прошлом Советский Союз входил в число лидеров мирового научно-технического прогресса и обладал наиболее крупным научным потенциалом. Треть всех величайших научных открытий XX века сделаны учеными бывшего СССР. Сегодня наша страна стремительно обретает статус государства колониального типа. Ее доля в экспорте высокотехнологической продукции составляет всего один процент. Это ведет к быстрой утрате былых приоритетов научно-технического развития. В то же время внутри страны свыше 80 процентов разработок новой техники и новейших технологий остаются невостребованными. Сотни тысяч научных и технических работников уходят из науки. Теряя научный потенциал, страна вместе с ним теряет будущее и возможность построить достойную жизнь для своих сограждан. Финансирование науки в России с каждым годом сокращается и составляет менее 0,5 процента от валового внутреннего продукта, да и эти мизерные суммы не доходят до нее.

Сильнейший урон понесло и сельское хозяйство. Валовая продукция в хозяйствах всех категорий уменьшилась более чем на 35 процентов. Наполовину упал сбор зерновых. Производство мяса снизилось также наполовину, молока — больше чем на 30 процентов. поголовье крупного рогатого скота, овец и птицы уменьшилось в два и более раза. Для воспроизводства их на уровне 1990 года потребуются многие годы, как и на

восстановление пахотного российского поля, которое сократилось более чем на 20 миллионов гектаров.

Создается впечатление, что идет целенаправленный разгром отечественного сельского хозяйства в угоду западным производителям. Между тем в мировой практике в качестве критического принято считать 30-процентный уровень потребления импортных продуктов питания, после которого возникает стратегическая зависимость от поставщиков. Россия, которая устойчиво обеспечивала себя высококачественным и дешевым продовольствием, теперь закупает почти 45 процентов потребляемых продуктов питания, причем крупнейшие города зависят от их поставок из-за рубежа уже на 70–80 процентов.

Разрушение единого экономического пространства, существовавших в СССР народного хозяйства и науки породило многомиллионную армию безработных, лишенных элементарных гарантий физического выживания. Их численность, по официальной статистике, колебалась от шести до семи миллионов человек, или составляла 10 процентов экономически активного населения. А фактически, если говорить о реальных цифрах, численность безработных в 1998 году превышала 25 миллионов человек, и лишь небольшая их часть имела возможность получать пособие по безработице, да и то нерегулярно.

В интересах узкой прослойки Ельцин и его Правительство провели в России приватизацию общенародной государственной собственности. В результате на долю относительно благополучных 20 процентов населения в 1998 году приходилось более половины совокупного объема доходов, и из нее

основная часть присваивалась 200–300 семьями, узурпировавшим непомерно большую долю национальных богатств и государственную власть в стране.

Либерализация цен и полное обесценивание доходов и сбережений граждан, как полагает Специальная комиссия Госдумы, осуществлены и проводятся президентом и правительством вполне осознанно и целенаправленно. Все это тоже проведено в угоду узкому клану, нажившему свои богатства за счет обобранного абсолютного большинства населения. Одновременно россияне лишились сбережений в размере почти 250 триллионов рублей (в старом исчислении), которые составляли один из источников их существования или являлись семейным «страховым фондом» на черный день. Такой день наступил, а миллионы людей встретили его с пустыми руками.

Кстати, президент и исполнительная власть несут прямую ответственность и за ограбление населения организаторами финансовых пирамид: власть, не располагая надежной правовой основой, тем не менее разрешила деятельность явно криминальных и полукриминальных организаций, отобравших у россиян в то время практически все, что еще у них оставалось после ограбления их государством.

Ельцин с Гайдаром, «отпуская» цены на волю со 2 января 1992 года, обещали, что они вырастут «только» в 3 раза, затем наступит их стабилизация и далее — снижение. Что из этого вышло, мы знаем: люди испытали эти ельцинско-гайдаровские сказки и ельцинско-явлинские иллюзии «500 дней» на себе.

Резко снизилась и платежеспособность населения. Широко используя рычаги своей пагубной макроэкономической политики, Президент и Правительство под предлогом борьбы с инфляцией сознательно пошли на уменьшение оборотной денежной массы в сфере производства. Это сразу же вызвало кризис платежей, блокирование производства, криминализацию экономики, резкое сокращение заработной платы, огромный внешний и внутренний государственный долг, который правительство опять-таки пыталось погасить за счет сбережений, отобранных у граждан и невыплаты им заработной платы. На полные обороты была раскручена машина по выпуску облигаций, иных ценных бумаг-суррогатов и навязывания их россиянам вместо реальных денег. Еще один мощный удар по населению страны нанесен системой постоянных сокращений социальных расходов, в первую очередь на образование, медицину, пенсии, различные пособия.

Известно, что заработная плата является основным источником поддержания жизни большинства населения. Несмотря на это, в интересах дальнейшего обогащения небольшого клана, новоиспеченной буржуазии и обслуживающего ее коррупционного чиновничества, ставшего социальной опорой политической власти, Президент осознанно пошел на длительную невыплату денег, пособий, фактически на пытку голодным и полуголодным существованием сотен тысяч, миллионов своих сограждан. Многим категориям работающих зарплата не выдавалась от нескольких месяцев до нескольких лет. От недоедания и голода люди, даже дети в школах, падали в обмороки.

Стремясь принципиально изменить социально-экономические отношения в России, сформировать новый класс — частных собственников, Ельцин сознательно шел на ухудшение жизненных условий российских граждан, с неизбежностью влекущее за собой большие демографические потери как из-за повышения смертности, так и из-за сокращения рождаемости. В результате в стране резко сократилось численность населения.

И при этом все предложения по изменению проводимого им социально-экономического курса постоянно отвергались.

Это заключение Комиссии вызвало возражение двух депутатов Госдумы, которые, кстати, были не согласны вообще со всеми пунктами обвинения. Доводы их были банально демагогичными, но по этой позиции они высказали, можно сказать, уникальное соображение: признавая, что вследствие резкого снижения рождаемости и увеличения смертности действительно произошло значительное уменьшение численности населения России, они полагали, что причину не следует усматривать ни в ухудшении условий жизни российских граждан, ни в массовой безработице, ни в нищенских зарплатах и пенсиях, ни в регулярных их задержках, ни в недоступности для большей части населения медицинской помощи. Причиной сокращения численности населения в нашей стране за последние годы, по их утверждению, является длительное существование народа в условиях самоизоляции («железный занавес»), что «лишило российскую популяцию механизмов иммунитета, способности к жизнедеятельности в чужеродной среде, агрессивной среде». Тем самым авторы этого «открытия», сами того

не желая, подтвердили тот факт, что в результате проводимых в Российской Федерации «экономических реформ» наш народ оказался в не только чуждой, а и враждебной ему среде! Интересно, поблагодарил ли этих своих защитников Ельцин за их медвежью услугу?..

Кстати, на заседаниях Комиссии отмечалось, что особенно высокими темпами уменьшается славянская часть населения России. Депутат В.И. Илюхин заявил даже, что проводимая Президентом страны политика сродни «технологии» депопуляции славян, разработанной немецкими нацистами с целью расчистки экономического пространства СССР для арийских «сверхчеловеков».

Именно Беловежское соглашение разорвало целостное жизненное — политическое, экономическое и культурно-языковое — пространство, нарушило многовековые традиции, уклад жизни и воспроизводство населения как единой социальной общности и каждой нации (этнуса) в отдельности, самую среду их обитания. Немудрено поэтому, что с 90-х годов XX столетия Россия впервые вполне осязаемо столкнулась с депопуляцией и вырождением нации. Какой же живой организм может не зачахнуть, а тем более — размножиться в чужеродной и агрессивной среде? В последние годы средняя продолжительность жизни мужчин сократилась до 57 и женщин — до менее чем 70 лет.

И действительно, смертность возросла, и характерно, что среди умерших третью часть составляют лица трудоспособного возраста. Причем смертность мужчин в этой категории населения превышает смертность женщин в четыре раза. Чаще всего это связано с несчастными случаями, травмами, насилием,

убийствами и самоубийствами, алкоголизмом, наркоманией и т. д. Ускоренно вымирают и лица старших возрастных групп, то есть имеет место разрыв поколений в буквальном, физическом смысле. А ведь их преемственность является основой благополучия общества, наследования мудрости, знаний, накопленного жизненного опыта.

В настоящее время число умерших превышает в 1,5–1,7 раза число родившихся. За годы радикальных «реформ» Ельцина — Гайдара количество браков снизилось на 30 процентов, а рождаемость уменьшилась на 37 процентов. Уровень рождаемости в стране является одним из самых низких в Европе и почти на 40 процентов меньше необходимого даже для простого замещения родителей их детьми. Это прежде всего является непосредственным следствием тяжелых экономических условий, а также во многом связанного с ними того факта, что на каждые 1000 родов у нас приходится примерно 200–215 абортов. Да и как и где растить детей, если жилищная проблема, как говорится, держит миллионы и миллионы семей за горло. Ведь в строительстве бесплатного жилья у нас за годы «царствования» Ельцина сложилось чрезвычайно тяжелое (а для многих — просто невыносимое) положение. Добавлю, что с принятием серии законов по жилью в 2005 году бесплатного его вообще практически не существует. Общие темпы строительства жилья снизились в 2,4 раза, оно стало дорогим и недоступным для большинства людей.

Общие демографические потери России с учетом умерших и не родившихся в силу крайне неблагоприятных социально-экономических условий превысили 8 миллионов человек. В среднем за семь лет

ельцинского правления годовая убыль населения возросла почти до миллиона человек. И это при том, что такие ужасающие потери частично перекрывались миграцией из бывших союзных республик. Не говорит ли это о том, что войну власти против своего народа в наше время можно «успешно» вести и без традиционного оружия, экономическими средствами?

Негативные демографические сдвиги во многом зависят от ухудшения здоровья людей. Здесь — частично об этом уже сказано выше — ситуация в 1992–1998 годах была просто катастрофической. Приведу еще некоторые данные из материалов Комиссии.

Отрицательная динамика в состоянии здоровья населения наблюдается повсеместно по всем возрастным и социальным группам и практически по всем болезням. Резко возросли масштабы сердечно-сосудистых, онкологических, эндокринных, обменных заболеваний. Очень тревожно положение с инфекциями, особенно с туберкулезом, гепатитами, кишечными, паразитарными, с венерическими болезнями, СПИДом. Крайне тревожно то, что, например, распространение сифилиса выросло в 64 раза, причем вообще заболеваемость венерическими болезнями касается сейчас и детей и подростков и это является буквально трагедией — социальной, и человеческой.

Образное выражение Томаса Манна — «Болезни — это путь бедняков» приобретает сейчас все более и более конкретный, драматический смысл для человека, который не имеет возможности купить лекарства, дорожающие не по дням, а по часам, не может заплатить за прием у специалиста или за операцию. Рядовому гражданину практически недоступно поехать в

санаторий, т. к. его зарплаты или пенсии не хватит даже на билет в одну сторону...

70 процентов населения живет в состоянии устойчивого стресса, постоянного нервного, эмоционального перенапряжения, вызванного экономическими, социальными, экологическими и другими причинами. Поэтому растет число нервно-психических заболеваний функционального характера, все большие массы людей приобщаются к наркотикам и алкоголю. Нельзя не отметить, что именно такой «букет» составляет группу так называемых социальных заболеваний, т. е. тех, которые расцветают в обществах, находящихся в состоянии упадка, когда люди падают в нищету, не могут найти себе достойного применения, когда резко ухудшаются все условия их существования и нет ясной и реальной перспективы выхода из всеобщего кризиса.

В свете сказанного вряд ли вызовет удивление то, что ежегодно более 20 тысяч доведенных до отчаяния россиян сами лишают себя жизни, что 65 тысяч человек уносят убийства, что 42–47 тысяч человек, в основном в расцвете сил и самом жизнеспособном возрасте, гибнут от злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Сложившееся положение в социальной сфере жизни россиян не могло не отразиться на будущем поколении. В июне 2005 года в Международный день ребенка министр внутренних дел РФ Нургалиев Р.Г. заявил, что в России у 2 миллионов детей нет родителей, 6 миллионов живут в социально неблагоприятных условиях, 4 миллиона детей употребляют наркотики. В стране 870 тысяч беспризорников. И это официальные данные, которые, по мнению специалистов, весьма занижены. А вот цифры не

заниженные: пособие на ребенка — 70 рублей в месяц! И это в то время, когда в стране избыток денег!

В стране процветает, практически в открытую, детская работорговля. Дяденьки и тетеньки в белых халатах нормально развитых детей переводят в категорию умственно отсталых, с тем чтобы была возможность их выгодно продать, особенно — за океан.

Да, по-видимому, надо бы воскресить Ф.Э. Дзержинского, чтобы решить проблему беспризорного детства в нашей стране. Ведь справились же с этим социальным злом после Гражданской и Великой Отечественной войн!

Такова в самых общих чертах безрадостная картина рухнувшего, можно сказать, уровня жизни народа, в том числе в связи с умирающим и коммерциализирующимся отечественным здравоохранением, система которого в советские времена была признана лучшей в мире. А в 1998 году она являла собой одно из самых убедительных свидетельств полного развала всей социальной сферы в стране, начало чему было положено Ельциным и К^о 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще, фактически враждебного отношения созданного им режима к подавляющему большинству населения России.

Более того, изучив все подобные материалы, Специальная Комиссия Госдумы сочла правомерным и необходимым предъявить Ельцину обвинения в геноциде российского народа.

Понятие «геноцид» впервые в международное право было введено и закреплено в нем Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года. Советский Союз присоединился к этой

Конвенции в 1954 году, и потому ее действие распространяется на Российскую Федерацию как правопреемницу Советского Союза. Статья 2 данной Конвенции определила геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу народа как таковую путем: убийства членов такой группы; причинения серьезных телесных повреждений или умышленного членовредительства членам такой группы; предумышленного создания какой-либо группе таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее, создания мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую. Многие из этих позиций, безусловно, относятся по существу и к деятельности Ельцина.

Сильнейший удар по социальным условиям жизни россиян нанесли последователи Ельцина — Зурабов, Кудрин и Ко. Протащенный ими человеконенавистнический закон 122 окончательно «зачистил» все оставшиеся льготы. Государственная Дума с восторгом приняла этот закон, Совет Федерации его одобрил, а Президент страны подписал его. И это сделали депутаты, предшественники которых всего семь лет тому назад предъявляли Ельцину обвинения в геноциде своего народа!

Говоря о положении детей в России, не могу не затронуть еще одну детскую проблему — состояние школьного питания. Как всем понятно, недостаточное поступление питательных веществ в детском и юношеском возрасте отрицательно сказывается на

показателях физического развития, заболеваемости, успеваемости, способствует проявлению обменных нарушений и хронической патологии.

Большую часть времени школьники, а сейчас их у нас свыше 16 миллионов, проводят в общеобразовательных учреждениях, в которых санитарными правилами предусмотрено для них горячее питание — завтрак, для детей, посещающих группу продленного дня — завтрак и обед, а при длительном пребывании в учреждении — полдник. По данным Минздравсоцразвития России, стоимость питания в школе в различных субъектах РФ колеблется от 0 до 12–15 руб. в день. В среднем по России процент охвата школьников горячим питанием снижается при переходе из начальной школы в среднюю и старшую ступень, соответственно 82 процента, 64 процента, 51 процент и ниже. Что касается качественной стороны проблемы, то, по данным Института питания РАМН, в школе дети получают в лучшем случае около 30–40 процентов дневной нормы питания.

Особенно сложным является положение дел в сельских школах — достаточно сказать, что до 65 процентов этих школ не имеют гарантированного источника питьевой воды.

Конечно, проблемы детства в школе продолжаются, а начинаются они намного раньше. Ведь 70 процентов женщин имеют отклонения в состоянии здоровья. Роды протекают нормально только у 40 процентов беременных. Больше половины новорожденных также имеют отклонения в состоянии здоровья. У примерно 15–20 процентов дошкольников выявляются хронические заболевания. Здоровыми к окончанию школы остаются

лишь 10 процентов подростков. Все чаще отмечаются задержки в физическом и психическом развитии детей — то есть имеет место декселерация вместо акселерации, как было в советское время. В результате все большее число молодых людей становятся непригодными по состоянию здоровья к военной службе и эффективной творческой трудовой деятельности.

Например, по сообщению вице-преьера Правительства России, министра обороны РФ С. Иванова на Правительственном часе в Государственной Думе, около 10 процентов призывников осени 2005 года имели дефицит веса, вследствие чего эти юноши вместо обучения воинскому делу сразу же после прибытия в армейские части отправлялись «на откорм». И это кроме того, что в то же время военкоматы были вынуждены освободить от службы в армии до 90 тысяч семнадцатилетних юношей с дефицитом веса...

Вернемся, однако, к обвинениям, предъявленным Специальной Комиссией Государственной Думы Президенту Ельцину, одним из которых, как уже отмечено выше, было совершение действий, приведших к ослаблению обороноспособности и безопасности Российской Федерации, начало чему положили заключение и реализация Беловежского соглашения.

Комиссия пришла к выводу, что к крупному ущербу для обороноспособности и безопасности Российской Федерации привело ненадлежащее использование Ельциным своих властных полномочий, вследствие чего Вооруженные Силы Российской Федерации и оборонно-промышленный комплекс оказались фактически в состоянии полного развала.

И на таком фоне Ельцин попросту игнорировал многочисленные обращения к нему Государственной Думы, содержавшие требования о срочных мерах по укреплению Вооруженных Сил и оборонно-промышленного комплекса (как, впрочем, и по многим другим «горячим» вопросам жизни страны, в том числе и по упомянутым проблемам здравоохранения).

Свидетельские показания, данные Комиссии авторитетными представителями Вооруженных Сил и военно-промышленного Комплекса, в том числе бывшим министром обороны И.Н. Родионовым, стало очевидно, что Президент в целом ряде случаев умышленно уклонялся от выполнения своих обязанностей по обеспечению обороноспособности государства. Приведу некоторые фрагменты из показаний министра, живописующие «деятельность» Ельцина в качестве Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России.

«Когда меня назначили министром обороны, я пытался разобраться в том, что же из себя представляет наша оборона на лето 1996 года, в каком состоянии находятся Вооруженные Силы и что их ждет дальше...

Вместе с Генеральным штабом я вращался в обстановку. Уже были двух-трехмесячные невыплаты денежного содержания, нарушение финансирования остальных статей согласно утвержденному бюджету. Мы требовали, чтобы выделялись средства согласно бюджету, и ни копейки больше. Работать приходилось с Черномырдиным как с Председателем Правительства.

Осенью 1996 года, после смены начальника Генштаба, мы с Генеральным штабом пришли к выводу, что положение дел в Вооруженных Силах, в видах

Вооруженных Сил — в сухопутных войсках, на флоте, в ВВС, в ПВО, за исключением РВСН, — неудовлетворительное. И положение продолжает усугубляться, нарастают тревога, беспокойство...

Когда Президент после операции приступил к исполнению своих обязанностей, его контакты со мной и с Министерством обороны вообще прекратились. Мои неоднократные попытки втянуть Президента в армейские проблемы, в проблему обороны, в проблему реформирования Вооруженных Сил встречали нежелание заниматься этими вопросами. Просто нежелание.

В декабре 1996 года было принято решение о проведении Совета обороны. На этом Совете мне и начальнику Генерального штаба было поручено подготовить два доклада. Мой доклад должен был касаться концепции военной реформы в целом. Доклад начальника Генерального штаба — конкретные реформы Вооруженных Сил государства. Мне кажется, что по первому вопросу доклад должен был сделать или Президент, или Председатель Правительства. И то, что этого не произошло, еще раз говорит о том, что у нас в высшем политическом руководстве очень плохо понимают разницу между военной реформой государства, или всей государственной системы, и реформой Вооруженных Сил. И пытались до сегодняшнего дня все реформирование свалить на Министерство обороны.

Несмотря на принятое решение, проведение заседания Совета обороны по этим двум проблемам, с двумя докладами по 30 минут, переносилось полгода — до мая 1997 года. И до мая 1997 года все наши попытки — моя, начальника Генерального штаба — обострить

чувство ответственности Президента, Председателя Правительства, министров, которые непосредственно имели отношение к этим двум проблемам, не увенчались успехом. Мы варились в собственном соку, не имея никакой поддержки и помощи.

Вот что происходило у нас накануне майского Совета обороны 1997 года. Наконец-то Президент принял решение: Совет обороны провести. Как можно заниматься реформированием, не имея ни концепции военной реформы, ни концепции реформирования Вооруженных Сил, исходя из этого — не имея программ, исходя из этого — не имея планов на год, на ближайшее время? А ведь вся полнота власти — у Президента. У нас с Генеральным штабом были какие-то задумки, конкретные мероприятия, но без утверждения Президентом мы ничего не могли сделать. Мне даже было категорически запрещено заниматься кадровой перестановкой.

Мы тщательно готовились к этому Совету обороны. До Совета обороны мне пришлось 23 февраля, используя День защитника Отечества, встречи с ветеранами, обратиться к общественности по вопросу о состоянии дел в Вооруженных Силах (это было в ЦДРА — Центральном доме Российской Армии), что было воспринято Президентом очень болезненно, потому что Президент хотел, чтобы руководство Министерства обороны тоже пело песни об успешном претворении в жизнь несуществующих реформ — военной и Вооруженных Сил, а положение дел было не лучше, а с каждым месяцем все хуже.

Мы с начальником Генерального штаба тщательно подготовились к Совету: я позвонил Президенту,

попросил его провести Совет обороны в Генеральном штабе, чтобы мы могли вывесить карты, схемы, таблицы и чтобы утечка информации была минимальной. Но должен вам сказать, что наши доклады месяца за три потребовали к себе и канцелярия Черномырдина, и канцелярия Президента. И затем, когда мы стали искать их, так доклад, который был у Черномырдина, найти не смогли. А это доклад «за двумя нулями», особой важности, потому что там была оценка истинного состояния каждого вида Вооруженных Сил — Ракетных войск, всей нашей стратегической триады: Сухопутных войск, Военно-морского флота, Военно-воздушных сил — всех видов Вооруженных Сил, их состояния, причин такого состояния и наши конкретные предложения о том, что делать и как выходить из этого положения. Мне кажется, что эти доклады были хорошо изучены, в том числе и за пределами Кремля и нашего Белого Дома. В понедельник, накануне Совета обороны, мне звонит Президент и по-отечески говорит: «Игорь Николаевич, мы все-таки Совет обороны должны провести. Меня тут некоторые пытаются опять убедить перенести его или же проводить в Кремле. Я сказал им: нет, будем проводить в Министерстве обороны, как мы договорились с министром. Я чувствую, они у нас хорошо подготовились. Хватит, уже полгода переносим, реформа стоит на месте, потому что у нас нет ни одного документа. Полно желания, полно трезвых мыслей, конкретных мер, но нет документа, который разрешал бы нам что-либо делать, как и в других министерствах, которые имеют отношение к обороне. Так что будем проводить у вас, готовьтесь, поставим точку и приступим наконец-то к конкретной работе». Я поблагодарил его: «Борис Николаевич, спасибо за поддержку».

На следующий день позвонил Юмашев: «Игорь Николаевич, я вернулся от Президента. Мы еще раз рассмотрели регламент, и Вам — 30 минут на доклад по Вашему вопросу, начальнику Генерального штаба — 30 минут, и у Президента остается полтора-два часа на дискуссию и на все остальное». — «Хорошо».

В четверг Президент приезжает в Генеральный штаб. Я чувствую уже по внешнему виду, что он совершенно другой, чем был в понедельник. Поднялись мы ко мне в кабинет, кабинет министра обороны. Он спросил: «Где тут телефоны, какие?» Я его спросил: «Борис Николаевич, регламент остается без изменений?» Он так холодно ответил: «Да. Идите, я сейчас приду». И началось его выступление (вы все это видели, были приглашены средства массовой информации), его вступительное слово с обвинением Министерства обороны в том, что мы тут ничего не делаем, вырастили целую плеяду жирных генералов, которые обросли дачами, и так далее, и так далее. Потом выпроводил представителей СМИ и говорит: «Так как то время, что я планировал, у меня уже закончилось, 30 минут для доклада министра обороны у меня нет, я даю Вам 15 минут».

У меня было выверено каждое слово, каждый знак препинания, потому что тема реформирования всей системы государства — это исключительно объемная и ответственная тема. Это не структурные изменения в Вооруженных Силах, которые сейчас происходят, это прежде всего мобилизационная проблема. Вся суть не в том, какую мы будем иметь армию. Мы, может быть, будем иметь одну парадную роту, и этого хватит. Но если наш потенциальный противник будет знать, что у нас высокая степень мобилизационной готовности страны,

экономики, созданы резервы, запасы — людские, вооружения, техники, продовольствия, обмундирования, медицины, — этого уже достаточно. Но именно по проблеме мобилизационной готовности за эти годы перестройки и до сегодняшнего дня наносился основной удар, ее нет.

В о п р о с ы э к о н о м и к и , с о с т о я н и я военно-промышленного комплекса, непосредственно вопросы Вооруженных Сил — все это входило в мой доклад. А дальше начальник Генерального штаба должен был выступить с предложением, какие же мы хотим иметь виды, рода войск по количественному составу, говорить о проблеме сокращения и так далее. Я говорю: «Борис Николаевич, во-первых, так, как начался Совет обороны, он своей цели не достигнет. Мы с Вами в понедельник договаривались не об этом». — «Вы много говорите, вы уже проговорили 5 минут, Вам осталось 10». Ну, я и сказал: «Я отказываюсь выступать. За 10 минут ничего путного я сказать не могу, а выглядеть смешным тоже не хочу». — «Садитесь. У меня есть предложение снять, отправить в отставку. Кто против?» Все члены Совета опустили глаза.

А накануне я кое-кому позвонил, зная, что может быть торпедирование, и попросил поддержки: может быть любое решение, но чтобы доклады прозвучали. Потому что доклад был не для Президента, а для Совета обороны — и мой, и начальника Генштаба. И вот кому-то было очень необходимо, чтобы Совет обороны или перенесли, или же на нем не прозвучали доклады. А если они и прозвучали бы, то в том виде, как предложил Президент, — 10 минут вместо 30, — когда докладчик уже вышел на трибуну. Вот так решаются у нас

государственные вопросы. И притом сделать посмешище из Министерства обороны, из министра.

Со мной закончили. Начальник Генерального штаба (Самсонов Виктор Николаевич) встает и говорит: «Борис Николаевич, мой доклад — логическое продолжение доклада Родионова, министра обороны. Без его доклада мой доклад ничего не представляет». — «Вы что, тоже отказываетесь?» — «Да». — «Снять. Кто за, кто против?» Все промолчали. «Единогласно». И там же был назначен новый министр, генерал Сергеев.

Заканчивая выступление, я хотел бы подвести итог. За время своей длительной службы в Вооруженных Силах я пришел к выводу, что в нашей государственной системе — и в той, бывшей, и в новой — далеко не все лидеры нашей партии, нашего государства относились к обороне и к армии так, как они должны относиться, занимая государственный пост — или Генерального секретаря, или руководителя Правительства. А Ельцин — это человек, который многие вопросы строительства обороны страны не понимает и, насколько я пришел к выводу, понимать не хочет и как Верховный Главнокомандующий совершенно не занимается этими проблемами. Доказывать и подтверждать это просто излишне. Если здесь будут искренен мой предшественник Грачев и пришедший после меня Сергеев, то они должны будут это подтвердить. Но я пришел к выводу, что основная причина развала Вооруженных Сил, оборонного состояния страны заключается в нежелании, в том числе нежелании Президента, заниматься этими проблемами и в его самоустранении от их решения. Он хочет за все радеть и ни за что не отвечать — как и по многим другим вопросам, чем он должен заниматься как Президент...».

Полагаю, что после такого рассказа мне нет необходимости дополнительно комментировать роль Ельцина в «укреплении» обороноспособности нашего государства. История даст еще объективную оценку: что это — неспособность высшего должностного лица заниматься решением важнейшего вопроса национальной безопасности или специально продуманная позиция, выгодная нашим стратегическим «друзьям»?..

Итак, Специальная Комиссия Госдумы пришла к однозначному выводу: ответственность за проведение так называемых «реформ» в нашей стране и их разрушительные последствия несет главным образом Президент Ельцин, так как по Конституции Российской Федерации он является главой государства, формирует Правительство, руководит его деятельностью, определяет основные направления внешней и внутренней политики государства.

Он использовал в одних случаях и не использовал в других свои властные полномочия в ущерб интересам государства и российского народа, фактически отстранил Государственную Думу от решения целого ряда важных социально-экономических задач. В отношении Государственной Думы он часто действовал так, как в свое время поступал и в отношении Верховного Совета Российской Федерации.

После нескольких месяцев напряженной и исключительно добросовестной работы Специальной Комиссии по всем вопросам обвинения состоялось пленарное заседание Государственной Думы об импичменте Президента Ельцина. Учитывая историческую значимость происходившего, а также явно предвзятое отношение к этой проблеме тогдашних

средств массовой информации, предлагаю вниманию читателей мое выступление (с некоторыми сокращениями) на пленарном заседании Госдумы 15 мая 1999 года:

«Впервые в истории нашей страны мы, в строгом соответствии с Конституцией, предъявляем обвинения человеку, которому этой Конституцией даны огромнейшие, неограниченные права.

Впервые в нашей истории мы выносим вердикт виновности не после того, когда этот человек уйдет с политической арены, не после того, когда он никому уже не будет нужен, — мы это делаем тогда, когда он еще работает, когда он еще находится у власти. И я считаю, что это самое главное в наших действиях по импичменту.

Мы не сводим счеты. Мы не мстим этому человеку. Мы сегодня подводим черту и даем оценку: что этот человек сделал за годы своего правления. Мы обязаны сегодня открыто обсудить этот вопрос и вынести свое решение. Мы не можем оставить его своим потомкам, чтобы они давали исторические оценки этого времени, чтобы они потом разбирались, что же происходило в эти сложнейшие годы жизни нашего государства. Мы обязаны сделать это сами.

Да, нас могут спросить: «Почему вы несколько лет мирились с тем, что происходило в стране? Почему вы раньше это не делали? Это что, трусость или нечто другое?» Я думаю, что действительно, к сожалению, у нас в Государственной Думе присутствуют и трусость, и корыстолюбие, которые, по-видимому, препятствовали решению этого вопроса, но наступило время, когда уже проснувшийся народ требует: в конце концов, до каких

пор вы будете мириться с тем положением, которое сложилось в нашей стране?

Я считаю, что мы имеем полное и юридическое, и моральное право предъявить Президенту Ельцину те обвинения, которые сформулированы в этих пяти пунктах.

Здесь передо мной выступали руководители депутатских объединений, которые находили причины, почему нельзя этого делать, или обвиняли Советский Союз, Советскую власть, Коммунистическую партию Советского Союза, но ни в коем случае не того человека, который восемь лет держит в руках бразды правления государством. Это что — политическое недомыслие? Или политический дальтонизм? Или нас умышленно уводят в сторону от того, чтобы мы могли дать оценку?

Я считаю, что главное, в чем мы обвиняем сегодня нынешнего Президента, заключается в том, что разрушено великое государство — государство, которое складывалось столетиями. Оно разрушено и превратилось в третьестепенную, развивающуюся страну. Такой город, как Смоленск, стал приграничным городом. Черное море мы потеряли. Потеряли выход к морям. Разве это допустимо? Я убежден, что главная вина Ельцина — это именно разрушение Советского Союза. Ненасытное стремление к личной власти привело его к тому, чтобы стать главным действующим лицом в беловежском сговоре.

Содеянное в декабре 1991 года можно рассматривать только как государственный переворот. Я другой формулировки не вижу и считаю, что она должна быть именно такая. Как мог этот человек, зная, что существует Конституция, государство, — как мог он в

нарушение Конституции в окружении кучки негодяев подписать такой документ? И мы сегодня пытаемся его оправдать, утверждая, что он абсолютно невиновен. Скажите: разве нет ответственности за нарушение Конституции? Разве Конституция — это не Основной Закон государства? Я считаю, что другой оценки здесь не может быть.

В то же время Президент Горбачев, вместо того, чтобы принимать немедленно меры, писал свою речь об отречении.

В нашей стране были сильные и слабые цари и руководители. Все было в нашей истории, но у нас не было предателей, у нас не было тех, кто стремился бы разрушить страну. Они, несмотря на все свои недостатки, приращивали страну. Эти же люди все сделали наоборот.

Я не буду останавливаться на том, к чему привел развал Советского Союза и в сфере экономики, и национальной безопасности, и в гуманитарных делах, и в международных отношениях, в образовании и так далее. Это все нам известно.

Сейчас пытаются доказать, что развал Советского Союза был неизбежен, что это судьба всех империй. Я заявляю, что это наглая ложь! Мы были великой державой, со своим общественным строем, со своими традициями и особенностями, но были крайне нежелательны Западу. Мы не давали им бесчинствовать в мире, как они делают сейчас в Ираке и Югославии. Десятки послевоенных лет только благодаря тому, что был Советский Союз, со своей мощью, со своим международным авторитетом, существовало политическое равновесие. Да, как в любом государстве, как в любом живом организме, всегда наступает момент,

когда необходимо что-то подправить. То же самое было и у нас. Но это не значит, что надо было разрушать Советский Союз. Да, нужны были изменения, и их надо было делать. Но нашлась в стране пятая колонна во главе с Горбачевым и Ельциным, которые как раз и начали разрушение.

Представитель Президента с этой трибуны неуклюже и неубедительно пытался доказать, что Ельцин в Беловежье только зафиксировал ранее состоявшийся развал государства. Я утверждаю обратное: разрушение страны определенными людьми проводилось сознательно и планомерно, и ничего случайного здесь нет. И не ГКЧП разрушил Советский Союз. Разве межрегиональная депутатская группа занималась благотворительной деятельностью? Посмотрите документы тех лет: чем они занимались, что они в то время делали, к чему они призывали? У нас сегодня даже не хватает не то что смелости — фантазии, чтобы делать то, что творили эти люди по разрушению нашей страны. А разве избрание Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации не дало толчок тем процессам, которые происходили?

Я говорю это не понаслышке. В то время мы представили свои соображения, как дальше должна развиваться страна. Это было отброшено, и отброшено по причине того, что в наших документах, в наших предложениях четко было сказано, что мы стоим за социалистический путь развития, что мы ни в коем случае не должны разрушать великое государство. Поэтому не случайно была взята на вооружение программа «500 дней» Явлинского — Шаталина, которая, кроме того, что она авантюрна по своей экономической сущности, не имела в своих формулировках даже такого

понятия, как Советский Союз, — был экономический союз! Так разве это не начало разрушения? Разве не сознательно было принято решение о суверенитете России, которое потом, в конце концов, подтолкнуло и Украину, и Белоруссию? Неужели мы забыли, как Ельцин и его окружение подталкивали Прибалтику, подталкивали сознательно, чтобы ее республики выходили из Советского Союза? Неужели мы не понимали, что провозглашение верховенства республиканских законов над федеральными — это разрушение Федерации? Да это дошкольнику понятно, а мы сегодня это забываем!

Я не буду останавливаться на сознательном разрушении финансовой и налоговой системы страны, на сознательном разрушении экономики, на сознательном разрыве экономических отношений республик и областей, на создании искусственного товарного голода. Это были целенаправленные действия по созданию хаоса и неразберихи в стране. Вот что подводило к Беловежью — а не просто в один день все рассыпалось. То, что я назвал, — это даже не полный перечень. И поэтому я говорю: это было не стихийное явление, это делалось планомерно, и поэтому инициатор и активный проводник этого должен нести всю ответственность за содеянное.

Уважаемые депутаты, представитель Президента постоянно утверждает, что в том, что произошло в государстве, виноваты все. Он здесь не оригинален — он повторяет утверждение Президента. Надеюсь, многие депутаты обратили внимание на вывод, сделанный Президентом в последнем Послании, которое мы слышали в Кремле. Цитирую: «Падение объемов производства, поразившее страну в 90-е годы, было обусловлено не экономическими реформами

либерализации, приватизации и свободой внешней торговли, а прежде всего наследством, доставшимся нам от плановой экономики».

Уже 10 лет нет плановой экономики, а он все плачется на плохое полученное наследство. Большинство сидящих здесь работали в этой плановой экономике. Что же вы, уважаемые депутаты, оставили нашему гаранту вот такое наследство — он 10 лет разрушает и не может разрушить до сих пор! Даже Мавроди не додумался возложить вину за крах «МММ» на Леню Голубкова и его жену Риту, а нас до сих пор упрекают, что мы были плохие. (*Аплодисменты.*)

Я считаю, что второй переворот произошел в сентябре — октябре 1993 года. Я не буду говорить о тонкостях, о том, что происходило, о человеческих жертвах, о моральном терроре, который наступил после этого. Об этом очень хорошо говорила Светлана Петровна и другие наши коллеги. Я только хочу сделать вывод: это произошел государственный переворот. Первое: Одним человеком через два года снова была нарушена Конституция. Второе: изменен общественный строй — вместо социализма страну повели в дикий капитализм. Третье: нарушены принципы управления — разогнали Советы, то есть убрали народовластие. И вот как раз эти выводы еще раз дают нам основание утверждать, что именно тогда произошел второй государственный переворот.

И несколько слов о военно-промышленном комплексе. Мне эта тема не только близка — меня глубоко тревожит, что мы, будучи раньше державой, которая гордилась своими Вооруженными Силами, всегда лелеяла свои Вооруженные Силы, когда солдат, человек

в серой шинели, был уважаемым человеком в нашем государстве (это было и при царях, это было и при коммунистах), сегодня оказались в таком положении. Полагаю, что мы должны дать оценку по военно-промышленному комплексу. Я мог бы привести много примеров, которые показывают, что мы действительно не можем сегодня защитить свои национальные интересы. Поэтому, уважаемые депутаты, все дальнейшие события в стране, которые происходили, являются, по сути дела, производными от того, что произошло в 1991–1993 годах.

Депутатская группа «Народовластие» вынесла свой вердикт: виновен по всем пяти пунктам — и будет за это голосовать».

Так в мае 1999 года Государственная Дума второго созыва подвела итоги семилетнего руководства Россией ее первым Президентом.

Однако тайное голосование по импичменту не набрало необходимых для такой процедуры конституционного большинства — 300 голосов депутатов. По каждому пункту за импичмент голосовали от 237 до 241 человека. Утверждение соответствующего Постановления Госдумы не прошло из-за позиции трех фракций — тогдашней проправительственной «Наш дом — Россия», ЛДПР и «Яблоко». И все же работа и выводы Специальной Комиссии и сама процедура обсуждения не прошли бесследно — через полгода Ельцин ушел в отставку. К сожалению, материалы Специальной Комиссии со всем их драматизмом и перипетиями обсуждения обвинений, выдвинутых против действующего Президента государства, остались в нашей

новейшей истории практически доступными только для историков и других исследователей.

Именно в годы ельцинского правления беспросветные сумерки окутали нашу землю. Естественно, возникает вопрос: как мог глава государства допустить подобное? Да, он был — и это очевидно любому — некомпетентен, но он имел в своем распоряжении большое количество специалистов, ученых, первоклассных практиков-производственников. И тем не менее даже не пытался использовать их потенциал. Зная его характер, могу сказать, что он, похоже, мстил своему народу, только неизвестно — за что! Для этого человека народ России, который с восторгом проголосовал за него в 1991 году, был просто пылью. Ему нужна была власть и только власть, во имя которой он расстрелял Верховный Совет РСФСР, уничтожил Советы народных депутатов. Он упивался властью, в ней видел он, чего и не скрывал, смысл своей жизни.

Безусловно, Ельцин был связан определенными обязательствами с западными «друзьями» — иначе чем же можно объяснить тот факт, что, несмотря на протесты отечественной академической науки по поводу губительного для России и ее народа выбранного курса экономических реформ, он отказался от какой-либо его корректировки. С подобным аргументированным письмом к нему обратилась и группа зарубежных экономистов — лауреатов Нобелевской премии, раскрывшая всю пагубность его реформ для России. Результат — тот же.

Ельцинские реформы в России — это вместе с тем и определенный этап реализации стратегических целей внешней политики США, направленной на дальнейшее

ослабление России, как правопреемницы СССР, и закрепление нового мирового порядка под эгидой одной державы. Как заявил Билл Клинтон на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года,

«...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирався сделать Президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы».

И в заключение. Политическая кара мира на определенных исторических этапах всегда претерпевала изменения, отражая новое соотношение геополитических сил. В 1991 году единое российское государство расчленено на 15 составных частей со всеми вытекающими последствиями, о чем в книге сказано достаточно. Но я верю, что после этого потрясения Россия воспрянет и займет достойное место в мире. Нужна воля политиков и народа, всеобщий настрой на созидание, на построение современного общества, сохраняющего и развивающего вместе с тем наши исторические и духовные традиции.

С этой верой в будущее народа и государства Российского я и заканчиваю повествование о тяжелейших годах моего Отечества и его дальнейшей судьбе.